

С.Т. Махлина

ЛЕКЦИИ
ПО
СЕМИОТИКЕ
КУЛЬТУРЫ
И ЛИНГВИСТИКЕ

Светлана Тевельевна Махлина
Лекции по семиотике культуры и лингвистике

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6036139

Светлана Махлина. Лекции по семиотике культуры и лингвистике: СПбКО; Санкт-Петербург;

2010

ISBN 978-5-903983-19-3

Аннотация

В книге «Лекции по семиотике культуры и лингвистике» рассказывается о том, как зародилась наука семиотика, об основных этапах ее развития, характерных особенностях знаков, их типах и классификации. В предлагаемом труде показывается многомерность проявления знаков в повседневности, в сакрально-религиозных представлениях, в культуре, науке, искусстве и лингвистике.

Содержание

Предисловие	5
Раздел I. Семиотика – наука, зародившаяся в недрах лингвистики	10
Лекция 1. Предмет и задачи курса «Семиотика культуры и лингвистика»	11
Лекция 2. Отечественная история семиотики	34
Лекция 3. Зарубежная история семиотики	65
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Светлана Махлина

Лекции по семиотике

культуры и лингвистике

Издается по решению Редакционно-издательского совета Санкт-Петербургского культурологического общества

Рецензенты:

М. С. Уваров, доктор философских наук, профессор В. Д. Лелеко, доктор культурологии, профессор

Махлина С. Т.

© Махлина С. Т., 2010

© ООО Издательство «СПБКО», 2010

Предисловие

Закономерным стало введение в классификационный перечень дисциплин, необходимых для подготовки философов и культурологов семиотики культуры и лингвистики. Таким образом, по мнению законодателей современного образования, подготовка культурологов вне семиотики невозможна. Критиковать такой подход было бы неразумно, ибо в таком отношении к данной дисциплине есть серьезный научный резон. Начиная с Ф. де Соссюра, семиотика сначала развивалась в недрах лингвистики. Но затем предмет анализа постепенно стал расширяться, захватывая все более обширные сферы культуры. На рубеже XIX–XX столетий зародилась новая наука – семиотика. Эта наука о знаках вызрела в недрах лингвистики, когда с позиций выявления закономерностей языка, стали исследовать литературу и явления, входящие в ее рассмотрение. Вместе с методами лингвистики семиотика также активно стала использовать и методологию логики и математики. Семиотика возникла на стыке нескольких дисциплин. Возникновение ее было случайным, спонтанным, но результаты оказались ошеломляющими. На основе семиотической методологии исследуемые объекты – в первую очередь явления литературы, мира вещей, анализируемых с позиций языка – стали по-новому осмысляться, явили миру новые, непознанные до времени грани. К тому же оказалось, что методология семиотики чрезвычайно близка кибернетике. Традиционно мышление и язык рассматривались как взаимосвязанные и определяющие друг друга явления. Язык рассматривался лишь как деятельность, сущность которой не тождественна ее объективированному продукту. Однако, начиная со второй половины XX века, стала происходить модернизация рационалистической модели знания. Теперь уже становится очевидным, что происхождение и эволюция языка приводят к социальному контексту, язык становится социализирующим фактором. Стало очевидным, что функция языка как социализирующего фактора призвана описать многообразие социальных практик и отношений к окружающей действительности, становясь практическим сознанием в рамках социальной прагматики. Не случайно лингвистика, и соответственно, семиотика, начинают пониматься как универсальный феномен социальной жизни, приобретая приоритетное направление, играющее важную роль в разрешении накопившихся проблем конца XX—начала XXI вв. Поэтому все гуманитарные науки, и в том числе философия, сталкиваются с проблематикой языкового значения как основополагающей в научном образовании. Оказалось, что язык стал социальной структурой, вложенной в модели действия и в интерпретации. Развитие семиотики в начале XX в. отразилось и на философских теориях. Примером может служить книга Бенедетто Кроче «Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика» (1902).¹ Кроче подводит философию и эстетику под знаковое поле лингвистики: принцип выражения («*espression*») объединяет «общую лингвистику» и философию, поскольку и та, и другая в пределе «экспрессивно-бытийны». Именно с Кроче философы XX в. активно обращаются к универсуму искусства и проблематике языка. Впоследствии многие философы видели в языке как семиотическом феномене один из важнейших методов познания действительности. М. Унамуно предрекал «омоложение метафизики в металингвистике, которая является подлинной мета-логикой».²

В конце XX в. философские концепции все больше обращают внимание на знаковость культуры, понимая, что предметом исследования поля многообразного художественно-эстетического опыта возможно лишь в его комплексном изучении на теоретическом, практическом и практико-теоретическом уровнях. Искусство XX–XXI вв. требует для его философ-

¹ Кроче Б. *Эстетика как наука о выражении как общая лингвистика*. – М., 1920.

² *Цит. по: Башляр Г. Земля и грезы волн*. – М., 2000. С. 19.

ского исследования отличных от традиционных форм и способов постижения, «конгруэнтных уровню их арт-бытия».³

Иронизируя по поводу тотального заполнения современной гуманитарной научной сферы терминами семиотики, Малькольм Брэдбери пишет эссе-пародию «Язык для своих»: карманный справочник структуралиста». Протестуя против того, что мета-язык, мета-письмо и т. п. стали заполнять не только эстетику и философию, но и любую интеллектуальную деятельность, Брэдбери становится язвительным, выступая в памфлетах против этого новояза. В частности, он пишет: «на заре столетия появился Фрейд с новыми теориями о бессознательном, и теории эти полностью уничтожили невинность секса, а заодно, к счастью, и связанное с ним чувство вины. Фрейд доказал, что все вокруг – секс, поэтому даже кашлять или кататься на велосипеде стало гораздо интереснее. То же самое происходит сейчас и с языком. Он, как и секс, утратил невинность. И теперь семиотики доказали, что все вокруг – язык, включая и секс. Великий французский семиотик Ролан Барт продемонстрировал, например, что пища – тоже язык... на самом деле все, что мы выставаем напоказ, о чем подаем сигналы или чем обмениваемся, есть язык – будь то секс, пища, деньги, одежда, спорт или законные супруги. Все это система знаков, управляемая валютным курсом (неплохое, между прочим, название для современного романа). Я – язык, и вы – язык, хотя одни из нас в нем сильны, а другие – не очень. Вот так обстоят дела на сегодняшний день, но пусть это не повергает вас в суровое молчание. После того как секс потерял невинность, люди не перестали им заниматься. У них просто пропала охота притворяться, будто они не знают, что делают, когда занимаются сексом, который, оказывается, существовал независимо от их размышлений. Точно так же и с языком. Сегодня нам всем следует признать, что мы – взрослые «означающие», всегда участвовавшие в семиотической деятельности. Не нужно паниковать: мы уже в ней – здесь и сейчас. Поэтому я предложил бы то же, что и Зигмунд Фрейд старушке Вене: «Прилягте на диван и расслабьтесь. Я здесь, рядом. И я вам помогу».⁴

Показывая влияние семиотики на современную культуру, Малькольм Брэдбери в романе «Сокращения» выводит литераторов, на книги которых повлияли Эко и Эндо, а также упоминает роль, которую оказал Ролан Барт на современную культуру в целом и художественную в частности.⁵

В России развитие семиотики пришлось на предреволюционные и первые годы после Октябрьской революции. Однако обилие течений и направлений, характерных для этого времени в России, как в искусстве, так и в науке, в конечном итоге обернулось борьбой между ними. Потерпели поражение научные и художественные представления наиболее глубоко-мысленные, требующие широкого круга знаний и, как правило, оторванные от привязанности к сиюминутным задачам. И все они стали высмеиваться, а затем и преследоваться.

Так семиотика в России первый раз оказалась под запретом, в загоне вместе с социологией, впоследствии с кибернетикой, генетикой и другими передовыми научными направлениями. Многие представители семиотики преследовались (например, М. Бахтин), труды их оказались запрещенными (например, О. Фрейденберг), кто-то эмигрировал (наиболее яркий пример – Р. Якобсон).

Второй этап победоносного шествия и развития семиотики связан с годами «оттепели» в России. В 60-е годы, когда были реабилитированы многие безвинно пострадавшие, вместе с ними вернулись и те, кто занимался исследованиями в области семиотики. Стали публиковаться труды М. Бахтина, сыгравшие важную роль в развитии семиотических идей не только в нашей стране, но и на Западе, публикуются труды О. Фрейденберг и др. К этому вре-

³ Корневице О. Б. *Книга неклассической эстетики*. – М.: 1998. С. 112.

⁴ Брэдбэри Малькольм. *Три эссе // Иностранная литература, 2002. – № 12. С. 242.*

⁵ Брэдбэри Малькольм. *«Отражения» // ИЛ. 2002. – № 12. С. 175, 180.*

мени относится становление и развитие Московско-тартуской школы. Теперь уже предметом семиотического анализа становится не только литература, но и многие другие виды искусства – музыка, пластические искусства, кино. Семиотические аспекты анализа оказываются применимы и к другим сферам жизнедеятельности человека – быта, в том числе жилища, идеологии и политики. В это время появляются философские труды по семиотике, получает развитие семиотический анализ и в психологии, и в медицине. Однако в России открытое развитие семиотики длится недолго, как недолго просуществовала «оттепель». Наступает «застойный» период, датируемый 1967 годом. В газетах начинается издевательство над семиотическими изысканиями, их терминологией, способами анализа. Многие представители семиотики вынуждены эмигрировать. Единственным оплотом семиотической науки остается Тартуский университет, вернее кафедра литературы во главе с Ю. М. Лотманом. В ответ на притеснения язык исследований становится еще более усложненным, именно в те годы возникает термин «вторичные моделирующие системы». В Тарту печатаются труды под названием «Летняя школа по вторичным моделирующим системам» (всего вышло пять работ). Публикации по семиотике ждали и в России и за рубежом, но распространение идей оказывается замкнутым, аудитория искусственно ограничивается. Так снова развитие семиотики было извне сдержано, свернуто. И все же здесь интенсивно развивалась семиотика во взаимодействии с учеными из других городов СССР, в первую очередь из Москвы (почему эта школа называется «Московско-тартуской»). В трудные годы «застоя» это была единственная база для такого рода исследований. Следует также иметь в виду, что на заре становления семиотики как науки ученые, работавшие в Санкт-Петербургском университете, приняли активное участие в разработке основных направлений и проблем этой философской дисциплины.

Перестройка чудесным образом все изменила в духовной жизни общества. Все ранее запретные книги и статьи по семиотике стали обильно печататься, появились на книжном рынке. Новое издательство «Школа “Языки русской культуры”» интенсивно пропагандирует труды по семиотике. Начинается активная волна интереса к семиотическим исследованиям. Появляются новые диссертации, написанные под влиянием семиотических идей, и защита их уже не подвергается остракизму. Теперь уже диапазон семиотических исследований еще больше расширяется.

Однако у нас в стране происходит довольно странная ситуация. Наиболее видные представители этой науки – В. В. Иванов, М. Л. Гаспаров, Б. М. Гаспаров, А. К. Жолковский, А. М. Пятигорский, М. Б. Ямпольский и многие другие интенсивно печатаются у нас, но живут и, как правило, преподают в западных университетах. При этом из уст некоторых из них раздаются замечания, что семиотика выдохлась, что дальше развитие ее возможно только, если вольются новые силы. И вот уже растет разочарование и неприятие идей семиотики как изнутри, так и вне ее.

Оправдано такое разочарование тем, что пора великих и интересных исследований на первый взгляд прошла. У нас теперь печатают переводные издания по семиотике как раз тех лет, когда западные идеи были закрыты от нас железным занавесом. Работы интересные, ставшие классическими. Да и обилие современных отечественных работ, получивших доступ к публикации, как правило, произведения отнюдь не современные. Чувствуется определенная усталость, накопленная семиотикой. Итак, третий и последний кризис? Неужели семиотика не вписывается в систему современного научного знания и должна быть забыта как интересный и плодотворный, но изживший себя эксперимент?

Думается, что поминки по семиотике преждевременны. Мы очень хорошо знаем, что большинство людей не обладают собственным мнением, заимствуя его у одаренных, ярких личностей, которым они подражают. Но это подражание связано в первую очередь со знаковыми аспектами.

С уверенностью можно прогнозировать, что, несмотря на кризисы и спады, семиотика входит важным компонентом в систему современного научного знания и в будущем ее, несомненно, ждут великие открытия и завоевания. Сегодня семиотические исследования широко распространены во всем мире.

Согласно теории культуры, разработка которой началась в Советском Союзе в 60–70-х гг., культура – это совокупность знаковых систем, с помощью которых человечество, или данный народ, поддерживают свою сплоченность, оберегают свои ценности и своеобразие своей культуры и ее связи с окружающим миром. Эти знаковые системы, обычно называемые вторичными моделирующими системами (или «языками культуры») включают в себя не только все виды искусства, различную социальную деятельность и модели поведения, господствующие в данном обществе (включая жесты, одежду, манеры, ритуал и т. д.), но также традиционные методы, с помощью которых сообщество поддерживает свою историческую память и самосознание (мифы, история, правовые системы, религиозные верования и т. д.). Каждый продукт культурной деятельности рассматривается как текст, порожденный одной или несколькими системами.

Одним из элементов культуры является художественная культура, ее ядром является искусство. И семиотика искусства получила довольно широкое распространение. Рубеж веков ознаменовывается поисками новых выразительных средств в искусстве. Практически нельзя обойтись без семиотического анализа при изучении современной художественной культуры, как и культурологии в целом. И семиотический аспект становится все более и более используемым методом в современной культурологии. Сегодня этот предмет ведется во многих ВУЗах. Следует заметить, что большинство учебных заведений ведут этот курс по подготовленным программам педагогов, читающих такой курс. Ознакомившись со многими программами этого курса, можно сделать ряд выводов. Как правило, такой курс ведут люди, имеющие солидную научную базу и хорошо знакомые с данной дисциплиной. Большинство изученных программ имеют четкую логику построения, хорошо дают представление о предмете и возможностях его применения. В каждом читаемом курсе учитывается специфика профессиональной ориентации студентов. Читать такой курс и сложно и просто. Сложно, потому что дисциплина эта требует очень серьезной подготовки. Просто прийти с общими знаниями и начать преподавать семиотику невозможно. С другой стороны, на современном этапе появилось множество работ, посвященных семиотике. Лишь освоив этот массив, можно, безусловно, подготовить интересный цикл лекций, дающий возможность познакомить студентов с наукой, которая сегодня востребована в разных областях знания.

Сегодня создано много антологий, собраний текстов по семиотике. Такова, например, книга: «Семиотика». Автор-составитель: Скрипник К. Д. – Ростов-на-Дону. РИО Ростовского филиала Российской таможенной академии, 2000. Много книг по культурологии выходит явно с семиотическим уклоном.

Однако накопленный этой наукой материал сегодня оказался столь обширным, что необходима некая матрица для структурирования предмета, столь важного и значимого для подготовки современных специалистов. Закономерно, что уже несколько лет во многих ВУЗах этот предмет ведется. Однако достойных учебников для преподавания пока еще не создано. Есть учебник Н. Б. Мечковской, рекомендованный Учебно-методическим объединением по образованию для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 122600 – теория и методика преподавания иностранных языков и культур, 122900 – перевод и переводоведение, 023000 – теория и практика межкультурной коммуникации и 021700 – филология. Как видно из рекомендации, для культурологов такой учебник слишком узок и не включает многих необходимых разделов. Каждый преподаватель исходит из своего видения предмета и своих возможностей, ибо у любого человека есть предпочитаемые темы, свой индивидуальный взгляд на избираемые проблемы.

Все же можно говорить о неких общих предпосылках, которые должны отличать курс семиотики. Безусловно, открываться такой курс должен освещением вопроса о предмете и задачах курса. Далее, на наш взгляд, следует студентам дать представление об истории семиотики. Несмотря на недолгий этап ее становления, она чрезвычайно насыщена не только именами, работами, но и событиями, особенно в нашей стране. Представляется немаловажным раздел, посвященный семиотике повседневности. Как известно, проблемы повседневности сегодня – один из важных элементов культурологии. И без рассмотрения семиотики повседневности такой курс был бы обеднен.

Особый раздел, безусловно, должен быть посвящен семиотике культуры. Здесь существует множество трудов, которые могли бы помочь преподавателю. И в качестве дополнения, вероятно, возможно выделить еще один раздел – семиотику искусства. Ибо сегодня произведения искусства без знания терминологии семиотики практически до конца понять невозможно. Как полагает У. Эко, даже иконический знак, по своим параметрам наиболее полно отражающий свое означаемое, не обладает никакими общими свойствами со своим объектом, является полностью произвольным, конвенциональным немотивированным.⁶ Такое членение курса подготовлено в программе по семиотике культуры и лингвистике в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств. Дополнена эта программа тестами по семиотике и развернутым списком тем для рефератов.

Внимание к данной проблематике остро актуально и важно для подготовки современных культурологов.

⁶ Усманова А. *Умберто Эко: парадоксы интерпретации.* – Минск, 2000. С. 77.

Раздел I. Семиотика – наука, зародившаяся в недрах лингвистики

Лекция 1. Предмет и задачи курса «Семиотика культуры и лингвистика»

1. Что такое наука «семиотика», что изучает «семиотика культуры»

Само слово семиотика происходит от греческого понятия *semeion* – знак, признак, *semeiotos* – обозначенный. Таким образом, сегодня под словом семиотика понимается наука, исследующая свойства знаков и знаковых систем, а также изучающая естественные и искусственные языки как знаковые системы. Знаковыми системами, изучаемыми семиотикой, могут быть не только естественные и искусственные языки, но и системы предложений научных теорий, химическая символика, алгоритмические языки и языки программирования, информационные языки, системы сигнализации в человеческом обществе и животном мире (от азбуки Морзе и системы знаков уличного движения до языка пчел или дельфинов). При определенных условиях в качестве знаковых систем могут рассматриваться языки изобразительных искусств и музыки. Соединение в рамках семиотики столь широкого разнообразия объектов изучения связано с фиксацией внимания на определенном их аспекте – на рассмотрении их именно как систем знаков, в конечном счете служащих (или могущих служить) для выражения некоторого содержания. Естественность такого подхода определяется

всем развитием науки, в ходе которого устанавливается все большее число общих для различных знаковых систем закономерностей (см. Изоморфизм). Ранними зачинателями семиотики можно считать Блаженного Августина, У. Оккама, Т. Гоббса и Г. Лейбница. Корни современной семиотики можно найти в работах языковедов-философов XIX–XX вв. В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, К. Л. Бюлера, И. А. Бодуэна де Куртенэ.

Основы семиотики заложили представители европейского структурализма 1920–1930-х гг. – Пражской лингвистической школы и Копенгагенского лингвистического кружка (Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон, Я. Мукаржовский, Л. Ельмслев, В. Брёндаль), русской «формальной школы» (Ю. Н. Тынянов, В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум).

Швейцарский лингвист Ф. де Соссюр рассматривал естественные языки как знаковые системы, разрабатывая теорию значения знаков в рамках научной дисциплины, названной им «семиологией». Основоположником семиотики является американский ученый Чарльз Сандерс Пирс (1839–1914), который ввел и самый термин. Семиотика развита в работах Ч. Морриса, Р. Карнапа, А. Тарского.

В XX в. семиотика приняла лингвистический уклон под влиянием идей основателя структурной лингвистики Ф. Де Соссюра и основателя датского лингвистического структурализма Луи Ельмслева и философский уклон под влиянием идей американского философа Чарльза Морриса. За рубежом исследования в области семиотики довольно широко распространены. Среди них следует отметить американскую школу Ч. У. Морриса. Во Франции множество направлений, представленных работами Клода Леви-Строса, Альгирдаса Греймаса, Цветана Тодорова, Ролана Барта, Юлии Кристевой, Мишеля Фуко, Жоржа де Лакана, Жилия Делеза, Жака Деррида. В Италии в настоящее время наиболее яркой фигурой является Умберто Эко, где в 1974 г. состоялся 1-й Международный конгресс семиотиков, на котором была создана Международная ассоциация семиотиков.

В России в 60-е гг. оформилась так называемая Московско-тартуская школа (Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, И. А. Чернов – Тарту; В. Н. Топоров, В. В. Иванов, Б. А. Успенский – Москва). Большую роль в развитии отечественной семиотики сыграли исследования Ю. М. Лотмана. Так, Юрием Михайловичем Лотманом в семиотической культурологии было разработано понятие семиосфера. Как показал Юрий Михайлович, каждая знаковая система в культуре оказывается лишь частью целостного механизма взаимодействий между непохожими друг на друга по своей организации и потому взаимодополнительными языками и кодами. Таким образом, семиосфера – это семиотическое пространство, по своему объекту, в сущности, равное культуре. Семиосфера – необходимая предпосылка языковой коммуникации. Для того, чтобы мог возникнуть акт коммуникации между адресантом и адресатом, оба они должны иметь предшествующий опыт именно в семиотико-культурном плане, т. е. владеть кодами данной культуры: моды, этикета, *языка* определенной социальной страны в обществе.

Но помимо этой основной школы, в стране работают ученые, занимающиеся семиотическими проблемами в философии и культурологии. В Ленинграде (Петербурге) следует отметить работы Л. О. Резникова, В. А. Штоффа, М. С. Кагана, А. К. Байбурина, А. Грякова, И. И. Докучаева, С. Т. Махлиной, С. В. Чебанова, Т. В. Черниговской, Л. Ф. Чертова, А. Утехина и др.

Для семиотического подхода характерно выделение трех уровней исследования знаковых систем, соответствующих трем аспектам семиотической проблематики: 1) синтактика посвящена изучению синтаксиса знаковых систем, т. е. структуры сочетаний знаков и правил их образования и преобразования безотносительно к их значениям и функциям знаковых систем; 2) семантика изучает знаковые системы как средства выражения смысла – основной ее предмет представляют интерпретации знаков и знакосочетаний; 3) прагматика изучает отношение между знаковыми системами и теми, кто воспринимает, интерпретирует

тирует и использует содержащиеся в них сообщения. Одна из важнейших проблем семиотики состоит в выяснении того, в какой мере эти уровни исследования взаимосводимы друг к другу.

В «Словаре культуры XX века» В. П. Руднева дается очень наглядное представление о смысле понятий синтактика, семантика и прагматика на примере знаковой системы знаков дорожного движения: синтаксис – цвета (красный, желтый, зеленый); синтактика – их значение (стоять, приготовиться к движению, ехать); прагматика – обращение к пешеходам и водителям, имеющее разное значение.

Итак, синтактика (от греч. – стоящий по порядку, приводящий в порядок) – раздел семиотики, посвященный рассмотрению и изучению чисто структурных свойств знаковых систем с точки зрения их синтаксиса (безотносительно к их интерпретациям, служащим предметом изучения семантики, и к проблемам восприятия и использования знаковых систем как коммуникативных средств в рамках прагматики).

Тесно связано с понятием синтактика понятие синтагматика – один из двух аспектов исследования языка – изучение языковых единиц в линейном ряду, в тех реальных отношениях, которыми они связаны в тексте; противопоставляется парадигматике.

Понятие семантика более объемное. Семантика (от греч. *semantikos* – обозначающий) – раздел языкознания, логики (или металогики) и семиотики, исследующий смысловую сторону слов и выражений, отношение между знаками, а также изменения значения слов в ходе развития языка и в практической деятельности человека. Таким образом, семантика изучает значения единиц языка – знака.

Существуют и два других, близких к первому пониманию семантики: 2) то же, что семиология, раздел языкознания, изучающий значение единиц языка; 3) один из аспектов изучения знаков в семиотике.

В логике – отдел, изучающий значения понятий и суждений, в особенности при записи их в виде формальных выражений, т. е. формальных систем. К задачам семантики относится уточнение таких понятий, как «смысл», «соответствие», «интерпретация». Интерпретация связана с исследованием смысла какого-либо построения, текста, когда необходимо выявить его семантику.

Семантика как наука начинает развиваться со второй половины XIX в., когда на основе пионерских идей В. фон Гумбольдта, высказанных еще в начале века, появились фундаментальные лингвистико-гносеологические концепции Х. Штейнтала, А. А. Потебни и В. Вундта, определившие 1-й этап в развитии семантики, который можно назвать психологическим и эволюционным. Для этого этапа характерен широкий эволюционный (но не всегда конкретно-исторический) подход к культуре и уподобление языковой семантики психологии народа. Единство семантики объясняется при этом едиными психологическими закономерностями человечества, а различия – различием «психологии народов». Согласно учению Потебни, мышление эволюционирует в теснейшей связи с языком по закономерностям, которые носят семантический характер (т. е., в понимании Потебни, психологический, но не логический). Как и Вундт, он рассматривал эти закономерности в тесной связи с «народной жизнью», проявляющейся также в области фольклора и «народной психологии». Ряд воззрений Потебни почти буквально совпадает с воззрениями историка литературы А. Н. Веселовского. В XX в. глобальные идеи эволюции и типологии послужили отправной точкой для концепций «языковой концепции мира» (неогумбольдтианство в ФРГ, концепции Э. Сепира и Б. Л. Уорфа в США и др.).

2-й этап, сравнительно-исторический, ознаменовался выделением семантики в особую область языкознания под наименованием семасиология. Этот период характеризуется введением в семантику общих принципов конкретно-исторического сравнительного исследования и попыткой формулирования – в основном удавшейся – истории законов семантики.

3-й этап начинается приблизительно в 20-х гг. XX в. Он характеризуется сближением семантики с логикой и философией. А. Ж. Греймас и Ж. Курте трактуют в своем «Объяснительном словаре по семиотике» семантику:

1. Противопоставляемая то паре «фонетика – фонология», то синтаксису (особенно часто в логике), семантика является одной из составных частей теории языка (или грамматики).

2. В лингвистике XIX в. больше всего внимания уделялось разработке фонетики и морфологии; в XX в., как бы под действием обратной тенденции, развиваются прежде всего синтаксис и семантика. В конце прошлого века М. Бреаль первым сформулировал принципы диахронической семантики, призванной изучать изменения значений слов, и приспособил для исследования социального аспекта естественных языков приемы античной риторики (особенно учения о тропах) и стилистики XIX в.

3. Отказавшись от диахронической направленности исследований в пользу синхронического описания явлений значения, семантика в первой половине XX в. поставила своей задачей выявление и анализ семантических полей (называемых также мыслительными, или понятийными). Начиная с работ И. Трира, который параллельно использовал семасиологический и ономазиологический подходы, эти исследования стали называться лексикологией (Ж. Маторе). В такой лексической семантике слово по-прежнему остается основной изучаемой единицей, что сближает ее таким образом с гипотезой Сепира – Уорфа, признающей категоризацию мира на основе лексических средств естественных языков. Этот подход, преследовавший таксономические цели, дал, однако, только частные и ограниченные результаты – из-за отсутствия критериев, существенных для имманентной структуры языка.

4. В 60-е гг. XX века использование фонологической модели, основанной на более или менее эксплицитно выраженном постулате о параллелизме двух планов языка, положило начало новому направлению, обычно называемому структурной семантикой. Считая, что план выражения языка образуют дифференциальные признаки и что этим признакам означающего должны соответствовать признаки означаемого, представители нового направления нашли способ изучения означаемых манифестированных лексических единиц (морфем и им подобных), основанный на расчленении их на более мелкие единицы (иногда называемые минимальными), которые являются семантическими признаками или семами. Каковы бы ни были теоретические предпосылки лингвистов этого направления (У. Вейнрейха, Б. Потье, А. Ж. Греймаса, Ю. Д. Апресяна, Д. Катца и Дж. Фодора), каковы бы ни были результаты, полученные индивидуально каждым из них, следует признать, что структурная семантика явилась важным этапом в развитии лингвистики: накопленный ею методологический опыт позволил по-новому взглянуть на теорию значения, открыл путь для семиотики.

5. Семантика в ее современном виде, по-видимому, подошла к решению проблемы, волновавшей многих лингвистов и нашедшей выражение в знаменитой формуле Л. Блумфилда, согласно которой смысл существует, но мы не можем сказать о нем что-нибудь осмысленное. И действительно, если известная «материальность» означающего служит гарантом научного описания, то план означаемого, который мы можем только предполагать, ускользал от позитивного изучения. Нужна была революция в умах ученых: на смену их уверенности в том, что они описывают «факты» языка, пришла идея, что лингвистика – это лишь теоретический конструкт, – построение, стремящееся объяснить явления, иначе (и непосредственно) непостижимые. Лишь после этого могла быть допущена и признана семантика как искусственно построенный язык, способный говорить о языке-объекте. Следует отметить, что признание семантики метаязыком привело к более или менее осознанному размежеванию специалистов в этой области: наряду с пониманием семантики как научного метаязыка, к которому присоединяемся мы, семантический язык часто рассматривается как обычное парафразирование на естественном языке.

6. Среди проблем, решения которых ожидают от семантики, назовем, прежде всего, проблему производства сем (от греч. *sema* – знак). Теоретически можно себе представить, что около двух десятков бинарных категорий сем, рассматриваемых как таксономическая основа некоторой комбинаторики, способны произвести несколько миллионов сочетаний семем, количество, на первый взгляд, вполне достаточное, чтобы покрыть семантический универсум, соотносительный (ко-экстенсивный) с тем или иным естественным человеческим языком. Не говоря о практической трудности установления подобной основы семантических универсалий, возникает другая, не менее сложная проблема, касающаяся уточнения правил семантической совместимости и несовместимости, которые управляют построением не только семем, но также и более крупных синтагматических единиц (высказывание, дискурс). Мы видим, что семный (или компонентный) анализ дает удовлетворительные результаты только при проведении ограниченных таксономических описаний (которые можно распространить на структуриацию более открытых семантических полей), поэтому следует оставить мысль о возможности создать для семантического анализа матрицы, подобные тем, которые фонология может создавать для своих задач. В конце концов, лингвистическая семантика (генеративная или логическая, в духе О. Дюкро) тем самым сводится только к установлению возможных универсалий. Таким образом, в 60-х гг. пришлось отказаться от иллюзорной веры в возможность разработки необходимых средств для исчерпывающего анализа плана содержания естественных языков. В то время лингвистика, как теперь стало ясно, ставила перед собой неразрешимую задачу: осуществить полное описание всей совокупности культур человечества.

7. Чтобы преодолеть этап, который был здесь кратко очерчен, семантика – в том виде, в каком Греймас и Курте стремятся разрабатывать в рамках Группы семиолингвистических исследований, – должна удовлетворять, как представляется, по меньшей мере, трем важнейшим условиям:

а) Семантика должна быть генеративной; под этим понимается постепенно возрастающие вложения содержания, расположенные на последовательных ярусах, от наиболее абстрактных к самым конкретным и фигуративным, так, чтобы каждый из ярусов смог получить эксплицитное металингвистическое представление.

б) Семантика должна быть синтагматической, а не только таксономической; следовательно, семантика должна стремиться объяснить не отдельные лексические единицы, а производство и понимание дискурса. Важное значение, которое придается контекстуальным семам в построении семем, позволяет нам в этой связи постулировать следующую гипотезу: наиболее глубинные семантические вложения соответствуют наиболее крупным по величине синтагматическим единицам и служат основой для установления изотопии⁷ дискурсов; таким образом, новые слои вложений ведут к конкретизации содержания и к расчленению дискурса на более мелкие синтагматические единицы вплоть до конечных сочетаний семем.

в) Семантика должна быть общей. Поскольку в естественных языках, совершенно так же, как в естественных мирах, появляются и создаются многочисленные семиотические системы – следует постулировать единство смысла и признать, что он может быть манифестирован разными семиотиками или несколькими семиотиками одновременно (как, например, смысл театрального спектакля): именно поэтому семантика является частью общей теории значения.

8. В рамках семиотической грамматики – такой, какая видится Греймасу и Курте, – выделяются две дополняющие друг друга составные части: синтаксис и семиотика, органи-

⁷ «Изотопия» – термин, введенный в семиологию А. Греймасом, одним из авторов «Объяснительного словаря по семиотике», для обозначения повторов тождественных сил в высказывании или дискурсе, т. е. в синтагматическом плане; в парадигматическом плане – это соединение двух контрарных членов под более общей категорией; например, вершины семиотического квадрата изотопны.

зация которых имеет два уровня глубины. Генеративная перспектива дискурса включает в себя, таким образом, две семантические инстанции: семантику базовую – на уровне семиотическом или нарративном, – наделенную абстрактным логическим представлением, и семантику нарративную, семантические вложения которой вписываются в формы нарративного синтаксиса на поверхностном уровне. Семантико-синтаксическая репрезентация, которая является следствием этого, – это репрезентация семиотических структур, которые пускаются в ход в конкретных актах высказывания для производства дискурса.

К понятию «семантика» в лингвистике примыкает понятие «базовая семантика» (франц. *semantique fondamentale*, англ. *fundamental semantics*). По «Объяснительному словарю по семиотике» А. Ж. Греймаса и Ж. Курте, будучи дополнительной по отношению к семантике нарративной и являясь вместе с ней семантической составляющей семиотической грамматики (на уровне семиотических структур), базовая семантика определяется своим абстрактным характером вследствие того, что она вместе с базовым синтаксисом соответствует исходной инстанции генеративной перспективы дискурса. Устанавливаемые ею единицы – это элементарные структуры значения, и их можно сформулировать как семантические категории, способные быть представленными в виде семиотического квадрата (что сообщает им логико-семантический статус и делает их операциональными).

В принципе, считается, что достаточно одной какой-либо семантической категории, чтобы запланировать (*ordonner*) и произвести микромир (микроуниверсум) дискурса путем последовательных вложений в каждую порождаемую инстанцию. Однако две различные семантические категории, взятые в качестве схемы семиотического квадрата, породить также могут новаторский текст (аналитический или синтетико-мифологический). Существование незакрытых видов дискурса или видов дискурса бессвязных такой концепции не противоречит: подобно тому как дискурс в два голоса (диалог) или дискурс в несколько голосов (групповой спор) могут составлять лишь один универсум дискурса и в своей базовой организации проистекать лишь от одной категории (или от пары пересекающихся категорий), так же и один манифестированный дискурс может быть как бессвязным, так и частью нескольких дискурсных универсумов. При некоторых определенных условиях можно также предвидеть случай, когда одна категория (или две пересекающиеся схемы) управляет микроуниверсумом, доминирует над другими категориями, которые ей подчинены или только сочинены: одно такое средство, имеющее иерархическую форму и использующее данный универсум культуры, будет названо эпистемэ.

Бог дождя или воды. Иран, ок 2500 г. до н. э.

Если известно, что семантический универсум может быть расчленен двояко: как индивидуальный мир (индивидуум) или как социальный мир (культура), возможно предположить – в порядке гипотезы – существование двух видов семантических универсалий: категории жизнь/смерть и категории природа/культура, – операциональная эффективность которых представляется несомненной.

Базовая семантика выступает на этом уровне как инвентарь (или как таксономия) категорий сем, которые субъект акта высказывания может использовать подобно виртуаль-

ным аксиологическим⁸ системам, значимости-ценности которых актуализируются только на уровне повествования, при их соединении с субъектами. Подобная элементарная аксиологическая структура парадигматического порядка может быть переведена в синтагматическую форму благодаря синтаксическим операциям, которые заставляют предвидеть дискурсные перспективы, исчисляемые в семиотическом квадрате: семантическая структура способна, следовательно, получать в этом плане синтагматическую репрезентацию.

Наконец, прагматика (от греч. *pragma*, род. падеж *pragmatos* – дело, действие) – раздел семиотики, в котором изучаются отношения субъектов, воспринимающих и использующих какую-либо знаковую систему, изучение отношения интерпретаторов-пользователей какой-либо знаковой системы (т. е. субъектов, воспринимающих и использующих ее) к самой знаковой системе. Другими словами, если синтактика изучает отношения между правильными выражениями знаковой системы, могущими в принципе быть интерпретируемыми, а семантика изучает интерпретации этих выражений (т. е. установление таких соответствий с содержательными областями объектов, при которых правильным выражениям приписывается смысл), прагматика изучает восприятие смысла выражений знаковой системы в соответствии с разрешающими способностями воспринимающего. Понятие прагматика является субъективным, т. к. включает не все возможные его характеристики, а лишь те, которые доступны использующему знаковую систему интерпретатору. Основные идеи выдвинул Ч. Пирс, развиты Ч. Моррисом (ввел сам термин прагматика). Прагматические свойства и отношения (напр., стилистические характеристики языка, оптимальное строение и степень допустимого сжатия сообщений), существенные для адекватного восприятия и понимания текстов, как правило, не выразимы средствами рассматриваемой знаковой системы, и их изучение, помимо лингвистических и логических методов, требует привлечения понятийного и методологического аппарата таких наук, как психология (в частности, инженерная психология), социальная психология, этология; в свою очередь, данные прагматики представляются перспективными для использования в «обслуживающих» ее науках. Прагматика предполагает всесторонний учет свойств и возможностей человеческого интеллекта и претендует на выявление условий и возможностей моделирования этих свойств в рамках широкой междисциплинарной программы т. н. искусственного интеллекта (разработки всевозможных «роботов»). Примерами такого рода задач прикладной прагматики могут служить проблемы машинного перевода и реферирования, построения информационно-поисковых систем и т. п.

Великий ворон (йель) в иконографии индейцев сев. – зап. побережья Северной Америки.

С понятием прагматика связано широко используемое в лингвистике и, соответственно, в семиотике, понятие парадигматика – один из двух аспектов исследования языка,

⁸ Под «аксиологией» авторы словаря понимают парадигматическую (данную до текста) систему значимостей-ценностей; аксиология противопоставляется идеологии как синтагматической системе ценностей в действии, в тексте.

противопоставляемый синтагматике, – изучение элементов языка и классов этих элементов, находящихся в отношениях противопоставления, выбора одного из взаимоисключающих элементов.

Иероглифы, каллиграфия

До сих пор мы описывали лишь параметры дисциплины семиотики. Но основным предметом этой науки, как это явствует из вышеизложенного, является язык.

Язык – это знаковая система. Язык – не только средство, при помощи которого люди общаются, обмениваются мыслями, регистрируют и закрепляют в словах результаты мышления, но и средство формирования человеческой мысли. Без языка невозможно само мышление, невозможно его появление. Вне языка невозможна обобщающая деятельность мышления. В данном случае речь идет о языке естественном как форме выражения мыслей и средстве общения между людьми. Но существуют и искусственные языки, изобретенные людьми. Примером может быть символический язык математической логики.

В культурологии термин язык понимается как выработанная в культуре система норм, в соответствии с которыми происходит осмысление некоторых, специально для этого создаваемых носителей информации.

В свою очередь под естественными языками понимается словесный, вербальный язык. Термин этот стал общеупотребительным, но некоторые ученые, например Л. О. Резников, предлагают термин «исторически сложившийся язык». Резников предложил такое название

оттого, чтобы отличить естественный язык от искусственных языков. Под искусственными языками понимаются знаковые системы, создаваемые для использования в тех областях, где применение естественного языка менее эффективно или невозможно.

В XVII – XX вв. было создано около 1000 международных искусственных языков, но только единичные из них получили реальное использование (волапюк, эсперанто).

Первый искусственный язык, получивший реализацию в общении, – волапюк (создан И. М. Шлейром в 1879; Германия). Практика показала сложность использования такой системы. Эсперанто – наиболее распространенный из международных искусственных языков. Он был создан в 1887 варшавским врачом Л. Л. Заменгофом. Сесар Вальехо, перуанский поэт и прозаик писал в 1926 г.: «Эсперанто мало-помалу прокладывает себе путь. В прошлом году Министерство народного образования Франции рекомендовало изучение этого языка во французских школах. В Японии только что сделали то же самое. В общем, эсперантские заведения приумножаются в Соединенных Штатах, в Германии, в России, в Скандинавских странах. С каждым днем растет потребность в международном языке». Однако широко распространенным языком эсперанто так и не стал.

Значительно меньшее распространение имели языки идо (реформированный эсперанто – создан в 1907 во Франции), латиносине-флексионе (создан итальянским математиком Дж. Пеано в 1903) и др.

Специализированными искусственными языками различного назначения являются символические языки науки (языки математики, логики, лингвистики, химии и др.) и языки человеко-машинного общения.

Началом создания и применения специализированных искусственных языков можно считать использование в Европе с XVI в. буквенной нотации и символов операций в математических выражениях.

К искусственным языкам относятся и формализованные классификационные информационно-поисковые языки, предназначенные для индексирования документов и информационных запросов посредством понятий и кодов какой-либо классификационной системы.

Понятие классификационных систем используется для обозначения библиотечно-библиографических систем классификации, которые прошли несколько этапов в своем развитии. Возникнув в глубокой древности для выполнения простейших функций учета и упорядочения библиотечных фондов по содержанию, классификационные системы совершенствовались вместе с развитием библиотек, увеличением их фондов, уровнем развития знания и философскими концепциями составителей. На каждом этапе истории классификационной мысли усложнялась структура классификационных систем, ее технические и технологические возможности. С развитием структуры усложнялась и система обозначений – индексация, являющаяся внешним выражением структуры классификационной системы.⁹ Классификационные системы используются для индексации книг, периодических изданий, магнитных записей, фильмов, картин и для организации фондов различных видов документов.

В России национальной классификационной системой является библиотечно-библиографическая классификация (ББК). Она была разработана 80 лет тому назад и, несомненно, требует определенной модернизации. Используется в России и «Десятичная классификация» М. Дьюи (ДКД), а также международная комбинированная система – УДК, созданная в 1905–1907 гг.

В настоящее время актуальным является вопрос о создании международной классификационной системы, которая, по мнению специалистов, должна быть международной с

⁹ См. об этом: Сукиасян Э. Р. Классификационные системы в их историческом развитии: проблемы типологии и терминологии / Э. Р. Сукиасян // Научные и технические библиотеки. – 1998. – № 11. С. 5–16.

функциональной точки зрения и универсальной с содержательной и структурной точек зрения.

Понятие язык в семиотике может обозначаться также словосочетанием «знаковая система». Основные свойства языка, знаковой системы: 1) знаки связаны в ней между собой определенными правилами синтаксиса; 2) новые знаки вводятся в систему не произвольно, а на основе правил; 3) значение знака в системе зависит не только от него самого, но и от его места в системе; 4) система состоит из конечного (хотя и не всегда постоянного) числа элементов (знаков), так что может быть составлено их описание с указанием каждого из них (словарь); 5) осуществим перевод (замена) одной знаковой системы на другую.

Так как язык – предмет изучения в первую очередь лингвистики, то в ней сложились знаковые теории языка – совокупность теоретических положений (идей, гипотез) о строении языка, рассматриваемого как система знаков и об отношении его к внеязыковой действительности. Понятие знака, восходящее к стоикам, изначально определялось как двусторонняя сущность, образованная отношением означающего (*semainon*) и означаемого (*semainomenon*) значений, интерпретируемых соответственно как «воспринимаемое» и «понимаемое». Определение знака как единства звуков и значения прошло через всю средневековую философию. Как считает У. Эко, «разработанную теорию знаков мы находим только у оккамистов. Вернее, раньше она тоже существовала, но раньше интерпретация знаков либо носила чисто символический характер, либо видела за знаками одни идеи и универсалии. И только от Бэкона до Оккама, в этот единственный период, знаки использовались для изучения индивидуалий». В новое время теория о знаках была изложена в трудах В. Гумбольдта, сформулировавшего «закон знака». ¹⁰

Общие принципы знаковых концепций были сформированы на основе анализа свойств естественного языка одновременно разными науками – философией, логикой, математикой, и психологией, лингвистикой в конкретных, специфических для каждой отрасли знаний целях, что позволяет разграничить знаковые теории по четырем научным сферам: философской, логико-математической, психологической и лингвистической, хотя граница между ними относительна. Большое влияние на формирование знаковых теорий языка оказала семиотика. В «теории символических форм» немецкого философа Э. Кассирера (1923) язык рассматривается как одна из символических форм наряду с религией, мифологией, культурой, наукой и т. п.

Логико-математическая линия представлена прежде всего работами Ч. С. Пирса, который разрабатывал особый вариант математической логики, называемый «умозрительной или чистой грамматикой». По характеру соотношения двух сторон знака Пирс выделил 3 типа знаков: а) иконические знаки, формируемые на основе подобия знака и денотата; б) знаки-индексы, создаваемые отношением смежности знака и денотата; в) знаки-символы, порождаемые установлением связи знака и денотата по условному соглашению – конвенциональные знаки. Связь двух сторон знака-символа не зависит от их сходства; такой знак обретает статус условного установления. В духе логического позитивизма эти идеи развивает Р. Карнап, работы которого («Логический синтаксис языка» 1934, «Введение в семантику», т. 1–2, 1942–43) оказали большое влияние на знаковые теории. В работах Карнапа понятие «знак», будучи приспособлено к конкретным нуждам специальных областей знаний, главным образом математики и физики, трансформируется. «Знак» (*sign*) приравнен им к «знаковому выражению» (*sign expression*) и тем самым сведен к форме знака. Характерной чертой знака стало не свойство «замещать что-либо», «репрезентировать», а «принадлежать к системе, быть членом строго формализованной системы, исчисления». Знаковые теории языка на бихевиористской основе создал Ч. У. Моррис. В концепции Морриса

¹⁰ В. фон Гумбольдт. *Избранные труды по языкознанию*. – М., 1984. С. 127.

язык интерпретируется как «целенаправленное поведение» (goal-seeking behavior), введено понятие «знаковая ситуация», а знак определяется как сумма условий, достаточных для его формирования. Моррис ввел новое понятие системности знаков, разграничив последние по способу сигнификации на характеризующие (designators), оценочные (appraisors), предписывающие (prescriptors), идентифицирующие (identifiers), знаки-форматоры (formators). Достижением теории Морриса явилось разграничение трех семиотических сфер: семантики, синтактики и прагматики, однако в этой теории все факторы, составляющие знаковую ситуацию и знаковое значение ставятся в зависимость только от субъекта, от его эмпирического опыта и данных его чувственного восприятия. Влияние бихевиористских знаковых теорий испытал Л. Блумфилд. В работе Ч. К. Огдена и А. А. Ричардса «Значение значения» (1923) исходными понятиями являются «символ», «мысль», «вещь», как необходимые константы «семантического треугольника». Огден и Ричардс разработали теорию знаковых ситуаций (sign situation), введя понятие внутреннего психологического и внешнего контекста. Для этой теории, в противоположность бихевиоризму Блумфилда, характерно акцентирование факта связи знакового выражения (sign expression) с ментальным, мыслительным образом вещи.

Богиня Хатор, держит в руке анх

Первым лингвистом, применившим понятие знака к конкретному описанию языка, был Ф. де Соссюр. Через призму знака, моделирующего взаимоотношение двух «аморфных масс» он вскрыл некоторые существенные стороны механизма внутренней организации языка как системы. Рассматривая язык как «систему знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа», он предложил семантические понятия «знак», «значение», «значимость» и др., применимые только к системе слов, т. е. к первичному этапу знакообразования. Идеи Соссюра были подхвачены многими последующими структуральными направлениями.

Другой подход к определению сущности языка и языкового знака и к методам их исследования представляла Пражская лингвистическая школа. Пражская школа испытала на себе влияние русской лингвистической мысли, особенно идей И. А. Бодуэна де Куртенэ.

Идеи изучения синтактики и прагматики естественного языка нашли также отражение в разработке знаковой теории дискурса в трудах Э. Бейсенса (*Les langages et le discours*, 1943), Л. Прието (*Semiologie de la communication et semiologie de la signification*, 1975). Идеи Р. Барта («Основы семиологии») о знаковых системах как носителях смыслов в контексте современной европейской культуры разрабатываются главным образом применительно к художественным текстам.

Божество с переполненным сосудом

Философские аспекты знаковых теорий языка представлены трудами А. Ф. Лосева, Ю. С. Степанова, Л. О. Резникова, Л. А. Абрамяна и др.

Мы постоянно, оперируя основными терминами семиотики, употребляли понятие «знак».

Настало время объяснить и описать его. Знак – материальный, чувственно воспринимаемый объект, который символически, условно представляет и отсылает к обозначаемому им предмету, явлению, действию или событию, свойству, связи или отношению предметов, явлений, действий или событий, сигнализирует о предмете, явлении, свойстве и т. п., которые им обозначаются. Материализуя мысленные образы, знак дает возможность накапливать, хранить и передавать информацию.

Основоположник семиотики американский логик Чарлз Пирс (1894–1914) подразделял знаки прежде всего по отношению их к денотату на изображения, индексы и символы. Отношение между знаком и логическими операциями познающего субъекта он положил в основу определения понятия «значение».

1. А. Ж. Греймас и Ж. Курте в работе «Семиотика. Объяснительный словарь» дают следующее определение знака (Signe – фр., Sign – англ.) – единица плана манифестации, конституируемая семиотической функцией, то есть отношением взаимной пресуппозиции (или солидарности), которое устанавливается между величинами плана выражения (или означающим) и плана содержания (или означаемым) в акте речи.

2. Соссюр, сформулировавший проблему языкового знака, считал знак результатом соединения означающего и означаемого (которые Соссюр отождествил, на первом этапе, соответственно с акустическим образом и понятием). И, хотя впоследствии, развивая свою теорию, Соссюр счел необходимым более абстрагировать оба эти понятия и признать означающее и означаемое таковыми только в силу того, что они служат конституентами языковой формы (как лицевая и оборотная стороны листа бумаги), термин «знак» в течение долгого времени отождествлялся – да и сейчас отождествляется – с минимальным знаком, то есть со «словом» или, более строго, с морфемой (или, в теории А. Мартине, с монемой). Именно в этом смысле знак используется в расхожем определении языка как «системы знаков».

3. Л. Ельмслев внес в теорию знака вклад двоякого рода: а) представляя знак как результат семиозиса, происходящего в акте речи, он показывает, что величина единиц манифестации не существенна для определения знака, иначе говоря, что наряду со знаками минимальными, каковыми являются «слова», можно говорить и о знаках-высказываниях или знаках-дискурсах; б) постулируя для каждого из двух планов языка – выражения и содержания – различие между формой и субстанцией, он уточнил сущность знака, определив его как соединение формы выражения и формы содержания (таким образом, в плане выражения в построении знака участвует фонологическая, а не фонетическая структура).

4. При употреблении языка происходит, следовательно, семиотическая манифестация в форме знаковых цепочек. Изучение знаков, произведенных определенным членением формы выражения и формы содержания, возможно лишь в том случае, если оба плана разъ-

единены, чтобы быть изученными и описанными каждый в отдельности. Иными словами, если считать анализ манифестации, имеющий целью опознавание и установление минимальных знаков, необходимым предварительным условием, то семиотическое исследование начинается в действительности только по одну сторону минимального знака и должно проводиться для каждого из планов языка отдельно, и здесь основными единицами являются уже не знаки, а фигуры.

5. Однако, существует также экстра– или парасемиотическое значение слова «знак», встречающееся иногда в семиотических или лингвистических работах. В этом случае под знаком обычно имеют в виду «нечто репрезентирующее нечто другое». Будучи перенесенным в семиотику, термин «знак» означает тогда любую форму для выражения мысли или вещи: то есть совпадает с понятием «форманта». Такое употребление «знак» предполагает особую концепцию языка – язык понимается как запас «этикеток», которые прикрепляются к уже существующим предметам, подобно обыкновенной номенклатуре (Л. Ельмслев).

6. Англо-американская лингвистика либо очень мало интересовалась проблемами знаков, находясь под влиянием бихевиоризма, либо под влиянием позитивизма пыталась ввести в определение знака понятие референта, построив треугольную модель его интерпретации (Огден и Ричардс, вслед за Ч. С. Пирсом). Три угла в нем образуют: а) символ (означающее, или, согласно Пирсу, репрезентамен (representamen); б) референция (означаемая реальность, или, по Пирсу, интерпретанта); в) референт (означаемая реальность, или, согласно Пирсу, объект). Как известно, лингвисты, следующие за Соссюром, считают исключение референта необходимым условием развития лингвистики.

7. Проблема референта еще более углубляет пропасть, которая продолжает разделять две концепции лингвистики и особенно семиотики. Если для европейской семиотики анализ знака – лишь промежуточный этап для перехода к описанию внутренней организации (сеток членения) форм, то для американской семиотики характерна тенденция останавливаться на уровне знака и заниматься их классификацией, базирующейся большей частью на типе отношения между знаком и референтом (например, иконический знак определяется отношением сходства; указатель – отношением «естественной» смежности; сигнал – искусственным отношением и т. д.).

8. Представляется возможной еще одна классификация знаков, основанная на внутренних признаках: она могла бы характеризовать знаки по их принадлежности к определенному типу семиотики (одноплановая, двухплановая, многоплановая).

Л. О. Резников и А. А. Брудный¹¹ высказывают мысль о том, что отношение знака к объективно-реальным предметам опосредовано сознанием. Основным для знака является его отношение к значению, т. е. к тому, что существует в сознании. Единство значения и знака, по их мнению, составляет необходимое условие общения, ибо знаки могут служить процессу обмена мыслями только при наличии значений, известных, понятных тем, кто общается. А. А. Зиновьев¹² отмечает, что знаки имеют ряд свойств, кроме того, что они находятся в соответствии с обозначаемым. Так, на роль знака отбираются удобные предметы, а не любые. Знаки должны непосредственно восприниматься теми, для кого они предназначены. В концепции знака и значения, разработанной И. С. Нарским, отношение знака к вещам и процессам вовсе не обязательно должно быть опосредовано сознанием, ибо как знаковые отношения, в математической логике, например, интерпретируются генетические, гормональные и феромональные структуры и процессы. Как материал знак, так и его значение могут быть либо материальными, либо идеальными. Знаки образуют особого рода знаковую систему –

¹¹ Брудный А. А. Знак и сигнал // *Вопросы философии*. 1961. – № 4. С. 128.

¹² Зиновьев А. А. Об основных понятиях и принципах логики науки // *Логическая структура научного знания*. – М., 1965. С. 158–159.

язык. Знак представляет единство определенного мыслительного содержания означаемого и означающего. Две стороны знака, будучи поставлены в отношении постоянной опосредованной сознанием связи, составляют устойчивое единство, которое посредством чувственно воспринимаемой формы знака, т. е. его материального носителя, репрезентируют социально приданное ему значение.

Если отвлечься от расшифровок, определение знака наиболее точно и полно дано Л. Резниковым для общей теории знаков: «Знак есть материальный, чувственно-воспринимаемый предмет (явление, действие), выступающий в процессе познания и общения в качестве представителя (заместителя) другого предмета (предметов) и используемый для получения, хранения, преобразования и передачи информации о нем».¹³

Основные черты знака: 1) он имеет значение; 2) информирует не о себе, а о чем-то, находящемся за пределами знака; 3) употребляется для хранения и передачи информации; 4) функционирует в знаковой ситуации, т. е. при наличии воспринимающего человека (или другой организованной системы); 5) значение знака единично и устойчиво (во всяком случае – в данном контексте); 6) границы знака ясно очерчены, так что он может быть отделен от других знаков и многократно использован в разных контекстах; 7) его форма может сильно изменяться в широких пределах, единственное требование к ней – она должна позволить опознать знак, отличить его от других; 8) форма частично или целиком произвольна по отношению к денотату. Например, любой дорожный знак удовлетворяет всем 8 требованиям. Он всегда имеет значение: «Остановка запрещена», «Не шуметь», «Осторожно, дети» и т. п. Любой дорожный знак информирует не о себе. Он функционирует только в знаковой ситуации. Его значение всегда одинаково (в противном случае знаки могли бы быть источниками аварий и дорожных происшествий). Границы его ясно очерчены – его всегда можно унести, переставить в другое место, снять и повесить другой в случае надобности. Он может быть нарисован на деревянном щите или на металле, более густой или менее насыщенной краской, – главное, чтобы мы могли его отличать от других знаков.

Понятие знак неразрывно связано с понятием денотат. Денотат (от лат. *denotatum* – обозначаемое) – обозначаемый предмет. Термин денотат употребляется в следующих значениях:

1) Денотат некоторого конкретного речевого отрезка – то же, что референт (как его определяют Ч. Огден и А. А. Ричардс). Термин «денотат» в этом смысле употребляется как русский эквивалент термина Г. Фреге *Bedeutung* (букв. «значение») и его английского перевода *denotation*, используемого, напр., Б. Расселом и А. Черчем.

2) Денотат некоторой языковой (абстрактной) единицы – множество объектов действительности (вещей, свойств, отношений, ситуаций, состояний, процессов, действий и т. д.), которые могут именоваться данной единицей (в силу ее языкового значения). Такое употребление термина «денотат» (К. И. Льюис, У. О. Куайн, Дж. Лайонз и др.), восходящего к термину *denotation* Дж. С. Милля (1843), соответствует тому, что в традиционной логике называется «объемом понятия», а у Р. Карнапа – «экстенсионалом». В этом случае денотат противопоставлен в первую очередь сигнификату («содержанию понятия» в традиционной логике, «интенсионалу», по Карнапу), а во вторую очередь – референту.

3) Элемент экстенсионала (т. е. множества объектов, способных именоваться данной языковой единицей).

4) То же, что «денотативное значение» – понятийное ядро значения, т. е. «объективный» («номинативный», «внешнеситуационный», «когнитивный», «репрезентативный», «фактический», «диктальный», «предметно-реляционный») компонент смысла, абстраги-

¹³ Резников Л. О. Гносеологические проблемы семиотики. – Л., 1964. С. 9

роанный от стилистических, прагматических, модальных, эмоциональных, субъективных, коммуникативных и т. п. оттенков.

Денотат – вещь в самом широком смысле, как нечто, что может быть названо и обозначено собственным именем (А. Черч). Немецкий математик Фреге для обозначения такого термина употреблял термин «номинат» (*Nominatum*). Возможен и такой случай, когда то или иное выражение имеет смысл, но не имеет денотата. Многозначность характеризует не только термин «Денотат», но и соотносительные с ним термины – «денотативное значение», «денотативная (предметная) отнесенность», «денотативные аспекты (компоненты) смысла» и др.

В семиотике денотат – то, представителем чего является знак в языке.

Современная семиотика выделяет в языке два плана: денотативный и коннотативный. Под денотативным значением слова принято понимать не сам предмет в его конкретной единичности, но «типовое представление о нем» или же «класс объектов, объединяемых выделенными при их номинации свойствами». ¹⁴

Денотат отличается от значения знака. Значение знака – содержание, связываемое с тем или иным выражением (слова, предложения, знака) некоторого языка. Значение – то, чем данный объект является для людей, находящихся в процессе житейской, эстетической, научной, производственной, общественно-политической и другой деятельности. Значение языковых выражений изучается в языкознании, логике и семиотике. И. С. Нарский определяет значение как информацию о вещах и их свойствах и отношениях, о явлениях и процессах внешнего мира, устанавливаемую и проверяемую в конечном счете практикой. В логической семантике под значением понимается объект, сопоставляемый при интерпретации некоторого естественного или искусственного языка любому его выражению, выступающему в качестве имени. Таким объектом может быть как вещь, так и мысль о вещи. В науке о языке под значением понимают смысловое содержание слова. В логике (и семиотике) под значением языкового выражения понимают тот предмет или класс предметов, который обозначается (называется) этим выражением (предметное, или экстенциональное значение), а под смыслом выражения (смысловым или интенциональным значением) – его мыслимое содержание, т. е. ту заключенную в выражении информацию, благодаря которой происходит отнесение выражения к тому или иному предмету (предметам).

Одни из первых работ, посвященных значению – Ч. Огдена, А. Ричардса и Дж. Вуда «Значение значения» (*Ch.K. Ogden and I. A. Richards. The meaning of meaning. – L., 1923*) и «Основы эстетики» (*Ch.K. Ogden, I. A. Richards. J. Wood. The foundations of aesthetics. – L., 1922; 2 ed., 1925*), написанные в русле неопозитивизма. В этих работах утверждалась многозначность и неопределенность смысла эстетических категорий. Их идеи продолжили Ч. Стивенсон, Д. Хосперс, В. Илтон, О. Боувем и др.

Исследуя значение предметных форм в архитектуре и дизайне, Умберто Эко указывает на два типа или уровня значения, приписываемых форме. Первичным уровнем значения являются те практические функции, для которых вещь предназначена и которые она денотирует как знак. Вторичное, коннотативное значение – символом чего она служит. ¹⁵

Знаки могут быть различными. Существуют различные классификации знаков. Мы придерживаемся классификации, впервые примененной Ч. Пирсом. Он рассматривал специфику знаков по их отношению к денотатам. В связи с этим им были подразделены знаки на иконические знаки, знаки-изображения, знаки-индексы, или знаки-признаки, и символы. Третий вид знаков мы называем условными знаками, отличая их от символа – понятия более

¹⁴ Телия В. Н. *Коннотативный аспект семиотико-номинативных единиц.* – М., 1986.

¹⁵ Eco U. *Einführung in die Semiotik.* – München, 1972. С. 302–311.

многозначного, в одних случаях более узкого, в других – выходящего за пределы объема значения термина «знак».

Знак-изображение воспроизводит в своей материальной структуре структуру денотата. Воспроизведение основано на принципе подобия, сходства с отображаемым предметом или явлением.

Сходство изображения с отображаемым предметом может быть различным, но никогда не бывает полным, то есть тождественным. «Любое изображение, будучи само по себе конкретным, материализует (при создании) и вызывает в сознании (при восприятии) образ оригинала. Этот образ всегда будет абстрактным отображением оригинала, ибо он всегда от чего-то отвлекается, что-то выделяет и т. д.»¹⁶

В некоторых случаях возможен «абсолютно изобразительный знак», по существу знаком не являющийся. В этом случае в знаке-изображении полностью воспроизведен изображаемый объект. По существу, такой абсолютно изобразительный знак (термин введен Ч. Моррисом) уже будет не изображением, т. е. не знаком, замещающим предмет в процессе познания и общения, а новым, самостоятельно функционирующим предметом. Примером абсолютно изобразительных знаков могут быть реальные предметы быта, используемые в исторических постановках сценографами театров. В отличие от абсолютно изобразительного знака, изображение всегда ограничено в полноте воспроизведения свойств денотата. Степень его сходства с объектом определяется тем, какие структурные характеристики последнего сохранены в изображении, то есть являются инвариантными, а какие изменены.

На одном уровне сходства (подобия) в качестве таких инвариантов выступают величина предмета и его положение в пространстве (метрический инвариант). На других уровнях константными являются лишь пропорции между величинами (инвариант геометрического подобия) или только параллельность линий при нарушении других характеристик формы (аффинный инвариант). Наконец, существуют проективный инвариант (параллельные линии превращаются в сходящиеся – например, при любом перспективном изображении) и топологический (многоугольник превращается в окружность).

Наибольшее сходство наблюдается при полностью соблюденном метрическом инварианте, когда изображение совпадает с объектом при наложении (такое совпадение называется конгруэнтностью). Меньше степень сходства при инварианте геометрического подобия, еще меньше при аффинном инварианте и т. д., вплоть до топологического инварианта.

Параллельно с этим растет степень обобщенности изображения.

Некоторые из материальных свойств денотата вообще не воспроизводятся в знаке-изображении, а только выражаются (кодируются), то есть обозначаются условно. Например, черно-белая фотография (не в натуральную величину) воспроизводит пространственные характеристики предмета без сохранения метрического инварианта, но с сохранением инварианта геометрического подобия для одних характеристик и аффинного инварианта для других (так, объем передается главным образом с помощью перспективы, т. е. аффинного преобразования). Модальные же характеристики объекта в этом изображении не отражены или выражены условно, «закодированы» (например, цвет, твердость и т. п.).

В знаке-изображении отражается не только объект, но и – косвенно – субъект, создатель изображения. Изображение – это результат активной познавательной-теоретической деятельности человека, которая заключается в мысленном овладении объектом и его преобразовании. Даже тогда, когда изображение получается механическим путем (например, при фотографировании), оно включает субъективный момент, который проявляется в выборе предмета, точки зрения на него (ракурса изображения) и т. п.

¹⁶ Басин Е. Я. *Семантическая философия искусства*. – М., 1973. С. 48.

Преобразование объекта (которое вовсе не равнозначно намеренному искажению его формы), таким образом, характеризует любое изображение. Все сказанное о знаке-изображении вне искусства относится и к художественному изображению, с той, однако, важной оговоркой, что степень отхода от оригинала, мера несходства с ним будет в искусстве, при прочих равных условиях, большей. Здесь к названным выше субъективным факторам прибавляется то, что называют «индивидуальным видением» мира художником.

Описывая знак-изображение, мы употребляли термин изоморфизм. Его часто, особенно представители художественной интеллигенции, что отражается и в их публикациях, путают с гомоморфизмом. Изоморфизм (греч. *isos* – равный, одинаковый, подобный, *morphe* – вид, форма) – отношение между объектами одинаковой, тождественной структуры. Если каждому элементу одной структуры соответствует лишь один элемент другой структуры, то такие две структуры называются изоморфными друг другу структурами. Изоморфизм – понятие, уточняющее широко распространенное понятие аналогии, модели, соответствие (отношение) между объектами, выражающее тождество их структуры (строения).

Гомоморфизм (греч. *homos* – равный, одинаковый и *morphe* – вид, форма, образ) – такое отношение между двумя совокупностями (системами) каких-то предметов (объектов), когда:

1) каждому предмету (объекту) первой совокупности соотносится один только предмет (объект) второй совокупности и каждому виду отношения первой совокупности соотносится один только вид отношения второй совокупности;

2) когда для ряда предметов первой совокупности выполняется некоторое отношение первой совокупности, то и для предметов второй совокупности выполняется отношение второй совокупности. Принято говорить, что вторая совокупность предметов (объектов) представляет гомоморфный образ, модель первой совокупности предметов (объектов).

Гомоморфизм – обобщающее понятие изоморфизма. Гомоморфизм – такое соответствие (отношение) между объектами, при котором один есть «модель» другого.

Второй тип знаков – знак-индекс или знак-признак – предмет (явление) или его свойство, несущие информацию о тех явлениях, которым оно постоянно сопутствует и частью или следствием которого они являются. Примером может служить чайка как знак моря (сопутствие), дым как знак огня (следствие). Признаками являются и всевозможные средства выражения эмоций людьми в общественной жизни: жесты, мимика, речевые интонации (психология называет их «выразительными движениями»). Описанные признаки относятся к числу природных, естественных, если они не используются в целях коммуникации, т. е. в целях хранения и передачи информации. Однако, те же самые признаки или же созданные по их образу и подобию, либо на их основе, могут использоваться в коммуникативных целях. В этом случае, т. е. когда они являются искусственными, мы можем их назвать знаками, тогда как в первом случае, в строгом смысле слова, знаками они не являются. Естественно, признаки связаны со своим денотатом объективно, поскольку признак относится к обозначаемому предмету либо как часть к целому, либо как следствие к причине. Наличие такой связи позволяет говорить о том, что признак выражает одну из сторон явления в целом. Иначе говоря, он служит проявлением одной из сторон сущности этого явления. Это становится особенно ясным, когда перед нами естественные признаки человеческих эмоций, т. е. выразительные движения. «Чувства человека получают специфическое выражение в произвольных мимических и пантомимических движениях, а также в интонациях речи. Переживание гнева, восторга, печали, удивления, волнения, беспокойства характеризуются присущими ему особенностями выражения. Поэтому, несмотря на определенные различия в выражении чувств, вызванные индивидуальными особенностями человека – типом нервной системы и т. д., сказывающимися на его характере, – по воспринимаемой мимике и пантоми-

мике мы можем понять, что человек испытывает: нежность или злобу, радость или горе».¹⁷ Таким образом, произвольный жест, произвольная речевая интонация или мимическое движение непосредственно выражают чувства человека, и, следовательно, полностью ему соответствуют. Когда же мы обращаемся к искусственным знакам, которые выступают уже в роли средств общения между людьми, то о непосредственном выражении эмоций говорить можно далеко не всегда. Это связано с тем, что искусственные знаки-признаки, в том числе такие, как употребляемые в общении жесты, мимика, речевые интонации, не являются копиями естественных признаков, а в той или иной мере изменены по сравнению с ними. Эти изменения обусловлены общественной практикой. В искусстве выражение эмоции отходит еще дальше от непосредственного, так как опосредуется не только привычками эпохи и требованиями общественной обстановки, но и специфическими требованиями искусства, стилем данного художественного произведения, манерой художника и т. п. Поэтому речь актера никогда не воспроизводит в точности бытовых интонаций, его мимика и жесты отличны от применяемых в окружающей жизни, хотя и опираются на последние. И, тем не менее, знаки-признаки весьма распространены в искусстве.

Третий тип знаков – знак-символ или условный знак. Это – один из типов знаков, классифицируемых по отношению к денотату. Само определение говорит о произвольности связи знака с денотатом. Эта связь устанавливается по договоренности между людьми, употребляющими знак.

Во всех случаях использование и понимание знака ограничено обязательным условием – предварительным знанием его значения. Причиной является то обстоятельство, что условный знак не воспроизводит свойств объекта, а лишь обозначает его, т. е. связан с ним произвольно. «Произвольность знаковых систем по отношению к денотатам имеет принципиальное значение для многих знаковых систем, придавая связи знаков и обозначаемых предметов условный характер в том смысле, что одна и та же предметная область может обозначаться различными системами знаков».¹⁸

Произвольность условного знака по отношению к оригиналу не означает полной произвольности их выбора. С практической стороны выбор знаков ограничен рядом требований. Знаки должны легко восприниматься, воспроизводиться и передаваться. Этим определяются некоторые особенности их материальной формы: неизменность, однотипность, определенность (позволяющая отличить один знак от другого).

Связь условного знака с денотатом не имеет объективных оснований, т. к. здесь не обязательны ни сходство знака и предмета, ни их соотнесенность по принципу смежности или каузальности. В этом случае для образования знака и для его понимания решающую роль приобретает конвенциональность – наличие «договоренности» между людьми о его значении.

Максимальная условность характеризует и символические средства в искусстве, что определяется теми же самыми причинами, а именно: произвольностью их связи с денотатом, отсутствием соотношения между данным средством и структурой отображаемого явления. Следует, однако, подчеркнуть, что здесь речь идет только о соответствии между структурой знака, с одной стороны, и отражаемого явления – с другой (в искусстве это касается лишь художественной формы).

Поэтому в искусстве в качестве знаков-символов могут быть использованы часто жизненно неподобные формы, но отражающие нечто, отличное от изображенного. Скажем, изображение скрещенных серпа и молота – символа союза рабочих и крестьян в советской эмблематике. Однако изображение самих серпа и молота могло быть иллюзорным, точным, в то

¹⁷ Якобсон П. Я. *Психология чувств*. – М., 1958. С. 158.

¹⁸ Резников Л. О. *Гносеологические проблемы семиотики*. – Л., 1964. С. 304.

же время выступая в роли символа. В качестве знака-символа в некоторых случаях может выступать иконический знак, но тогда он выполняет совершенно иную функцию в контексте художественного произведения, т. е. иконический знак выступает в роли символа. «Один из парадоксов искусства заключается в том, что изначально самое бесхитрое и простое произведение со временем может обрастать ассоциациями, становясь аккумулятором чувствований и настроений своего времени и делаясь его символом – в ряду символов иных эпох».¹⁹ Не случайно С. М. Даниэль говорит о трансформации изображения в символ, анализируя творчество Рембрандта.²⁰ Символические средства широко применяются в различных видах искусства. Полная условность этих средств относится только к отображению в них внешних, материальных признаков действительности, и не только не препятствует, но в целом ряде случаев даже и способствует проникновению в сущность этих явлений и воплощению этой сущности.

Серп и молот

II. Место семиотики среди других наук

Из всего вышеизложенного становится понятным, что семиотика как наука не существует вне влияний и взаимосвязей с другими науками. Некоторые из них многое ей передают для стройности и полноты системы логических построений, но, с другой стороны, для других наук семиотика становится базовой и во многом определяющей их основные категории и положения.

Уже понятно, что базовой для семиотики является лингвистика – наука, из недр которой зародилась сама семиотика. Сама наука лингвистика (от лат. *lingua* – язык, языкознание) изучает естественные человеческие языки. И для семиотики стала основным источни-

¹⁹ Мириманов В. Б. *Изображение и стиль: Специфика постмодерна. Стилистика 1950–1990-х гг.* – М., 1998. С. 36.

²⁰ Даниэль С. М. *Картина классической эпохи: Проблема композиции в западноевропейской живописи XVII века.* – Л., 1986. С. 153.

ком научной терминологии, из которой были заимствованы базовые понятия. Естественный язык – наиболее важная и лучше всего изученная знаковая система. Поэтому лингвистика оказывается одной из важнейших составляющих семиотики. Лингвистика как наука имеет разные разделы, с некоторыми из них семиотика связана теснее, с другими – лишь косвенно. В наибольшей степени семиотика связана с общим языкознанием, изучающим свойства, присущие любому языку. Но и некоторые другие разделы лингвистики оказываются в сфере взаимодействия с семиотикой. Так, раздел фонологии, изучающий звуки языка, входит составляющим элементом в невербальную семиотику. Грамматика в языкознании выделяет два уровня – морфологию и синтаксис. И, как мы видели, и в семиотике выделяются по типу соотношений в лингвистике разные уровни предмета исследования.

Как и лингвистика, прародительница семиотики, изучаемая наука связана с социальными дисциплинами, которые исследуют человека и человеческое общество. И в первую очередь эта связь характерна с философией.

Среди философских дисциплин, влияющих на изучение семиотики, выделяется культурная антропология, изучающая коммуникацию посредством любых сообщений. Так же особое место в значении для семиотики занимает герменевтика (от греч. *hermeneutikos* – разъясняющий, истолковывающий), – искусство и теория толкования текстов. В идущих от В. Дильтея течениях философии кон. XIX–нач. XX в. – учение о понимании, методологических основах гуманитарных наук.

Анализируя «чистое сознание», Э. Гуссерль выделил в нем несознаваемый фон интенциональных актов сознания, тот «нетематический горизонт», который дает некоторое «предварительное знание» о предмете. Горизонты отдельных предметов сливаются в единый тотальный горизонт, который Гуссерль впоследствии назвал «жизненным миром», и который делает возможным взаимопонимание индивидов; при любом исследовании далекой от нас культуры необходимо прежде всего реконструировать «горизонт», «жизненный мир» этой культуры, в соотношении с которым мы только и можем понять смысл отдельных ее памятников.

М. Хайдеггер истолковал реальность «жизненного мира» как языковую реальность по преимуществу. Язык как исторический горизонт понимания определяет судьбу бытия: не мы говорим языком, а скорее язык «говорит нами», язык – это «дом бытия». Разработка философской герменевтики как современной философии была начата итальянским историком права Э. Бетти и немецким философом Х. Г. Гадамером. Гадамер, ученик Хайдеггера, понимает герменевтику не просто как метод гуманитарных наук, но как учение о бытии, как онтологию («Истина и метод. Основные черты философии герменевтики» – «*Wahrheit und Methode. Grundzuge einer philosophischen Hermeneutik*», 1960). Согласно Гадамеру, основу исторического познания всегда составляет «предварительное понимание», заданное традицией, в рамках которой только и можно жить и мыслить. Носителем понимания, традиции является, по Гадамеру, язык. Критикуя позитивистское отождествление слова естественного языка со знаком, Гадамер видит заслугу В. Гумбольдта в том, что он «раскрыл сущность языкового понимания как миропонимания», положив тем самым начало герменевтическому направлению в лингвистике.

В 1960–70-х гг. проблемы герменевтики разрабатывались П. Рикером во Франции, Г. Куном, А. Аппелем в ФРГ, Э. Коретом, Э. Хайнтелем в Австрии, а также рядом философов в Дании, Нидерландах, США.

Герменевтическая мысль превращает театр всего мира в лингвистический феномен и одновременно не признает за языком какую-либо коммуникативную власть.

Один из разделов современной философии – рецептивная эстетика, связанная с эпохой постмодернизма. Художественное произведение в свете рецептивной эстетики представляет собой социокультурное моделирование, в ходе которого и автор, и воспринимающий участ-

вуют в построении совместной картины мира. Восприятие при этом оказывается не только вхождением в мир значений произведения, а формой вхождения в мир, опытом приобретения единства составляющих, пропущенных через ткань текста художественного произведения.

Безусловно, что семиотика не может не быть связана с культурологией. Если посмотреть учебники по культурологии, появившиеся в последнее время у нас в стране, так как эта дисциплина стала широко востребованной, то ни в одном из них не будет пропущена часть, посвященная семиотическому осмыслению культуры. И это вполне понятно и естественно. Культурология – наука, изучающая культуру.

Но культура полна разного рода знаков, которые требуют декодировки. И без знания основ семиотики культурология оказывается неполной и неточной.

Несомненно также, что семиотика связана с психологией, ибо психическая деятельность человека неразрывна с мышлением, а семиотика как раз изучает возможности коммуникации именно на основе мышления. Психология – это наука о закономерностях развития и функционирования психики как особой формы жизнедеятельности. В свою очередь психика – это системное свойство человека в активном отражении объективного мира, построении индивидуальной картины мира в его сознании. А это уже непосредственно указывает на необходимость связи психологии с философией. Например, такое направление в философии, как бихевиоризм, в основном сосредоточился на психологическом исследовании поведения индивидов. Преодолением позитивизма бихевиоризма стал заниматься психоанализ. Представители психоанализа стали непосредственно использовать в своих исследованиях методологию философии. Социальные аспекты психики становятся предметом анализа философии. В целом, психология, как и философия, несомненно и неразрывно влияют на семиотику и подпитывают ее. В то же время многие разделы семиотики оказывают обогащающее действие на эти дисциплины.

Оказалось, что и с естественными науками семиотика также связана. И в первую очередь с кибернетикой и синергетикой.

Семиотика стала развиваться параллельно с кибернетикой. Наука эта об общих законах получения, хранения, передачи и переработки информации стала развиваться независимо и параллельно семиотике. Кибернетика зародилась как исследование информации, связанной с различного рода средствами ее передачи через различные искусственные системы, к которым сначала относились электронно-вычислительные машины (ЭВМ), непосредственно ставшие предтечей современных компьютеров. Формировалась кибернетика как теория общих принципов создания систем управления и систем для автоматизации умственного труда. В современном виде кибернетика стала развиваться после выхода в свет работы американского ученого Н. Винера «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине» (1948 г.). Его называют «отцом кибернетики». Начиная с 50-х годов XX в. кибернетика рассматривает с позиции неограниченных возможностей моделирования сколь угодно сложных процессов управления, включая мышление человека. Общим для кибернетики и семиотики оказалось понятие «модель».

Столь же неожиданной проявилась связь семиотики с синергетикой, наукой, исследующей процессы самоорганизации в природных, социальных и когнитивных системах. Эта физико-математическая дисциплина сформировалась в 70-х годах XX столетия. Однако методология синергетики принципиально отличается от методологии кибернетики. Если кибернетическая система организуется под действием команд управляющего органа, то в синергетической системе организация возникает без управляющих команд. Теоретическим источником синергетики были неравновесная термодинамика и теория динамических систем. Открытия синергетики привели к коренному переосмыслению целого ряда традиционных философских концепций. Развитие теперь понимается через бифуркации. Синерге-

тика – наука о хаосогенных процессах и формах их преодоления так же, как и кибернетика, неожиданно сомкнулась в своих исследованиях с семиотикой.

Не обходится семиотика и без связи с искусствоведческими дисциплинами, так как искусство несет в себе определенные знаковые значения. Среди искусствоведческих дисциплин ведущее направление для семиотики приобрела иконология. Иконология возникла из иконографии. В начале XX века развитие археологии, потребность в точной атрибуции, систематизации коллекций, написание научных каталогов, интенсивное развитие медиевистики – нуждалось в точных научных методах анализа искусства, точном описании содержания художественных произведений, определения тем и образов, их классификации. В это время иконография стала выделяться в самостоятельную, хотя и вспомогательную научную дисциплину в рамках истории искусства. Более глубокий анализ, связанный с интерпретацией полученных данных, заставил исследователей строить более аргументированные суждения, связанные с аналогиями из разных форм искусства, религии, философии, истории, литературы и частной жизни. Так возник иконологический метод, наиболее полно представленный в работах Э. Панофского и непосредственно связанный с семиотикой. Предшественниками иконологического метода можно считать Ипполита Тэна, известного искусствоведа, привлекавшего в анализ произведений искусства историческую и культурную ситуацию эпохи, и Макса Дворжака, маститого ученого, который, опираясь на формальный анализ, стремился поставить анализируемое произведение в определенный исторический контекст, связывая его с философскими и религиозными тенденциями времени. Метод этот получил свое непосредственное название в лекции Аби Варбурга (друга и соавтора Э. Панофского), прочитанной в Риме в октябре 1912 года перед аудиторией X Международного конгресса истории искусств и посвященной анализу цикла фресок в Палаццо Скифанойя в Ферраре. Именно тогда Аби Варбург назвал используемый им метод изучения космологического содержания зодиакальных изображений анализируемого цикла «иконологическим анализом». Часто этот метод справедливо называют не методом искусствознания (Kunstwissenschaft), а методом культурологии (Kulturwissenschaft). Этот метод стал методологической основой научной деятельности Э. Панофского. Но содержанием его метода и конечными целями исследований стала философия «символических форм» Эрнста Кассирера.

III. Кому и зачем нужна семиотика

Последний, небольшой раздел лекции о предмете и задачах семиотики посвящен тому, как практически может использоваться знание науки семиотики.

В первую очередь семиотика непосредственно необходима философам и культурологам. И это понятно из описания свойств и характера изучаемой науки. Без осмысления науки семиотики в современных условиях занятия этой дисциплиной практически невозможно.

Понятно, что семиотика необходима психологам. Одним из ярких представителей психолингвистики, семиотики психологической деятельности является известный ученый Т. В. Черниговская, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Понятно, что в эпоху постмодернизма современное искусство прибегает к терминологии семиотики, и сегодня не только искусствоведческие труды, но и сами художественные произведения и их объяснение творцами используют семиотическую терминологию.

Интересный прецедент произошел с нашей книгой «Опыт энциклопедического словаря по семиотике культуры и искусства» (СПб.: СПбГУКИ, 2001). Однажды в Союзе художников ко мне подошла незнакомая женщина и сказала, что ее дочь учится в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Профессор девушке объяснил, что если студенты не будут пользоваться моей книгой, успехов им не достичь. А вот какой-то студент,

изучивший ее, получил очень престижный и весьма значительный грант. Книга уже разошлась и женщина просила помочь получить эту книгу для дочери. Это было приятно и я с радостью отдала имевшийся у меня экземпляр. В связи с этим я подготовила второе издание. Каково же было мое удивление, когда на выставке Владимира Трубакова, проходившей в Академии Художеств в ноябре 2004 года, в качестве основного экспоната, служившего для художника основным творческим руководством, лежало второе издание моей книги. Теперь она называлась «Семиотика культуры и искусства. Словарь-справочник» (СПб., «Композитор», 2003). На выставке она была раскрыта на статье «Иконология».

Семиотический аспект присутствует и в таких науках, как медицина, биология. В медицине даже существует раздел – семантика, когда по определенным признакам изучают проявление различных болезней. Медицинская семиотика – отдельная наука, которой занимаются в основном медики. Одним из представителей этого направления в науке является А. Крель, живущий в Санкт-Петербурге. Но им для исследований необходим категорийный аппарат семиотики. То же можно сказать и о биосемиотике, получившей в последнее время широкое распространение. И проблемы которой получают освещение на многочисленных конференциях и симпозиумах, проходящих в разных странах мира – как России, так и в Европе и Америке.

Лекция 2. Отечественная история семиотики

1. Зарождение и развитие семиотики в революционные годы

В России развитие семиотики пришлось на предреволюционные и первые годы после Октябрьской революции.

Одним из представителей зарождавшейся науки был Густав Густавович Шпет (1878–1940). Основная сфера занятий – философия, в которой он был последователем Гуссерля. Окончил историко-филологический факультет Киевского университета. В 1907 переехал в Москву. В 1910 и 1912 был в Германии и Англии. В 1916 защитил диссертацию «История как проблема логики». С 1918 Шпет – профессор Московского университета, с 1921 – действительный член, а с 1923 по 1929 годы вице-президент Российской академии художественных наук (впоследствии ГАХН). Занимался литературной и философской работой, переводами «Феноменологии духа» Гегеля. Шпет строил свою концепцию по принципам

феноменологии Гуссерля: все, что дано, слагается из «явлений» и находимых в них «смыслов». Поскольку историческую науку Шпет понимал как «чтение слова» в его значащей функции, основной оказывается проблема истолкования. «Эстетические фрагменты» исследуют структуру эстетического предмета и намечают вопросы философии языка. Его можно назвать одним из зачинателей семиотики в России. У Шпета язык выступает несущей конструкцией культуры. Главная его идея состояла в связанности смысла вещи и символа вещи через их общий культурный код. Им были разработаны методы интерпретации «смыслов» и «текстов» культуры. Его учение о морфологии эстетического сознания стали определяющими идеями для формирования «московской» и «пражской» школ.

Важным этапом в становлении семиотики в России стал Московский лингвистический кружок – научное общество, основанное в 1915 г. по инициативе студентов-филологов Московского университета и просуществовавшее до 1942 г. Председатели: Р. О. Jakobson (1915–1919), М. Н. Петерсон (1920), А. А. Буслаев (1921), Г. О. Винокур (1922–1924). В 1920 г. в период расцвета его деятельности, Московский лингвистический кружок насчитывал 34 действительных члена и 3 почетных (в их число входил знаменитый автор словаря Д. Н. Ушаков), и охватывал значительную часть молодого поколения московских исследователей языка и языковых вопросов литературы и фольклора.

Одним из основных направлений деятельности Московского лингвистического кружка было всестороннее исследование поэтики. Вместе с ОПОЯЗом²¹ Московский лингвистический кружок выдвинул требование строго формального анализа художественных произведений. Исследования велись в тесной связи между языкознанием и литературоведением. По концепции Московского лингвистического кружка, поэтический язык по сравнению с языком как средством общения выполняет особую эстетическую функцию. В отличие от ОПОЯЗа, настаивавшего на полной автономии истории развития художественных форм, Московский лингвистический кружок доказывал необходимость социологического обоснования их истории. Московский лингвистический кружок вел полемику по вопросам ритмики с поэтами-символистами А. Белым и В. Я. Брюсовым. Вопросам теории стиха были посвящены труды С. И. Бернштейна, С. М. Бонди, О. М. Брика, Б. В. Томашевского, Р. Jakobsona, Б. И. Ярхо и др. Членами Московского лингвистического кружка были и поэты: В. В. Маяковский (в 1920 впервые прочитавший здесь поэму «15000000»). Б. Л. Пастернак, О. Э. Мандельштам, Н. Н. Асеев.

В последний период существования Московского лингвистического кружка первоначальное единство его целей и принципов было утрачено. Члены кружка вели споры о месте и границах эмпиризма, месте семантики и фонетики в науке о языке, о проблеме «внутренней формы», критериях разграничения поэтической и обиходной речи, отношениях между языком и культурой. Это было связано с обсуждением философии языка Г. Г. Шпета и его идей в области теории литературы, оказавших значительное влияние на членов Московского лингвистического кружка. В связи с трудностями публикаций, многое из достояния Московского лингвистического кружка осталось только в архивах. Главным путем распространения идей кружка была устная передача. Многие идеи этого научного объединения были развиты Пражской лингвистической школой, повторившей его организационно и включившим в свой состав ряд его членов. Значительную роль в этом сыграл Роман Осипович Jakobson (1896–1982). Он окончил Лазаревский институт восточных языков (1914) и Московский университет (1918). В составе постпредства РСФСР выехал в Прагу (1921). В Праге основал вслед за созданным им в Москве Московским лингвистическим кружком – Пражскую лингвистическую школу. В СССР не вернулся и уехал в США. Там стал профессором Гарвардского университета и Массачусетского технологического института и основал Нью-

²¹ ОПОЯЗ – общество по изучению поэтического языка.

Йоркский лингвистический кружок. Один из основоположников структурализма. В области литературоведения работы чрезвычайно широкого спектра, которые посвящены: раннеславянской поэзии, «Слову о полку Игореве», «Задонщине», А. С. Пушкину, А. Н. Радищеву, А. А. Блоку, В. В. Хлебникову, Б. Л. Пастернаку, В. В. Маяковскому, Данте, Шекспиру, У. Блейку, Ш. Бодлеру, М. Эминеску, Б. Брехту и др. Значителен вклад Jakobsona в текстологию (издания и комментарии к славянским текстам). Опубликовал работы по раннеславянскому эпосу, славянской мифологии, ритуалу, отдельным видам искусства (напр., по семиотике кино).

Основные труды Jakobsona в области языкознания посвящены лингвистике (фонологии, теории дифференциальных признаков, соотношению диахронии и синхронии, типологии, языковым универсалиям и др.), а также славянским языкам (прежде всего – русскому); в области поэтики – стиховедению, метрике разных языковых традиций. Опубликовал многочисленные исследования поэтических текстов.

Идеи Jakobsona в разных областях науки дали начало ряду направлений и школ во многих странах мира. Почетный член многих научных обществ, национальных академий и университетов. Роман Jakobson приезжал в СССР (см. об этом в эссе Б. Наймана «Б. Б. и другие»), участвовал в I Международном Конгрессе семиотиков в Италии в 1974 г., где встречался с советскими представителями московско-тартуской школы. С Романом Jakobsonом связано дальнейшее развитие семиотики за рубежом. Его имя связано с Пражской лингвистической школой, основоположником которой он стал. Затем, эмигрировав в Америку, он стал генератором развития семиотических исследований и там.

Известным членом Московского лингвистического кружка был Петр Григорьевич Богатырев (1893–1971) – этнограф, фольклорист, литературовед, доктор *honoris causa* Карлова университета в Праге, университета Яна Амоса Каменского в Братиславе. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1918). Один из основателей Московского лингвистического кружка. Совместно с Jakobsonом организовал Пражский лингвистический кружок. Был репрессирован, впоследствии реабилитирован. Последние годы жизни профессор филологического факультета МГУ. Направления научных интересов многообразны: исследование обрядов и магических действий, народного театра, фольклора. Рассматривал народный костюм как семиотическую систему («Функции национального костюма в Моравской Словакии»). По мнению Богатырева, национальный костюм или крестьянский дом может сделаться знаком, но при этом приобретает значение, выходящее за пределы единичного существования.

Другая ветвь зарождения семиотики была претворена в Московской Фортунатовской школе (московская лингвистическая школа, «формальная» лингвистическая школа). Это было направление, сложившееся в результате научной и преподавательской деятельности Ф. Ф. Фортунатова в Московском университете в 1876–1902 гг., занимавшее центральное положение в отечественном языкознании (русистика, славистика, компаративистика, общая теория языка) и оказавшее существенное влияние на развитие отечественного (а в известной мере – и европейского) языкознания. Московскую Фортунатовскую школу называют иногда «формальной», т. к. она проповедовала необходимость поиска собственных лингвистических «формальных» критериев при исследовании языка для всех областей языкознания. К концу XIX в. языкознание тяготело либо к психологии (в морфологии), либо к физиологии (в фонетике), либо к логике (в синтаксисе), либо к «истории народа» (в лексикологии). Пафос Московской Фортунатовской школы, по словам Л. Ельмслева, «в протесте против смешения грамматики с психологией и логикой». Фундаментальные положения этой школы сыграли существенную роль в создании лингвистических концепций Пражской лингвистической школы и Копенгагенского лингвистического кружка, а также массачусетской ветви американского структурализма (Jakobson и его ученики).

Звуковому уровню языка были посвящены исследования Московской фонологической школы. Фонология – (от греч. *phone* – звук) – раздел языкознания, изучающий звуки речи и просодические явления как средства смыслового различия (фонемы) по выполняемым им функциям. Школа эта возникла в конце 1920-х гг. Ее основатели – Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский, В. Н. Сидоров, А. М. Сухотин – и их единомышленники – И. С. Ильинская, Г. О. Винокур, А. И. Зарецкий и др. – опирались на идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ (представителя Казанской лингвистической школы). На формирование Московской фонологической школы оказали влияние и взгляды Н. Ф. Яковлева, также продолжавшего традиции Бодуэна де Куртенэ. Развитие идей Московской фонологической школы содержится в трудах ее представителей второго и следующего поколений. Обобщение идей школы в виде целостной концепции, отражающей ее состояние в 60–70-х гг., было осуществлено М. В. Пановым.

М. М. Бахтин

Яркой фигурой, во многом предопределившей развитие многих направлений лингвистики, литературоведения и, что особенно важно для нашего предмета изучения, семиотики, был Михаил Михайлович Бахтин (1895–1975). Он окончил филологический факультет Петроградского университета. В 1920 – начал педагогическую и литературную работу. В кн. «Проблемы творчества Достоевского» (1929) Бахтин исследовал полифонический характер романов Достоевского в связи с анализом стилистики его произведений. Автор работы «Ф. Рабле в истории реализма» (диссертация, 1940, архив Института мировой литературы им. М. Горького АН СССР). На основе диссертации была подготовлена книга в 1940, которая увидела свет только четверть века спустя, в 1965 г. под названием «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», во многом определив развитие мировой культурологии. С 1957 руководил кафедрой литературы Мордовского Государственного университета (г. Саранск). Им написано множество статей о творчестве Л. Н. Толстого, много работ по разным вопросам литературы и искусства. И все же творческое наследие Бахтина относительно невелико. Но с каждым годом оно возрастает качественно, открываясь для нас все новыми гранями, вступая в опосредованный диалог с современными учеными разных направлений. В этом смысле Бахтин – наш современник, заложивший основания грандиозного понятийно-терминологического аппарата всей филологии и культурологии предстоящего столетия.

В начале XX в. в лингвистике соперничали два основных направления философско-лингвистической мысли, которые по своему пониманию языка были прямо противоположны друг другу. Одно было представлено школой Ф. де Соссюра, другое – школой К. Фосслера. Ф. де Соссюр понимал язык как устойчивую систему нормативно тождественных языковых форм, которая не создается индивидами, а берется ими от своих предков и усваивается в готовом виде, а К. Фосслер – как творческий психолого-эстетический процесс вечного его созидания, осуществляемый именно индивидами в их речевых актах. Бахтин со своим коллегой В. Н. Волошиновым были первыми, кто обнаружил односторонность обоих направлений.

Среди работ Бахтина по семиотике искусства выделяются заметки 1956–1960 гг., впервые опубликованные под заглавием «Проблема текста» в «Вопросах литературы» за 1976 г. (номер 10, публикация В. Кожина). В изданной в 1979 г. книге Бахтина «Эстетика словесного творчества» они помещены под заголовком «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа». В этих заметках, представляющих материал для большого исследования (к сожалению, не осуществленного), уже видна сложившаяся система взглядов Бахтина на язык искусства.

В первую очередь следует отметить, что Бахтин рассматривает понятие «язык искусства» по отношению не только к литературе, но и к живописи, музыке, т. е. «язык искусства» для него – интегральный термин, применимый ко всем видам искусства. Это – система знаков, все «повторенное» и «воспроизведенное», «повторимое» и «воспроизводимое».

С понятием «язык искусства» тесно связана проблема условного и безусловного в искусстве. По Бахтину, любой язык представляет собой условную систему знаков. Но сам язык безусловен, как безусловно и художественное произведение – единственный и неповторимый «текст». Вместе с тем Бахтин подчеркивает, что если «всякую систему знаков» (т. е. всякий язык) можно легко перевести на другой язык, то художественное произведение (текст) никогда нельзя перевести «до конца», полностью, ибо, как он поясняет, «нет потенциального единого текста текстов». Кроме того, любое произведение, текст «всегда есть в какой-то мере свободное и не predetermined эмпирической необходимостью откровение личности».²²

Автора мы всегда чувствуем в художественном произведении, но никогда до конца воспроизвести его для себя через его художественное произведение не можем. Реальны лишь различные виды и формы его понимания через усвоение знаковой системы языка автора, ибо автор всегда использует один из возможных, а не «безусловный язык», единственно возможный. В связи с анализом условного и безусловного в языке искусства Бахтин приходит к проблеме реализма в искусстве, который понимается им как «приближение средств изображения к предмету изображения» в отличие от натурализма.

Центральным понятием для анализа языка искусства становится для Бахтина текст как «связный знаковый комплекс» художественного произведения, «первичная данность» для системного изучения художественной культуры. Бахтин выделяет письменный и устный, а также «подразумеваемый» текст. Каждый текст художественного произведения имеет «субъекта», автора и «истолкователя». Сам текст включает в себя замысел и его осуществление. Как правило, замысел разнится от его воспроизведения. Бахтин считает, что при анализе художественного произведения расхождения, динамические взаимоотношения замысла и его претворения, их борьба могут помочь проникновению в суть художественного произведения. Истолкование же текста может иметь разные формы: 1) примера, 2) воображаемого текста, 3) конструируемого текста. Таким образом, любое художественное произведение всегда содержит в себе потенциальный диалог с воспринимающим, на которого оно

²² Бахтин М. М. *Эстетика словесного творчества*. – М., 1979. С. 285.

рассчитано. При этом автор, его образы и персонажи также включают в себя диалогичность, так что текст изначально, на авторском уровне, двуедин, имея разные смысловые плоскости, на которые накладывается диалогичность (истолкование) художественного текста. Любой текст представляет собой «субъективное отражение объективного мира». Таким образом, интерпретируя текст, мы погружаемся в выражение «что-то отражающего сознания», когда наше познание текста становится «отражением отражения».

Текст, по Бахтину, связан с контекстом. Он указывает, что «за каждым текстом стоит система знаков», но каждый текст в то же время является «индивидуальным, единственным, неповторимым». И этот его «второй полюс» раскрывается только в ситуации «в цепи текстов», он осуществляется «чистым контекстом».

Понятия «язык искусства» и «текст» тесно связываются Бахтиным с понятием жанр. Понятно, что при создании художественного произведения автор движется от внутренних слоев содержания к внешним слоям формы. При восприятии декодирование художественного текста произведения идет в обратном направлении. Язык искусства всегда учитывает эти двунаправленные движения. Современная психологическая наука условно вычленяет несколько уровней (или актов) единого процесса восприятия: 1) чувственное созерцание; 2) отнесение наблюдаемого к определенной категории; 3) осознание его конкретного смысла в данном контексте; 4) оценка, отношение. Бахтин по отношению к художественному восприятию называет эти уровни «актами познания»: 1) психофизиологический уровень восприятия знака; 2) узнавание знака; 3) понимание его значения в данном контексте; 4) включение в диалектический контекст.

Представленная концепция Бахтина «язык искусства» оказалась на уровне самых современных структуралистских изысканий, во многом предопределив и предвосхитив их.

С именем Бахтина связан круг людей, которые были объединены в «Кружок Бахтина». Вернее, на самом деле несколько кружков собрались вокруг этого замечательного русского мыслителя. Особенно большое значение для семиотики имел тот кружок, который впервые собрался в Невеле и Витебске (где-то в период 1918–1924 гг.). Кроме Бахтина, который только что закончил получение степени изучения классической филологии в Санкт-Петербурге, группа состояла из философа М. И. Кагана (1890–1937) и филолога Л. В. Пумпянского (1891–1940). Два его члена впоследствии стали известны в музыкальном мире: замечательный пианист М. В. Юдина (1889–1970) и музыковед И. И. Соллертинский (1902–1944), закончивший жизнь директором Ленинградской филармонии. Двум другим предстояло сыграть особенно значительную роль в развитии идей, которые мы связываем с этой группой: П. Н. Медведев (1891–1938), активист культурного строительства и В. Н. Волошинов (1895–1936), поэт, музыковед и исследователь языка.

В отличие от русских формалистов или Пражского лингвистического кружка, эта группа не была школой. Ее члены встречались время от времени, дискуссии носили неформальный характер, не было сделано сознательного усилия издавать журнал или опубликовать манифест. После своего возвращения в Ленинград в 1922 году, состав группы стал еще более текучим. Только трое из ее участников продолжали заниматься теорией. Медведев и Волошинов были марксистами из тех, которые пытались создать социолингвистическую основу для борьбы с формалистами. Все они были под влиянием Бахтина, который продолжал развивать идеи, высказанные им впервые в Витебске. Медведев в 1928 г. и Волошинов в 1927–1929 г. – это прежде всего труды Бахтина, только опубликованные под другим именем. Бахтин (1929) появился после того, как его автор попал под арест по подозрению в религиозной активности. Он был отправлен в ссылку в Казахстан на шесть лет, в течение этого времени он написал несколько работ по теории романа. Они были опубликованы в 1975 г. Волошинов умер от туберкулеза, а Медведев был репрессирован в 30-х гг., но Бахтину удалось продолжать работать в одиночестве в Саранске, где его открыли в начале 60-х гг. С

тех пор появилось большое количество работ на различные темы и сейчас ясно, что Бахтин прежде всего был философом языка. Он умер в Москве в 1975 г.

Концепция Бахтина рисует язык как наиболее чувствительное выражение великой манихейской борьбы во Вселенной между центробежными силами, которые стремятся разобщить вещи с центростремительными силами, которые их сплачивают. Язык весьма системен: он состоит из таких повторяющихся черт, как синтаксис, грамматика и фонетические законы. Эти аспекты языка наиболее изучались современными лингвистами. Но язык, чтобы иметь значение, должен быть открыт каждый раз для особенных условий, в которых происходит высказывание. Слова могут значить множество различных вещей – в зависимости от оттенка интонации. Бахтин рассматривает интонацию как один из способов, позволяющих различным историческим и социальным контекстам приводить в действие неизменные аспекты языковых систем. Бахтин, далее, подчеркивает действенность parole в противоположность статичности langue, доминирование истории над синхронией, эпистемологии и семантики над лингвистикой. Он пост-, а, точнее, трансструктуралист в том плане, что он подчеркивает утечки в системе. Его работа о жанрах речи (1979) делает его пионером теории речи, в ней он рассуждает о вещах, которые позже были затронуты Эрвином Гоффманом в кн. «Frame Analysis». Работа Бахтина о Фрейде находится в числе первых, которые подчеркнули роль языка в психоанализе. Его многочисленные работы о романе, взятые вместе, составляют важную главу в современной теории текста, а также дают убедительную модель исторической поэтики. Хотя он повлиял на таких деятелей, как Кристева, Бахтин сам в меньшей степени интересовался природой знака. Его внимание было сосредоточено на высказывании, которое он понимал как средство выражения особых социальных, профессиональных, географических, политических и других различий, которые в различные исторические периоды были выражены в языковой коммуникации. Высказывание, понимаемое таким образом, требует анализа дискурса. Язык, писал Бахтин, стратифицирован не только на диалекты, но и на социоидеологические языки, принадлежащие разным профессиям, поколениям и т. д. Бахтин называл это явление разноречием.

Язык, понимаемый как сумма диалогов, является тончайшим и наиболее полным воплощением диалога между центробежными и центростремительными силами мира. Но автор исследует и другие пути, которыми эти две силы осуществляют конфликт и коммуникацию. Диалог присутствует в образовании его в потребности представить мое Я в терминах, предложенных другими. В потоке становления Я всегда стремится обозначить свою сущность. Оно присутствует в сложной политике, которая определяет степень влияния между авторами и их персонажами. Монологическим является случай Толстого, который представляется нам как автор, выступая автократом своих текстов – в противоположность «полифонии» Достоевского, в романах которого звучит демократия голосов, каждый из которых есть «образ всего языка», свойственных враждебным идеологиям в мире Достоевского.

Диссертация Бахтина 1940 г. о Рабле, опубликованная в окончательном варианте в 1965, показывает тот род мышления, который сделал его важным влиянием в становлении Московско-тартуской школы и облегчил ее переход от ранней кибернетической и научной версии семиотики к семиотике культуры. Рассматривая культуру Ренессанса в Европе как текст, Бахтин находит в ней борьбу центробежных и центростремительных сил, выраженную в конкретно-исторической форме. Он подчеркивает оппозицию между идеологией, имеющей политическую гегемонию (церковно-государственный альянс), которая порождает статичность и ритуализацию – и карнавалом, понимаемым больше как мировоззрение действия, чем воскресный отдых. Карнавал – это народная философия, акцент подлинности тела, напоминание среди разделяющих людей банальностей и запретов, что люди объединены своей радостью в еде, питье, размножении – связью карнавального смеха.

Столь же значимой фигурой для семиотики, как и М. М. Бахтин, был Владимир Яковлевич Пропп (1895–1970) – русский ученый, филолог. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1918). С 1938 г. – профессор Ленинградского университета. Долгое время в России его труды рассматривались только как посвященные теории и истории фольклора. Действительно, такому взгляду соответствуют названия его работ. Его первая книга – «Морфология сказки» (1928 г., 2-е издание вышло лишь в годы «оттепели», в 1969-м, ставшее библиографической редкостью, в годы перестройки переиздавалась несколько раз). Вторая книга – «Исторические корни волшебной сказки» (1946). Затем появляется фундаментальный труд «Русский героический эпос» (1955, 2-е издание – 1958). Далее была напечатана книга «Русские аграрные праздники» (1963). На первый взгляд предметом анализа всех этих трудов является только фольклор. Многие фольклористы чрезвычайно серьезно отнеслись к этим исследованиям и в своих разысканиях отталкивались от трудов Проппа. В первую очередь это касается работ Б. Н. Путилова, К. В. Чистова, Е. М. Мелетинского.

Однако содержание научного наследия Проппа выходит за рамки только фольклористики. Ученый открывает методологические направления, характерные для всех гуманитарных наук XX в. и даже XXI веков. В его работах исследуются структурные соотношения изучаемых сюжетов (нарративные структуры, инвариантные аспекты формы, композиции функциональных элементов), которые оказываются определяющими факторами той или иной культурной формы. Так, в работе «Морфология сказки» он выделяет 32 функции и 7 персонажей, которые образуют метаструктуру волшебной сказки, ее метасюжет. Т. обр., он выделил принципиально ограниченный набор элементов и правил их действия в пространстве сказки, тем самым сделав анализ сказки системно-семиотическим. Не случайно Р. Якобсон ссылался на его работы. Но явно прослеживаемая связь с семиотикой в его первой книге послужила тому, что отношение к ней сложилось неоднозначное. Связано это было с изменением отношения к семиотике. Сам Пропп неоднократно указывал, что его работы не несут на себе следа ни семиотических, ни структуралистских методов. Следует, однако, хорошо представлять себе то время, когда только за полемику с К. Леви-Строссом (а Пропп полемизировал с ним в печати и отказывался от причастности к гонимой и хулимой тогда в официальных кругах у нас в стране методологии структурализма) можно было поплатиться свободой и жизнью.

Его книга «Морфология сказки», переизданная после 40-летнего перерыва, оказала огромное влияние на французских и американских ученых, занимавшихся проблемами семиотики (Р. Барт, Ц. Тодоров, Ж. Греймас и др.). Представители Московско-Тартуской школы тоже использовали методологические наработки Проппа. И все же наследие ученого остается не до конца известным и понятным. Мало кто знает его прозаические произведения – повести, дневники, воспоминания. Не оценены по достоинству его книга «Проблемы комизма и смеха» и статья «Ритуальный смех в фольклоре» (впервые опубликованы в 1999 г.). Комическое и комизм рассматриваются им вместе с понятием смеха. Реабилитируя понятие комического как эстетической категории, Пропп рассматривает его как основополагающую эстетическую ценность, производными от которой являются все другие категории – прекрасное, трагическое и т. д. Это в корне отличается от устоявшегося в отечественной эстетике представления о том, что ведущими категориями являются прекрасное и безобразное, возвышенное и низменное, трагическое и комическое. В отношении к смеху Пропп оказывается близок М. М. Бахтину, рассматривавшему смех как основополагающее «смешение всех и вся». У смеха, по Проппу, две причины. Одну из них порождает комизм, положение «реальных объектов», создающих условия возникновения смеха. Вторая причина – комическое, рассматриваемое им как «психологическое» расположение субъектов, одинаково внимающих однотипным словесным отрезкам. В связи с этим анализом комического и комизма

становится важным анализ речевой деятельности. Пропп рассматривает язык как пробу на осмысленность вещей и речь как пробу на вещественность смысла, и оба они претворяются в смехе. Поэтому смех оказывается у Проппа основой культуры человека, с помощью смеха формируется новая личность, отчужденная в знак. Не случайно Пропп занимался сказкой, где главный герой – «дурак». Ибо этот «дурак» в русских сказках обладает нравственными достоинствами – душевной красотой и моральной силой, которые перевешивают ум и знания. В сложное советское время это традиционное представление переросло в новое родовое сознание, в котором смешались опыт и ум, знаки и знания, переживания и сознание. Смеховая ситуация в советскую эпоху, как и в другие исторические периоды, возникает, когда первый элемент эстетической оппозиции ставится вместо второго, вытесняя его в тень. Из теории комического Проппа можно сделать вывод, что советские люди запутались в речах, не понимая иных мыслей. Единогласие, вера в нелепое теоретизирование породила сверхличного несмеющегося индивидуума – советского человека. Сейчас пришло время осознать эту личность, что возможно только с помощью смеха, и возникла ситуация, когда мы, не боясь идеологических репрессивных мер, можем пережить это порождение тоталитарной эпохи. Т. обр., теория Проппа стала сегодня классической, не только помогая осознать прошлое в художественной жизни и культуре, но и намечая пути дальнейшего осмысления культуры в целом.

Наряду с Московскими и петербургскими школами, в России семиотика получила распространение и в других городах. Довольно значительное направление языкознания, положившего основы развития семиотики в России, представляла собой Казанская лингвистическая школа. Это было одно из направлений русского языкознания второй половины XIX в., представители которого (И. А. Бодуэн де Куртенэ и его ученики – Н. В. Крушевский, В. А. Богородицкий, А. И. Анастасиев, А. И. Александров, Н. С. Кукуранов, П. В. Владимиров и др.) работали в Казани в 1875–1983 гг. К Казанской лингвистической школе принадлежали также В. В. Радлов, С. К. Булич, К. Ю. Аппель.

Для школы были характерны следующие принципы: преимущество строгого разграничения звуков и букв, фонетической и морфологической членимости слова; строгое разграничение процессов, происходящих в языке на данном этапе его существования, и процессов исторических, совершающихся на протяжении длительного времени (это была первая – еще до Ф. де Соссюра – попытка сформулировать различия между синхронией и диахронией): преимущество наблюдений над живыми языками и изучения новых языков – перед догадками, извлекаемыми из рассмотрения памятников письменности, в связи с чем подчеркивалась особая значимость диалектологии. «Казанцы» последовательно утверждали и отстаивали в своих работах полное равноправие всех языков как объектов исследования. Характерной чертой Казанской лингвистической школы, и в особенности Бодуэна де Куртенэ и Крушевского, было стремление к обобщениям, без которых, как подчеркивал Бодуэн де Куртенэ, «немыслима ни одна настоящая наука». Многие идеи представителей Казанской лингвистической школы сыграли большую роль в развитии лингвистической мысли: они предвосхитили развитие идей структурной лингвистики, фонологии, морфонологии, типологии языков и др.

Для ученых Казанской лингвистической школы было характерно понимание языка как системы, которую Бодуэн де Куртенэ рассматривал как «обобщающую конструкцию», четко выраженный историзм в подходе к языку. Наиболее плодотворные идеи этой школы позднее развивались и углублялись учеными Московской фонологической и Пражской лингвистической школами, а также представителями др. направлений отечественного и зарубежного языкознания.

Одно из видных направлений отечественного языкознания второй половины XIX в. – Харьковская лингвистическая школа. Представителями ее были А. А. Потебня, Д. Н. Овся-

нико-Куликовский, А. В... Ветухов, А. Г. Горнфельд и др. Они исследовали язык в широком культурном и историческом контексте. У истоков Харьковской лингвистической школы стояли И. И. Срезневский и его ученик П. А. Лавровский. Наиболее значительные достижения Харьковской лингвистической школы связаны с деятельностью Потебни. Он считал, что в основе развития языка лежит смена поэтического мышления, отразившегося в формах слов и высказываний, прозаическим мышлением. Определение искусства как основной формы познания, предшествующей философским и научным формам познания, было распространено в начале XX в. Взгляды Потебни на поэтический язык, природу поэзии и вообще искусства составляют его «лингвистическую поэтику». Последователи Харьковской лингвистической школы историко-генетическим подходом к изучению языковых явлений способствовали развитию отечественной семасиологии, лексикологии, этимологии.

А. А. Потебня

Александр Афанасьевич Потебня (1835–1891) – видный русский и украинский языковед считается создателем философско-лингвистической концепции – «потебнианства». В 1856 окончил Харьковский университет и с 1860 преподавал в нем. С 1875 – проф. Харьковского университета; чл. – корр. Петербургской АН (с 1877). Центральный труд Потебни «Из записок по русской грамматике» сыграл выдающуюся роль в обосновании исторического языкознания, в развитии грамматической теории русского языка. Потебня одним из первых в России поставил на почву точного фактологического исследования разработку вопросов истории мышления в его связи с языком, пытался установить общие семантические принципы осознания человеком основных категориальных отношений действительности. Рассматривая речевые единицы как акт мысли, в котором языковая форма выступает «ссылкой на значение», Потебня²³ обосновывает учение о «внутренней форме» слова. Согласно этому учению, наряду со знаковой оболочкой и абстрактным значением, слово имеет «внутреннюю форму». Т. е. представление, образ этого значения, подобно тому, как термин «окно», помимо четырехбуквенного сочетания знаков и понятия о застекленном проеме стены, содержит образ этого значения – представление об «оке» (глазе). Внутреннее противоречие между такими чувственными образами и абстрактными значениями определяет, по мнению Потебни, генезис рече-мыслительной деятельности. Разрабатывая учение о роли языка в психической деятельности, Потебня указывает, что представление значения речевого сигнала, т. н. «апперцепция в слове» выступает как предпосылка самосознания. В работе «Из записок по русской грамматике» Потебня анализирует чувственный образ в слове как «внутренний знак» его семантики и рассматривает в функции «внутренней формы» ближайшее значение слова, которое носит общенародный характер и является условием понимания речи. Анализируя образ и значение как основные компоненты искусства, Потебня

²³ Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А. А. Полн. собр. соч. в 4 т. – М., 1926. Т. 1.

подчеркивает полисемантическую его функцию, вводит т. н. «формулу поэтичности»: А (образ) < Х (значения), возводящую неравенство числа образов множеству их возможных значений в специфику искусства.²⁴ Соотношение образа и значения в слове носит, по мнению Потебни, исторический характер; оно очерчивает специфику как мифологического сознания (характеризующегося нерасчлененностью образных и понятийных сторон своего языка), так и сменяющих его форм художественно-поэтического мышления (в котором значение преломляется через образ) и научного мышления (характеризующегося приматом значения над образом). Исследуя генезис грамматических и логических категорий, Потебня вскрыл категориальную синкретичность первобытного мышления, связанную с архаической нерасчлененностью представлений о субстанции и атрибутах, и рассматривал путь ее преодоления. В связи с анализом истории мышления и его категорий Потебня развивает идеи эмпирического обоснования логики. Ценные результаты получены исследователем и в области литературоведения, фольклористики, славяноведения, изучения украинского языка.

Однако обилие течений и направлений, характерных для этого времени в России, как в искусстве, так и в науке, в конечном итоге обернулось борьбой между ними. Потерпели поражение научные и художественные представления наиболее глубокомысленные, требующие широкого круга знаний и, как правило, оторванные от привязанности к сиюминутным практическим задачам. И все они стали высмеиваться, а затем и преследоваться. Сохранилась частушка, показывающая пренебрежительное отношение к этим течениям в науке и искусстве:

«Сублимация культуры
И рефлексов неоргазм
Суть концепция структуры
Аномальных протоплазм...»
Это что же, Марь-Макарны,
Чай, похабные словца?
Нет, это лектор популярно
Объясняет стиль дворца!

Так семиотика в России первый раз оказалась под запретом, в загоне вместе с социологией, впоследствии с кибернетикой, генетикой и другими передовыми научными направлениями. Многие представители семиотики преследовались (например, М. Бахтин, а В. Я. Пропп до конца жизни преподавал в ЛГУ немецкий язык), труды их оказались запрещенными (например, О. Фрейденберг), кто-то эмигрировал (наиболее яркий пример – Р. Якобсон).

Однако и в этот темный период ученые продолжали свои исследования в интересующем нас направлении. К таким энтузиастам можно отнести Виноградовскую школу в языкознании – одно из направлений советского языкознания, возникшее в 40–50 гг. XX в. и объединившим учеников и последователей В. В. Виноградова общим пониманием природы языка, общей методологией его исследования. В теории Виноградова в центре изучения языка стоит, с одной стороны, слово как центральная единица языковой системы, с другой стороны, – текст во всей его сложности, рассматриваются взаимоотношения языка и речи, раскрывается динамика языковых явлений. Эта концепция отличается от концепции Ф. де Соссюра (Женевская школа), фактически описывающего язык вне связи с актом речи, и от филологической концепции К. Фосслера, ориентированной прежде всего на экспрессивно-эстетическую функцию языка.

²⁴ Потебня А. А. *Из записок по теории словесности*. – Харьков, 1905. С. 101.

Таким же подвижником был Михаил Константинович Петров (1924–1987) – философ, историк науки, многие работы которого написаны в свете семиотики. Он защитил первую в Советском Союзе науковедческую диссертацию «Философские проблемы науки о науке». Перевел в 1968 роман-антиутопию Дж. Оруэлла «1984», что по тем временам было подвигом. Из-за своих взглядов оказался за бортом официальной науки. Исследовал проблемы взаимовлияния, общения и преемственности культур, генезис и пути образования разных культурных типов: индийской общины, западноевропейской античности, Средневековья и Нового времени. Многие его работы до сих пор не опубликованы. Вышедшая в 1991 книга «Язык, знак, культура», написанная в 1974 году, восполнила в некоторой степени лауну его неопубликованных трудов, насчитывающих 12 тыс. страниц рукописей. В работе исследуется функционирование социокодов в разных культурах.

Столь же незаслуженно оказавшимся в тени был Николай Иванович Жинкин (1893–1979) – психолог, философ, лингвист. Он был автором работ по эстетике и теории живописи, один из основоположников отечественной учебной и научно-популярной кинематографии, первопроходец в изучении кино как искусства и процессов восприятия кинокартины, исследователь коммуникации животных и общих проблем семиотики. Однако его труды до сих пор известны лишь в пределах сравнительно узких и разобщенных друг с другом профессиональных сообществ. Связано это как с общественными условиями, так и личной скромностью ученого. За долгую жизнь была издана лишь одна, правда, самая объемная его работа – знаменитые «Механизмы речи».²⁵ В 1998 г. началось издание его избранных трудов.

Н. И. Жинкин

II. Второй этап развития семиотики в России

Второй этап победоносного шествия и развития семиотики связан с годами «оттепели» в России. В 60-е годы, когда были реабилитированы многие безвинно пострадавшие, вместе с ними вернулись и те, кто занимался исследованиями в области семиотики. Стали публиковаться труды М. М. Бахтина, сыгравшие важную роль в развитии семиотических идей не только в нашей стране, но и на Западе. Вспомним, что именно под воздействием книги «Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» Ю. Кристева пришла к обоснованию интертекстуальности, под влиянием М. Бахтина оказался и У. Эко. Публикуются труды О. Фрейденберг и др. К этому времени относится становление и развитие Московско-гартуской школы. Теперь уже предметом семиотического анализа становится не только литература, но и многие другие виды искусства – музыка, пластические искусства, кино. Семиотические аспекты анализа оказываются применимы и к другим сферам жизнедеятельности человека – быта, в том числе жилища, идеологии и политики. В это время появляются философские труды по семиотике, получает развитие семиотический анализ и в психологии, и в медицине. На Западе, особенно во Франции, наблюдается взрыв интереса

²⁵ Жинкин Н. И. *Язык. Речь. Творчество.* – М., 1998.

к семиотике. В это время начинают работать и создают свои знаменитые произведения Ж. Бодрийяр, Р. Барт, позднее Ю. Кристева.

Одним из ярких представителей семиотики этого периода был Лазарь Осипович Резников (1905–1970) – советский философ, доктор философских наук (с 1948), профессор (с 1948). Судьба его достаточно показательна для советского периода. Он окончил Северо-Кавказский университет (1929) и философскую аспирантуру МИФЛИ (1938). Вел педагогическую и научно-исследовательскую работу в вузах с 1929. Был репрессирован с 1949 по 1956 и позже реабилитирован; в связи с этим не печатался 10 лет (с 1948 по 1958). После освобождения был приглашен в Ленинградский университет. С 1956 – профессор философского факультета Ленинградского университета. Разрабатывал вопросы теории познания. Начал свою исследовательскую деятельность с изучения теории отражения. Это привело его к изучению проблем познания, что, в свою очередь, подвело к исследованию связи познания и мышления с языком. Закономерным стало исследование гносеологических проблем семиотики. Самая значительная работа – «Гносеологические вопросы семиотики» (Л., 1964), которая была переведена на многие языки мира. Однако сам Резников считал, что семиотический аспект анализа невозможен по отношению к искусству, а применим только при изучении проблем познания. Несмотря на это, его идеи легли в основу многих отечественных работ по семиотике искусства. (На Западе, где развитие семиотики шло без идеологического деформирующего давления, семиотические исследования применялись во всех областях знания, в том числе и в искусствознании) Лазарь Осипович Резников пользовался большим уважением в кругу своих коллег, в том числе и автора этих строк, восхищавшихся его эрудицией и оригинальным умом.

Коллегой Лазаря Осиповича Резникова был Виктор Александрович Штофф (1915–1984) – советский философ, доктор философских наук (с 1964), профессор (с 1966). Окончил философский факультет ЛГУ (1937) и аспирантуру (1941). Вел педагогическую и научно-исследовательскую работу в вузах (с 1937), с 1945 – на философском факультете ЛГУ. Заведующий кафедрой философии Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при ЛГУ (с 1967). Область научных исследований – теория познания, методология научных исследований и философские вопросы естествознания. Проблемы моделирования связывал со знаковостью.

Самым значительным явлением в области семиотики этого периода была Московско-тартуская школа, объединявшая представителей двух городов – Москвы и Тарту. Нередко эту школу называют тартуско-московской.²⁶ Основные представители: Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Б. М. Гаспаров, Б. Ф. Егоров, Л. Мялль (Тарту), В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский, А. М. Пятигорский, И. И. Ревзин, М. И. Лекомцев, Г. А. Лесскис (Москва). Ведущую роль играли Ю. М. Лотман и В. В. Иванов. Несмотря на то, что многие ее участники жили в Ленинграде, Риге, Вильнюсе, Ереване, центром ее был Тарту, вернее, Тартуский университет и его кафедра русской литературы, возглавляемая Ю. М. Лотманом. Около 10 лет в Москве работал кружок (или семинар), как пишет М. Л. Гаспаров, похожий на филиал Московско-Тартуской школы: сперва в Инязе, потом у А. К. Жолковского, потом у Е. М. Мелетинского. По мнению Лотмана, Тарту оказался выгодным местом встречи московской и ленинградской филологической школ. Москвичи, как правило, пришли в семиотику от лингвистики. Но все они в какой-то мере занимались литературоведением. Группа в Тарту, возглавляемая Ю. М. Лотманом и З. Г. Минц – литературоведы, занимавшиеся лингвистикой. Оба эти направления соединились в интересе к языку как генератору текстов в культурном контексте. Различение школ обозначилось в начале XX века. В Москве образовался Московский лингвистический кружок, в Петрограде – Ленинграде – функциониру-

²⁶ Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа: [Сб.]. – М., 1994.

вал ОПОЯЗ, где доминирующим было литературоведение (Эйхенбаум, Жирмунский, Томашевский, Пумпянский, Бахтин, Фрейденберг, Пропп, Тынянов, Гуковский). Работа в Тарту Бодуэна де Куртене как бы представляла собой историческое предвестие Тартуской семиотики. Симбиоз двух традиций оказался плодотворным, отражая биполярность всей русской культуры.

Московские представители – профессиональные лингвисты, хотя у каждого была своя специальность: В. В. Иванов – хеттолог, В. Н. Топоров – балтист и индолог, И. А. Ревзин – германист, Ю. Лекомцев – специалист по вьетнамскому языку, Зализняк и Б. А. Успенский – слависты. Все они занимались разными подходами к семиотике, но впоследствии в основном занимались семиотическим анализом художественного текста и мифологии. Эта область получила название «вторичные моделирующие системы», в отличие от «первичной моделирующей системы», представляющей собой естественный язык.

Как писал Б. А. Успенский: «Если москвичи – лингвисты, в какой-то мере занявшиеся литературоведением, то представители тартуской группы – литературоведы, занявшиеся лингвистикой» (ТГУ, 1987).

В 1962 году прошел симпозиум по структурному изучению знаковых систем в Москве, положивший начало выпуску «Трудов по знаковым системам» (начавших выходить с 1964 г. – всего выпущено 25 томов) и конференций, проходивших сначала в Кяэрику, затем в Тарту. Впоследствии материалы Тартуских летних школ публиковались под заголовком «Летняя школа по вторичным моделирующим системам» (было их всего 5 – с 1964 по 1973 гг.). Название «вторичные моделирующие системы» возникло, чтобы избежать возмущавшей критики, с одной стороны, с другой – знаковые системы понимались как моделирующие частные аспекты действительности, надстраивающиеся над первичной моделирующей системой – языком.

Московско-тартуская школа как бы представляла семиотическим феноменом, в котором направление исследований, формы работы, стиль научного общения представляли собой своего рода семиотический код, отличавшийся от всей обстановки в стране, имея определенную знаковую ценность в культуре, в которой он формировался и функционировал. Семиотические принципы исследований Московско-тартуской школы были изоморфны обстоятельствам в стране. Герметизм школы поддерживался эзотерическим научным языком. Но интерес к изданиям был чрезвычайно велик как в Советском Союзе, так и за рубежом.

Особенность Московско-тартуской школы – она представляла возможность для междисциплинарного сотрудничества: историки и лингвисты, музыковеды и этнографы, математики и биологи общались в рамках общего языка. Таковы были особенности Московско-тартуской школы в 60-е гг. В 70-е гг. и внешние условия работы, и внутренние механизмы общения начали изменяться. В 1973 г. Летние школы прекратились, «Труды по знаковым системам» были сокращены по объему, что повлияло на характер изданий. Связано это было с ухудшившимися условиями культурного и идеологического климата. В 80-е–90-е гг. идеология, захлестнувшая науку, сменила знак на противоположный. И сегодня представители Московско-тартуской школы продолжают свои исследования, уже не связанные единым центром.

Временные границы школы – начало 60 – конец 70-х годов. Практически к 1986 году школа прекратила свое существование.²⁷ Вскоре возникло разочарование в семиотике. А. М. Пятигорский писал: «Семиотика превратилась в такой кухонный комбайн, куда можно запихнуть все что угодно» (Пятигорский А. М. интервью «Я был для Лотмана...»). В статье «Заметки из 90-х о семиотике 60-х годов» он пишет о том, что «господствовала тенденция (которая мне тогда очень нравилась) принимать за теорию метод описания объекта, а с другой стороны приписывать этому методу онтологические характеристики. Так, метод

²⁷ Лотман Ю. М. и ТМШ. – М., 1994. С. 275.

бинарных оппозиций превращался из рабочего метода описания чуть ли не в закон природы описываемого объекта». Все упиралось в то, что, как указывал Ю. И. Левин в статье, посвященной 25-летию школы, «не оправдались надежды на отыскание семиотического философского камня, т. е. универсальной отмычки, метода, аппарата, который бы позволил описать и понять с единой точки зрения если не вообще все семиотические явления и объекты знаковой природы, то, хотя бы объекты определенного, достаточно широкого класса (миф, поэзия и т. д.) Не оправдались надежды на построения достаточно строгой, богатой и при этом действующей модели «культуры вообще» (ТГУ, 1987. С. 10).

В дальнейшем каждый из представителей школы применяет ее методы в области своих научных интересов, но школы как таковой не существует.

Остановимся на некоторых наиболее значимых для семиотики именах.

Юрий Михайлович Лотман (1922–1993) – литературовед, культуролог, искусствовед, семиотик, глава Московско-тартуской школы. Ему принадлежит обширный комментарий к «Евгению Онегину», биография Пушкина, работы о Гоголе и Карамзине, о литературном наследии декабристов. В своих книгах и статьях ученый уделял особое внимание быту и культуре различных эпох русской истории. Ю. М. Лотман прожил свою творческую жизнь в общении с учеными различных специальностей: помимо гуманитариев, это были физиологи, медики, биологи, кибернетики. Важнейшей сферой научной деятельности Ю. М. Лотмана была семиотика культуры. Ею он занимался с 1963 г. Во второй пол. 60-х гг. по его инициативе были проведены Летние школы в эстонском местечке Кяэрику. В них приняли участие многие ученые Москвы и Ленинграда. Итогом был ряд сборников в «Ученых записках Тартуского университета», книга Ю. М. Лотмана «Статьи по типологии культуры» (Материалы к курсу теории литературы, вып. 2. – Тарту, 1973). Ученым было написано большое число работ по семиотике, среди которых: «Семиотика кино и проблемы киноэстетики» (1973), «Культура и взрыв» (1992). После смерти были изданы: «Избранные статьи» в 3-х тт. (1993); «Беседы о русской культуре» (1994); «Анализ поэтического текста» (1996); «Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история» (1996) и мн. др. В работах ученого сочетается теоретический логико-культурологический подход с конкретными разысканиями в области истории общественной мысли, литературы и быта с семиотической точки зрения.

Ю. М. Лотман

Библиография и научные идеи Ю. М. Лотмана отражены в двух публикациях: *Guingugtnario*. Сб. статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю. М. Лотмана. – Тарту. А также вышедший там же через 10 лет библиографический указатель, посвященный 60-летию ученого.

Уже будучи всемирно известным ученым (все его основные труды переведены на европейский и иные языки), вице-президентом Всемирной ассоциации семиотики, чл. – корр. Британской академии, действительным членом Норвежской и Шведской академий, Лотман так и не был избран ни в АН СССР, ни в АН Эст. ССР. Лишь под конец жизни он был удостоен Пушкинской премии РАН (за цикл исследований о Пушкине) и стал академиком АН Эстонии (1992). В Германии (г. Бохум) действует научно-исследовательский институт русской и советской культуры, который носит имя Ю. М. Лотмана. После кончины Лотмана интерес к его наследию не только не угасает, но и усиливается. Переиздаются труды ученого (общее их число превышает 800), выходят в свет неопубликованные работы. Ретранслируется цикл телевизионных передач «Беседы о русской культуре», которые Лотман вел по Ленинградскому (ныне Петербургскому) телевидению. В Институте высших гуманитарных исследований (ИВГИ) РГГУ в память об ученом проводятся ежегодные Лотмановские чтения. С каждым годом становится яснее выдающийся вклад Лотмана в отечественную и мировую гуманитарную науку, в т. ч. семиотику, его историческое значение как ученого, мыслителя, педагога в истории культуры XX века. Блестящий анализ творчества Лотмана и описание его творческого и жизненного пути см. в замечательной книге Б. Ф. Егорова²⁸ и в работе К. Аймермахера.²⁹

Юрий Иосифович Левин – литературовед, один из активных участников Летней школы в Кяэрику, также сформировался в недрах московско-тартуской семиотической школы. Круг интересов чрезвычайно широк: проза и поэзия, поэтика, фольклор, общая и частная семиотика. Разработал типологию непонимания текста, занимался семиотикой и структурой евангельских притч и советских лозунгов.

Как и Левин, к тартуской ветви Московско-тартуской школы относится еще один из ярких ее представителей – Борис Михайлович Гаспаров (1940, Ростов-на-Дону) литературовед, музыковед. Он окончил филологический факультет Ростовского университета по специальности русский язык и литература (1961), музыкально-педагогический институт им. Гнесиных по специальности музыковедение (1968). Кандидатская диссертация «Функция служебных слов в древнерусском языке» (1965, МГПИ им. В. И. Ленина); докторская диссертация «Проблемы функционального описания предложения (на материале современного русского языка)» (1971, АН БССР, Минск). С 1966 – старший преподаватель и с 1968 – доцент Тартуского государственного университета. С 1981 – живет и работает в США: 1981–1982 – профессор Стэнфордского университета; 1983–1992 – профессор Калифорнийского университета (Беркли); с 1992 по настоящее время – профессор кафедры славянских языков и литератур Колумбийского университета в Нью-Йорке. Преподавал в качестве приглашенного профессора во многих университетах Европы и Америки.

Язык исследуется Б. М. Гаспаровым как среда существования человека, с которой происходит его постоянное взаимодействие; рассматривает коммуникативный и духовно-творческий аспекты языковой деятельности. Многие работы посвящены семиотическому анализу музыки, музыкального языка, рассматриваемого Гаспаровым как система, реализуемая в музыкальной речи.

²⁸ Егоров Б. Ф. *Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана*. – М., 1999.

²⁹ Аймермахер К. *Знак, текст, культура*. – М., 1998. С. 325–365.

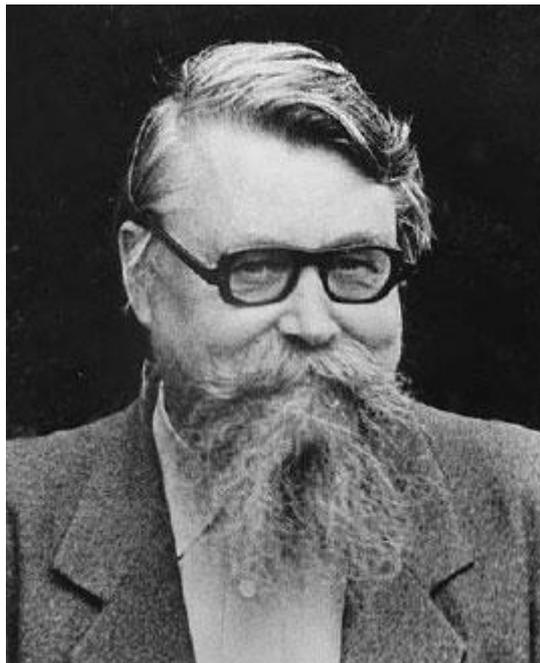
Главой московской ветви Московско-тартуской школы является Вячеслав Всеволодович Иванов (1929, Москва), сын известного писателя Вс. Иванова. Лингвист и литератор, доктор филологических наук, академик РАН. Член Британского королевского общества, Нью-йоркского лингвистического общества.

Будучи подростком, вместе с А. Вознесенским находился под духовной опекой Б. Л. Пастернака, что, несомненно, повлияло на эрудицию и культуру. Иванов – доктор филологических наук, профессор. В 2000 г. избран действительным членом АН РФ. В годы перестройки был заведующим кафедрой мировой культуры МГУ им. М. Ломоносова, где работали С. С. Аверинцев, Г. С. Кнабе, Е. М. Мелетинский и др., депутатом Верховного Совета СССР.

Начал печататься с 1953 года, опубликовав свыше 2000 работ. Много статей в разных энциклопедиях России и за рубежом. Круг научных интересов Иванова чрезвычайно широк. Ему принадлежат работы по структурной типологии языков, по духовной культуре балтославянских народов, монография «Хеттский язык» (1963). Иванов первым среди ученых московско-тартуской школы стал заниматься вопросами семиотики. Это произошло в 60-х гг., а в 70-х он публикует ряд работ по семиотике культуры: «Очерки по истории семиотики в СССР» – (М., 1976), «Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем» – М., 1978 (сам автор считает эту работу одной из лучших) и др. В последней из указанных работ ученый связал деятельность мозга и семиотику – что интересно, но спорно и не нашло поддержки в трудах соратников Иванова по семиотическим изысканиям. Иванов является одним из инициаторов выступления группы отечественных ученых с коллективным докладом на VII Международном съезде славистов в 1973 г. Этот доклад впервые обобщил идеи московско-тартуской школы и представил семиотику культуры в виде законченной теории. Другие соавторы доклада – В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман, Н. М. Пятигорский, Б. А. Успенский.

В настоящее время – профессор кафедры славистики в Калифорнийском Лос-анжелеском университете (UCLA), директор Института истории мировой культуры при МГУ.

В 1980–90 гг. ученый обратился к проблемам кибернетической лингвистики и методам построения информационного языка для текстов по дескриптивной лингвистике. Он выступил также редактором сборника «Ноосфера и художественное творчество» (М., 1991), в том числе он является одним из ведущих авторов энциклопедии «Мифы народов мира» (1988), Государственная премия СССР в 1990, работы совместно с Т. В. Гамкрелидзе «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (1984), Ленинская премия, 1988.

В. Н. Топоров

Столь же значимо наследие другого представителя московской ветви Московско-тартуской школы Владимира Николаевича Топорова (1928–2006) – филолога, языковеда, культуролога, доктора филологических наук (1988). Он был избран действительным членом Российской Академии наук (1990), действительным членом РАН (1993), был главным научным сотрудником Института славяноведения и балканистики РАН, автор 1200 публикаций, из них 25 – монографии. 7 мая 1998 г. ему была вручена первая Литературная премия Александра Солженицына. Премию Топорову вручил сам А. И. Солженицын, в речи на торжественной церемонии высоко оценивший научные заслуги Владимира Николаевича. Труды Топорова поражают многогранностью и разнообразием, его научный горизонт отличается большой шириной: в области языкознания занимался общетеоретическими проблемами, а также античным, славянским, балтийским, древнеиндийским, древнеиранским языкознанием, изучением енисейских языков и их взаимоотношений; мифологией и мифопоэтикой; ритуалами и символами, их соотношением с мифологическими системами и религиями; буддологией (в 1960 он осуществил издание малого буддийского канона – Джаммапады, книга вышла в его переводе, с его введением и комментарием); литературоведением (Буслаев, Третьяковский, Жуковский, Пушкин, Фонвизин, Батюшков, Карамзин, Тютчев, Достоевский, Тургенев, Ремизов, Блок, Ахматова – вот неполный перечень литературоведческих интересов). И все работы пронизывает семиотический аспект анализа. Один из основоположников многих семиотических концепций, которые получили широкое распространение в мире. Статья ученого «Геометрические символы» (1973) даст читателю представление о семиотических трудах ученого.

К выдающимся московским ученым относился и Михаил Леонидович Гаспаров (1935–2005) – литературовед, переводчик, видный исследователь по проблемам семиотики. Принимал активное участие в трудах Московско-Тартуской школы. Окончил классическое отделение филологического факультета МГУ в 1957; тогда же начал печататься. Работал в ИМЛИ АН (сектор античной литературы) в 1958–1990, в Институте русского языка АН (сектор стилистики и языка художественной литературы) с 1990. Чл. – корр. – 1990, действительный член РАН – 1992, Государственная премия – 1995. Основные труды посвящены классической филологии и стиховедению. М. Л. Гаспаров исследует единство формы и содер-

жания в структуре античных поэтических жанров (кандидатская дис. – «Античная басня», 1963; монография «Античная литературная басня», 1971; статьи «Поэзия Горация» 1970; «Цицерон и античная риторика», 1972; «Три подступа к поэзии Овидия», 1973 и др.). Стиховедческие работы Гаспарова посвящены анализу и типологии неклассической метрики и ритмики, истории русского стиха, взаимоотношениям стиха и смысла. Монография «Современный русский стих. Метрика и ритмика» (1974; док. дисс. 1976) не только обобщила изыскания автора в области теории и истории русского стиха, но и явилась своеобразным итогом развития советского стиховедения 50–60-х гг. Гаспаров выступает как переводчик (Пиндар, Гораций, Овидий, античные баснописцы, Цицерон, Светоний, средневековые латинские писатели) и теоретик перевода. Последующие монографии «Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика» (1984); «Учебный материал по литературоведению: Русский стих» (1987, 1989); «Очерк истории европейского стиха» (1989); «Избранные статьи» (1995), «Занимательная Греция: рассказы о древнегреческой культуре» (1995) и др. обобщили опыт очень широкого круга работ (свыше 300). В 1997 закончилось издание «Избранных трудов» в трех томах в серии «Семиотика. Язык. Культура». В последние годы жизни М. Л. Гаспаров преподавал в ведущих университетах в США.

Столь же значительно для семиотики имя Бориса Андреевича Успенского (род. 1937) – доктора филологических наук (1972), профессора (1979), действительного члена РАЕН (1993), главного научного сотрудника Института высших гуманитарных исследований РГГУ.

Направления научных исследований – история славянских языков; семиотика культуры; семиотика истории.

В РГГУ работал с 1993, член международного редсовета журнала *Arbor Mundi* («Мировое древо»), издающегося в РГГУ, член редколлегии серии «Труды по знаковым системам». Кроме того, он обладатель различных международных высоких научных регалий: действительный член Европейской академии наук (*Academia Europaea*), профессор Неаполитанского восточного университета (*Instituto Universitario Orientale*), иностранный член Австрийской академии наук, почетный член Международного общества визуальной семиотики и Британского общества по изучению славянской средневековой культуры, член Международной ассоциации семиотических исследований, автор более 350 работ, один из наиболее значительных представителей отечественной семиотической школы, крупнейший специалист в области истории русского языка, участвовал с 1976 в работе Международной ассоциации семиотических исследований. В настоящее время работает над семиотикой русской истории (XV–XVII вв.). В 1996–1997 гг. вторым изданием вышли его избранные труды. Первые два тома посвящены работам ученого в области структурной типологии языков и семиотики культуры, третий том – славянскому языкознанию. Книга Успенского «Семиотика искусства» (М., 1995), в которой идет речь о структуре художественного текста и типологии композиционной формы, заслуживает особого внимания. Как показал в ней Успенский, в художественном произведении различные точки зрения вступают в определенные отношения друг с другом, образуя таким образом достаточно сложную систему противопоставлений, различий и тождеств. Эта структура рассматривается ученым в оценочном, фразеологическом и пространственно временном аспекте. Хотя в книге Успенского – в ее основной части – речь идет прежде всего о литературных произведениях, автор касается также театра, музыки, изобразительного искусства, показывая структурную общность различных видов искусства.

Книгу завершают работы по семиотике русской иконы и по композиции Гентского алтаря Ван Эйка, в которых показана божественная и человеческая перспектива произведения искусства, какой ее раскрывает семиотический анализ.

По признанию Успенского, он опирается в своих исследованиях на труды кружка Бахтина (М. М. Бахтин, В. Н. Волошинов), на то, что было сделано В. В. Виноградовым, Г. А. Гуковским и др. Успенский заявляет о своей близости к направлению в американской науке,

которое сложилось под влиянием литературных оценок Генри Джеймса и получило название «новой критики».

Б. А. Успенский успешно продолжает плодотворную работу, которую с 20-х гг. нашего века ведут отечественные и зарубежные мастера «формального анализа», являющегося одной из важных сторон всеобъемлющей характеристики произведений искусства во всех его видах и текста вообще.

Членом московско-тартуской школы был и Александр Константинович Жолковский (род. 1937, Москва) – литературовед, культуролог. Окончил филологический факультет МГУ английской группы романо-германского отделения. После окончания МГУ работал в Лаборатории Машинного Перевода МГПИИЯ с 1959 по 1974 гг., где был привлечен И. А. Мельничуком к соавторству над экспериментальным «Толково-комбинаторным словарем» (Вена, 1984). Материалы к нему, включая наиболее важную статью «О семантическом синтезе» (Проблемы кибернетики, № 19, 1967), печатались в СССР, но сам словарь был издан в эмиграции. Параллельно учился в аспирантуре и преподавал язык сомали в Институте Восточных Языков при МГУ. В 1969 была защищена диссертация, на основе которой издана книга «Синтаксис сомали» (1971). В 1964–1973 работал также в редакции вещания на языке сомали Московского Радио, сначала в должности редактора-выпускающего, а затем переводчика и диктора. Использование в книге языковых примеров из официозных передач Московского Радио можно считать одним из ранних образцов соц. – арта.

В 1974 г. был уволен с работы в связи с подписанием писем в поддержку диссидентов и был принят в группу автоматического перевода Ю. Д. Апресяна в информационном институте «Информэлектро».

Вместе с университетским сокурсником Ю. К. Щегловым разработал так называемую поэтику выразительности (порождающую модель литературной компетенции «Тема-Текст»). Однако первая публикация результатов использования этого метода – «Структурная поэтика – порождающая поэтика» (Вопросы литературы. 1967. № 1) вызвала полемику, в том числе со стороны представителей Московско-тартуской школы. С 1976 г. стал проводить у себя на квартире семинар по Поэтике с участием виднейших семиотиков и литературоведов: М. Л. Гаспарова, Ю. И. Левина, Б. М. Гаспарова, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, Е. М. Мелетинского, В. В. Иванова, К. Ф. Тарановского, С. И. Гиндина и др.

В 1979 г. Б. А. Успенский эмигрировал. Сначала семестр преподавал в Амстердамском университете, выезжая с лекциями в другие европейские университеты. С 1980 г. – работает в США. В настоящее время – профессор Университета Южной Калифорнии (USC) в Лос-Анджелесе. Испытал воздействие работ Шкловского, Проппа, Тынянова, Якобсона, Эйзенштейна, Бахтина и Риффатера. Основной круг интересов – явления русской литературы и искусства XX века. В своих работах использует постструктурные, интертекстуальные методы, которые дают прочтению хорошо знакомых произведений остроту и новизну изложения. Печатался в Москве и Тарту, будучи одним из представителей Московско-Тартуской школы.

К московской группе Московско-тартуской школы относился и Александр Моисеевич Пятигорский (1929–2009). В 60-х гг. принял участие в симпозиумах по знаковым системам в Киярику. Впоследствии дал оценку деятельности тартуского кружка и московских семиотиков в работе «Взгляд из 90-х на семиотику 60-х». Участвовал в диалоге с М. Мамардашвили. В середине 70-х гг. уехал за границу. Наиболее значительные работы собраны в кн. «Избранные труды» (М., 1996). К их числу принадлежат исследования о тексте как разновидности сигнала, о семиотической ситуации и ее наблюдателе, о метатеории сознания и др. проблемах семиотики.

Вопросы семиотики Пятигорский понимал в широком социокультурном контексте. В диалогах с М. Мамардашвили и в нескольких других небольших по объему работ А. М.

Пятигорский высказал ряд соображений о духовной ситуации в современной России. В России, рассуждали Пятигорский и Мамардашвили, каждый текст стремится стать «Текстом» с большой буквы, энциклопедией русской жизни. Между тем, необходим отказ от этих претензий, от вековых стереотипов. Коренным пороком русского самосознания является отсутствие формы. Философия призвана расколдовать общество от власти культурных идолов, создать условия, при которых текст обретет форму и станет одной из единиц в полифонии текстов. В конечном итоге надо преодолеть типичную для нашей страны ситуацию, когда в стране что-то случается, но ничего не происходит (как сформулировал эту мысль автор предисловия к «Избранным трудам» Г. Амелин).

Известен Пятигорский и как незаурядный прозаик, лауреат премии Андрея Белого. Формулировка присуждения премии: «За философичность романной прозы и бескомпромиссность исследователя экзистенциальных лабиринтов». (Недавно опубликован сборник: Пятигорский А. Рассказы и сны. – М., 2001. 128 с.). Проза его понятна, проста и ясна. Это кажется парадоксальным только людям, считающим науку чем-то непонятным, сложным, темным и неясным. Пятигорский же, разносторонний и глубокий ученый, и в этих рассказах предстает представителем семиотики. Сон и явь перетекают друг в друга в его рассказах, когда сновидение предстает как семиотическая система, язык.

Однако в России открытое развитие семиотики длится недолго, как недолго просуществовала «оттепель». Наступает «застойный» период, датируемый 1967 годом. И в газетах начинается издевательство над семиотическими изысканиями, их терминологией, способами анализа. Многие представители семиотики вынуждены эмигрировать. Единственным оплотом семиотической науки остается Тартуский университет, вернее кафедра литературы во главе с Ю. М. Лотманом. В ответ на притеснения язык исследований становится еще более усложненным, именно в те годы возникает термин «вторичные моделирующие системы». В Тарту печатаются труды под названием «Летняя школа по вторичным моделирующим системам» (всего их вышло 5). Публикации по семиотике ждали и в России и за рубежом, но распространение идей оказывается замкнутым, аудитория искусственно ограничивается. Так снова развитие семиотики было извне сдержано, свернуто.

Между тем на Западе происходит разочарование в эффективности методов семиотики. И так синхронно и у нас и за рубежом во второй раз семиотика оказалась в кризисном состоянии.

III. Современная отечественная семиотика.

Перестройка чудесным образом все изменила в духовной жизни общества. Все ранее запретное стали печатать. Книжки и статьи по семиотике стали обильно печататься, появились на книжном рынке. Новое издательство – Школа «Языки русской культуры» интенсивно пропагандирует труды по семиотике. Начинается активная волна интереса к семиотическим исследованиям. Появляются новые диссертации, написанные под влиянием семиотических идей, и защита их уже не подвергается остракизму. Теперь уже диапазон семиотических исследований еще больше расширяется. На Западе постмодернизм целиком строится на семиотической базе. Ж. Деррида, Ж. Делез, Ф. Гваттари и многие другие столпы постмодернизма строят свои работы сплошь на семиотических терминах.

Однако, многие представители семиотики оказываются за границей. Это понятно. Жизнь в стране становится трудной. А на Западе им создают необходимые условия для работы. Многим из них теперь представляется, что семиотика как наука выдохлась. И вот уже растет разочарование и неприятие идей семиотики как изнутри, так и вне ее.

31 марта 2000 года в газете «Известия» появляется маленькая заметочка под названием «Знак беды. Гонимый лауреат Мишель Турнье призывает держаться подальше от тор-

фяных болот». Речь идет о романе Мишеля Турнье «Лесной царь», получившего Гонкуровскую премию в 1970 году. В 2000 году она вышла на русском языке. Сюжет взят из древнегерманских легенд о таинственном похитителе детей, который хорошо известен в России по балладе Гете, переведенной Жуковским «Кто скачет, кто мчится под холодной мглой». Однако действие романа перенесено во Вторую мировую войну. «Лесным Царем» оказывается французский военнопленный Абель Тиффож, извращенец – педофил. Однако этого персонажа возбуждают не просто детские тела, а знаки, которые он должен на них расшифровать. Автор статьи, Лев Данилкин пишет: «Тиффож, таким образом, – педофил-семиотик (семиотика – модная во времена написания романа наука о знаковых системах)». И делает затем следующий вывод: «фашизм у Турнье – своего рода учение о знаковых системах (строящееся на предпочтении одних формальных признаков другим – арийского типа – еврейскому)». На самом деле можно поспорить с трактовкой романа замечательного и тонкого романиста, как раз прославившегося печальным гуманизмом, сопереживающего своим героям и видящего все страшные и неприглядные стороны жизни, в которой все же есть радость и прелесть бытия, давно печатавшегося у нас на страницах журнала «Иностранная литература», автора многих интереснейших романов, повестей и рассказов. Довольно неточное прочтение смысла романа приводит к неожиданному и эпатажному выводу: «... в 1970 году появилась книга, которая в романной форме показала, к чему ведет семиотика, если перенести ее идеи на человеческий материал. Всякий структуралист может кончить людоедством – не буквальным, так символическим».

Понятно, что «всякий структуралист», как любой ученый, отнюдь не заряжен на людоедство. Но ведь если есть такой взгляд на семиотику, значит он чем-то оправдан. А оправдан он тем, что пора великих и интересных исследований на первый взгляд прошла. У нас теперь печатают переводные издания по семиотике как раз тех лет, когда западные идеи были закрыты от нас железным занавесом. Работы интересные, ставшие классическими. Да и обилие современных отечественных работ, получивших доступ к публикации, как правило, произведения отнюдь не современные. Чувствуется определенная усталость, накопленная семиотикой. Итак, третий и последний кризис? Неужели семиотика не вписывается в систему современного научного знания и должна быть забыта как интересный и плодотворный, но изживший себя эксперимент? Думается, что поминки по семиотике преждевременны.

С уверенностью можно прогнозировать, что, несмотря на кризисы и спады, семиотика входит важным компонентом в систему современного научного знания и в будущем ее, несомненно ждут великие открытия и завоевания.

Тем более, что у нас в стране продолжает работать Георгий Степанович Кнабе (1920) – филолог, культуролог. Поступил в ИФЛИ в 1938. С III курса ушел добровольцем на фронт (1941). Вернувшись, окончил МГУ (1943). Кандидатская дис. посвящена сравнительному анализу фр. и лат. яз. (1955); докторская дис. – анализу творчества Тацита (1983). Долгое время заведовал каф. иностр. языков во ВГИКЕ, с 1992 – профессор Российского Государственного Гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований (ИВГИ) при РГГУ. Основной круг интересов – античность, а также преломление в современной культуре античности. Много работ посвящено семиотическим аспектам разных явлений культуры: повседневности, быта, массовым формам художественной культуры и т. п.

Говоря о современном развитии семиотики, нельзя не вспомнить Михаила Бенеаминовича Ямпольского (1949) – киновед и культуролог. В 1971 г. окончил французское отделение романо-германского факультета МГПИ им. Ленина. Работал в НИИ теории и истории кино (ныне НИИ киноискусства) переводчиком, редактором, затем научным сотрудником. В 1977 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Воспитательные и образовательные функции курса философии в средней школе Франции». С 1990 г. – доктор искусствоведения.

Тема диссертации – «Проблема интертекстуальности в кинематографе». Сотрудник лаборатории постклассических исследований Института философии РАН, автор работ по вопросам киноискусства, семиотики, европейской культуры XVIII–XX веков. Работы Ямпольского переведены на основные европейские языки. В настоящее время живет и работает в США, преподает в Нью-Йоркском университете. В соавторстве с А. К. Жолковским в 1994 г. издана книга «Бабель».

Автор более 200 работ по вопросам киноискусства, семиотики, европейской культуры XVIII–XX веков. Работы Ямпольского переведены на основные европейские языки. В книге «Память Тиресия» проводится детальный анализ ассоциативных связей, возникающих в результате прочтения фильма как художественного текста. В основе авторской концепции лежит понятие текстуальной аномалии, т. е. такого места в тексте, где смысл затемнен и тем самым нарушен миметизм чтения. Однако именно в таких случаях возникают богатые возможности для семиотики и, в частности, для теории интертекстуальности, в рамках которой работает автор. На первый план здесь выходит анализ цитат, гиперцитат, вытесненных источников, анаграмм и т. п., выводящих к интертексту, проясняющему присутствие однотипных текстуальных аномалий в различных произведениях и таким образом неявно участвующему в формировании смысла. Особенно важен такой подход для прояснения изобразительного ряда авангардных фильмов, использующих усложненный язык.

Особое место в современной семиотике занимает Санкт-Петербургский государственный университет. На заре становления семиотики как науки ученые, работавшие в Санкт-Петербургском университете, приняли активное участие в разработке основных направлений и проблем этой философской дисциплины. Прекращение структурных исследований с 30-х до начала 60-х годов нашло художественное осмысление истории структурализма в СССР в романе «Пушкинский дом» А. Битова.

Выпускники Ленинградского университета Ю. Лотман и З. Минц стали основателями Московско-тартуской школы. Здесь интенсивно развивалась семиотика во взаимодействии с учеными из других городов СССР, в первую очередь из Москвы (почему эта школа называется «Московско-тартуской»). В трудные годы «застоя» это была единственная база для такого рода исследований.

В Ленинграде эта наука не прерывала своего развития. В начале 60-х годов вышла знаменитая книга Л. О. Резникова «Гносеологические вопросы семиотики», которая во многом предопределила дальнейшее развитие этой науки в нашей стране. Параллельно Л. О. Резникову работал В. А. Штофф, занимавшийся проблемами моделирования, связывая их с концепциями знакового анализа.

Несмотря на сложности, связанные с «замораживанием» «оттепели», Ленинградский университет, наряду с Тартускими летними школами по вторичным моделирующим системам, продолжал свои семиотические исследования. Не случайно в 1974 году была возможна защита в ЛГУ диссертации, связанной со знаковым анализом искусства.

Сегодня семиотические исследования широко распространены во всем мире. И Санкт-Петербургский университет достойно представляет это направление в современной науке.

Одним из представителей семиотики можно считать Моисея Самойловича Кагана (1921–2006). Он был искусствоведом, эстетиком, культурологом. Его научные звания многочисленны и разнообразны: доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, член Академии Гуманитарных наук, член Союза художников, член Союза кинематографистов РФ, Всероссийского театрального общества, Международной Ассоциации критиков искусства (АИСА), заслуженный деятель науки РФ. С 1938 по 1941 учился в ЛГУ. Во время учебы добровольцем пошел в действующую армию. Демобилизован в 1942 как инвалид Отечественной войны. В 1944 поступил в аспирантуру ЛГУ, с 1946 – преподаватель ЛГУ. Работал профессором в СПбГУ

(ЛГУ). Кандидатская диссертация «Французский реализм XVII века» (1948), докторская диссертация «Лекции по марксистско-ленинской эстетике» (1966). Профессор Санкт-Петербургского Государственного Университета, признанный глава ленинградской/петербургской эстетической школы. В своих воспоминаниях Моисей Самойлович пишет, что его критиковали за приверженность к семиотике. Подвергался критике многократно и несправедливо. К последовательному семиотическому анализу языков культуры пришел после опубликования «Морфологии культуры» (1974), вызвавшей огульную, подчас смехотворную критику Академии Художеств. Между тем, труды Кагана были всегда остро актуальны, и даже в тех случаях, когда вызывали несогласие, были чрезвычайно гетерогенны. В «Философии культуры» рассматриваются проблемы семасиологии в применении к художественной культуре.

М. С. Каган

Столь же ярким представителем семиотики в Санкт-Петербургском государственном университете является Татьяна Владимировна Черниговская, профессор кафедры общего языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, родилась 7 февраля 1947 года в Санкт-Петербурге. В 1965 году окончила 213 «английскую» школу, а в 1970 отделение английской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Специализировалась в области экспериментальной фонетики под руководством Л. Р. Зиндера, Л. А. Вербицкой и Л. В. Бондарко. До 1998 г. работала в Институте эволюционной физиологии и биохимии им. И. М. Сеченова РАН в лабораториях биоакустики, функциональной асимметрии мозга человека и сравнительной физиологии сенсорных систем (ведущий научный сотрудник). В 1977 защитила кандидатскую диссертацию, а в 1993 докторскую по теме «Эволюция языковых и когнитивных функций: физиологические и нейролингвистические аспекты» по двум специальностям «Теория языкознания» и «Физиология». Сейчас читает курсы «Психолингвистика», «Нейролингвистика» и «Когнитивные процессы и мозг» для студентов и аспирантов филологического и медицинского факультетов СПбГУ, а также для аспирантов Европейского университета в Санкт-Петербурге.

На современном этапе развития науки и образования, очевидно, что изучение любых форм деятельности человека без взаимообогащения разных областей знания фактами и специфическими для данной научной дисциплины парадигмами невозможно. Т. В. Черниговская работает в междисциплинарной области на пересечении лингвистики, семиотики, психологии и нейронаук.

В течение многих лет является руководителем грантов РФФИ, РГНФ, Международного научного фонда, OSI/HESP Института Открытое Общество и Программы поддержки высшего образования. Входила в Совет «Проблемы сознания» при Президиуме Академии Наук СССР.

В 2000 году на кафедре общего языкознания по инициативе Т. В. Черниговской была открыта первая в России специализация «Психолингвистика», на которой сейчас обучается более 60 студентов. Разработаны и успешно функционируют международные программы совместной подготовки аспирантов по психо- и нейролингвистике (с Голландией, Норвегией и США). Т. В. Черниговская разрабатывает системы модификации программ обучения на основе современных научных данных, плодотворно сотрудничает с рядом институтов Российской Академии Наук и университетами Европы и США. Является членом Ученых Советов по защите диссертаций по биологическим и филологическим наукам, руководителем ежемесячного городского семинара по психо- и нейролингвистике Петербургского лингвистического общества, представителем России в руководящем комитете координации Программ образования в области нейролингвистики Северных стран (Steering Committee of the Nordic Neurolinguistic Network (NORFA)), является государственным стипендиатом Президента России и программы международных обменов Фулбрайта. Также она является руководителем Ведущей научной Школы «Петербургская школа психолингвистики», член Петербургского лингвистического общества, Российской ассоциации искусственного интеллекта, Петербургского семиотического общества, Российского физиологического общества, International Neuropsychological Society; International Language Origins Society; International Society of Phonetic Sciences; European Speech Communication Association; International Semiotic Studies Association.

American Biographical Institute номинировал Т. В. Черниговскую как «2003 Woman of the Year», International Biographical Center (Cambridge, England) ежегодно публикует о ней биографические статьи, в частности в издании «2000 Outstanding Intellectuals of the 21st Century».

Многочисленно входила в оргкомитеты национальных научных форумов и была основным организатором четырех международных конференций, проходивших в Санкт-Петербурге: «Cultural Norms: A Multiple View» (St. Petersburg, Russia, 1993); Annual Meeting of the Language Origins Society (St. Petersburg, Russia, 1993); Russian-American Conference «Sensory Biology and Biosensors: Evolutionary Perspective» (St. Petersburg, 1995); Nordic Neurolinguistic Network Workshop (St. Petersburg, 1999); «Человек читающий и пишущий – «Homo Legens Scribensque» (St. Petersburg, 2002); «140 лет кафедре общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета»; «Первая Российская конференция по когнитивной науке, Казань, 2004. Кроме того, она участвовала в четырех передачах программы Александра Гордона на НТВ (URL: <http://www.gordon.ru> и URL: <http://www.ntv-tv.ru>) и в передаче «Черный квадрат» канала «Культура».

Неоднократно была приглашенным лектором в крупнейших университетах США и Европы, координатором международных симпозиумов.

Член редколлегии журнала Петербургского лингвистического общества «Язык и речевая деятельность» и журнала РАН «Сенсорные системы» (Journal of Language and Language Behavior ISSN 1560–2974); Sensory Systems ISSN 0235–0092). Со-редактор изданий по эволюции языка, (Голландия/Германия/США). В 1997 году была выдвинута кандидатом в члены-корреспонденты РАН.

Сферы научных интересов – психо- и нейролингвистика, когнитивная лингвистика и психология, биосемиотика, нейронауки, происхождение языка, теория эволюции, искусственный интеллект. Ею опубликовано более 190 научных трудов в ведущих отечественных и зарубежных изданиях.

За пределами СПбГУ в Санкт-Петербурге трудится ряд выдающихся ученых, посвящающих свои труды семиотике. Среди них выделяется имя Альберта Кашфулловича Байбурина (1947, Краснодарский край). С 1966 по 1972 г. учился в Тартуском государственном университете на историко-филологическом факультете. Под руководством проф. Ю. М. Лотмана написал ряд научных работ, которые были награждены медалями как лучшие студенческие работы. Затем последовала работа в Институт этнографии АН (последовательно: аспирант, младший, старший, ведущий, главный научный сотрудник). В 1996–1997 гг. исполнял обязанности заместителя директора Института по научной работе, и директора Института этнографии АН. В 1976 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Русские народные обряды, связанные со строительством жилища». В 1995 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Семиотические аспекты функционирования традиционной культуры восточных славян».

В 1996 г. приступил к организации факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.

1996–2002 – декан факультета этнологии, с 2002 г. по настоящее время – профессор факультета этнологии, главный научный сотрудник Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН. С 2003 г. является главным редактором журнала «Антропологический форум». Основные проблемы исследований: Этнография и фольклор восточных славян, Этнические стереотипы поведения, Семиотика культуры. А. К. Байбурин разработал основы символики пространства в народной культуре восточных славян; ввел понятие семиотического статуса вещей; описал систему ритуалов у восточных славян; разработал основные принципы исследования символики традиционной культуры. Преподавательская деятельность: читал курсы лекций в качестве приглашенного профессора в университетах России, Франции, Болгарии, Финляндии. Под руководством А. К. Байбурина защищены 2 докторские и 5 кандидатских диссертаций. Является научным руководителем 12 аспирантов. Почетная степень – в 2004 г. удостоен степени почетного доктора университета Сорбонна (Париж, Франция). Получатель грантов Российского фонда фундаментальных исследований, Российского гуманитарного научного фонда, Open Society Institute, Tacis/Tempus, British Academy. Отмечен грантом Президента России «Выдающимся ученым России». Автор нескольких книг и более 150 научных статей, в том числе: Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л., 1983; У истоков этикета (с А. Л. Топорковым). – Л., 1990; Ритуал в традиционной культуре. – СПб., 1993; Полузабытые слова и значения. Словарь русской культуры XVIII–XIX вв. (с Л. Беловинским и Ф. Контом). – СПб – М., 2004. Кроме того, является ответственным редактором книг: Этнические стереотипы поведения. – Л., 1985; А. А. Потебня. Слово и миф. – М., 1989; Этнические стереотипы мужского и женского поведения. – СПб., 1991; Великорусские заклинания. Сборник Майкова. – СПб., 1994; Н. Ф. Сумцов. Символика славянских обрядов. – М., 1996; Антропология. Фольклористика. Лингвистика. – СПб., 2001 и мн. др. Участие в российских и международных советах, член редколлегии серии «Этнографическая библиотека», член редколлегии журнала «Ethnologia Europaea», член научного совета журнала «Ethnologie française», член международного наблюдательного совета International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences.

Коллегой А. К. Байбурина является И. Утехин.

Утехин Илья Владимирович (род. 1968), к.и.н., антрополог, лингвист. Окончил филологический факультет ЛГУ (1992), специализировался по каф. Общего языкознания; аспирантура в МАЭ РАН «Кунсткамера». По инициативе А. С. Штерн с 1994 читает спецкурсы по семиотике на каф. общего языкознания СПбГУ; с 1996 г. в ЕУСПб читает курсы семиотики и лингвистики. Читал лекции по семиотике в университете Хельсинки, университете Париж-IV (Сорбонна), Институте Высших гуманитарных исследований (ISH, Любляна, Словения).

С 2002 г. – декан факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб).

Взгляды на семиотическую проблематику сформировались в значительной мере под влиянием учителей и коллег, ярких представителей тартуской школы этносемиотика А. К. Байбурина и фольклориста Г. А. Левинтона, а также под воздействием идей Г. Бейтсона.

В сферу научных интересов входят культурная антропология (в т. ч. антропология города и антропология повседневного поведения), исследование межличностной коммуникации, когнитивная психология и психология развития, а также визуальная семиотика.

Среди основных публикаций – монографическое исследование в области семиотической антропологии повседневности (Очерки коммунального быта. – М.: ОГИ, 2001; 2-е изд – 2004.; URL: <http://www.utekhin.spb.ru>).

Молодой культуролог Илья Игоревич Докучаев (р. 1971, Ленинград) закончил факультет русской филологии и культуры РГПУ им. А. И. Герцена (1993, специальность – русский язык и литература), факультет философии ВРФШ (Высшей религиозно-философской школы) Санкт-петербургского союза ученых при АН РФ (1996 г., специальность – философия: философская герменевтика), аспирантуру кафедры художественной культуры РГПУ им. А. И. Герцена (1996 г., специальность – теория и история культуры). Защитил диссертацию «Семиотический анализ художественной культуры» (1999) на степень культурологии. В 2003 г. – докторскую диссертацию «Общение в истории культуры (методологический и типологический аспекты)». Основные публикации: «Феноменология знака. Психические, социальные и культурные аспекты семиозиса». (1999), «Введение в историю общения. Постановка проблемы» (2001). Стажировался по философии в Свободном университете г. Амстердама (Нидерланды), Институте «Открытое общество» (Будапешт, Венгрия), Европейском гуманитарном университете (Минск, Белоруссия). Преподавал РГПУ им. А. И. Герцена, МЭСИ (Московском институте экономики, статистики и информатики), Московском СГУ (Современном гуманитарном университете), КнАГТУ (Комсомольском-на-Амуре государственном техническом университете). Профессор, ректор КнАГТУ. Читал курсы: «Эстетика», «Семиотика», «Риторика», «Введение в лингвистику», «Философия культуры», «История культурологии», «Источниковедение» и др.

Несмотря на обилие семиотической литературы, Докучаев верно отмечает, что семиотические аспекты художественной культуры все еще слабо изучены, отсутствует системное описание семиозиса, построенное на строгих философских, онтологических принципах.

Сложно объяснить эволюцию стилей, их взаимодействие и взаимосвязь. На основе своей концепции Докучаев выделяет четыре типа стилей: традиционно-парадигматический (классицизм, социалистический реализм), нетрадиционно-парадигматический (реализм и постренессансный реализм), традиционно-непарадигматический (романтизм и барокко), нетрадиционно-непарадигматический (импрессионизм). Проблема морфологии искусства оказывается весьма аргументированно обоснованной. Выявляя историческую типологию общения, его процессуальный характер Илья Игоревич Докучаев практически осмысляет выбранную тему в русле истории культуры. По-новому отражено осмысление общения в античных памятниках, комплексно преодолен европоцентризм. Анализируя историю общения в науке, историография правомерно ограничена рамками Нового и Новейшего времени. Им показана близость понятий «общение» и «бытие», их связь и взаимозависимость, исторические типы функционального общения, а также интерперсональное и ролевое общение. С семиотических позиций постулируются основные компоненты общения: его участники, канал взаимодействия и код его организации. Автор подчеркивает главенствующее значение в нем кодов и каналов общения, связанных с соответствующими этапами культуры Докучаев показывает отличие классических знаковых систем от естественного языка, парадоксальность которого заключается в том, что с помощью ограниченного количества средств

практически возможно передать неограниченное число информации, хотя здесь есть свои пределы выразительности. Именно благодаря этому естественный язык – идеальное средство общения, хотя в культуре он дополняется множеством других языков. Логично поэтому рассмотрение характеристик общения людей в мире культуры. Представлена типология диалога культур. Автору удалось благодаря обширному материалу установить возникновение термина, показать модификации такого диалога. В связи с этим доказывалось с приведением различных форм и видов, что не всегда общение ведет к общности общающихся. Уточняя типы каналов общения, автор вводит семиотические категории. Выделены метакоды и коды общения.

Культуролог-семиотик – Леонид Файбышевич Чертов (род. в 1949). В 1972 г. окончил Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухомовой по специальности «художественная керамика»; в 1996 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Язык предметных форм и пространственных отношений» по специальности «эстетика» на философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета; там же затем читал спецкурсы по темам: «Семиотика культуры», «Знаковые системы в культуре» и «Семиотика пространства и пространственных видов искусства».

Чертов – автор книги «Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи» (1993). В ней проводится сравнительный анализ ключевых семиотических понятий в концепциях Ч. Пирса, Ч. Морриса, Ф. де Соссюра, Л. Выготского и других ученых, и на этой основе строится интегративная модель («знаковая призма»), в которой классические схемы (например, версии «семантического треугольника» Г. Фреге, Огдена – Ричардса, К. Л. Бюлера и др.) представлены как аспекты единого механизма. Этот механизм выводится в анализе места знаков и их значений в системе субъектно-объектных и межсубъектных информационных процессов, совмещение которых рассматривается как условие знакового уровня связи. Межсубъектный процесс трактуется как нетождественный сигнально-индексальному и символическому способам кодирования, а также внекодовому иконическому моделированию.

Чертов является автором ряда публикаций по проблемам семиотики пространства и пространственных искусств, развивая в них концепцию существенного отличия пространственного семиозиса от временного. Это отличие он находит как в синтаксическом, так и в семантическом планах. В плане синтактики у Чертова специфика пространственного семиозиса характеризуется «семиотопологией», в рамках которой рассматриваются такие свойства формы выражения пространственных текстов, как размерность, однородность или неоднородность, обратимость или необратимость, дискретность или непрерывность и т. д. В плане семантики особенности пространственного семиозиса связываются с его способностью затрагивать и такие уровни психики, которые недоступны вербальному языку (например, уровень восприятия, с которого начинается разворачиваться план содержания изображаемых объектов). Различные нормы семиотизации пространства, т. е. такого его структурирования и осмысления, в которых устанавливаются связи между планами выражения и содержания, Чертов трактует как ряд специфических визуально-пространственных кодов. Среди последних описываются такие, как «перцептографический» (связывающий плоское изображение с возникающей лишь в восприятии объемной картиной изображаемого), «архитектонический» (соотносящий видимые пространственные формы с кинестетическими образами тяжести или легкости, равновесия или неравновесия и т. п.), «предметно-функциональный» (сопоставляющий узнаваемые предметные формы с выработанными в культуре нормами их использования в предметных действиях).

В отличие от устоявшихся в семиотике представлений об искусстве как о сфере, вырабатывающей свой особый язык, Чертов трактует его как область, которая вбирает в себя коды, имеющие внехудожественное происхождение, подвергает складывающиеся в них

семиотические средства тщательному отбору и превращает их в предмет особой «искусной» разработки. Чертов признает, что понимание этой искусности исторически изменчиво, так же как изменчивы и соотношения между кодами, разрабатываемыми в разных видах искусства в разные периоды его развития. Исходя из этого, он предлагает рассматривать историю искусств как историю освоения выразительных возможностей различных визуально-пространственных кодов и изменения их соотношений.

Семиотическим анализом искусства занимается А. А. Курбановский (1955, Ленинград). Курбановский Алексей Алексеевич (р. 24.03.1955) – искусствовед, критик, переводчик. В 1977 году закончил Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (факультет теории и истории искусства). С 1990 года работает в Государственном Русском музее (ведущий научный сотрудник). В 1998 году защитил кандидатскую диссертацию «Новейшее отечественное искусство. Методологические аспекты его изучения» по специальности кандидат искусствоведения. Опубликовал книги: «Искусствознание как вид письма» (СПб.: Борей-арт, 2000), «Незапный мрак. Очерки по археологии визуальности» (СПб.: АРС, 2007), также около 150 статей в периодических изданиях и каталогах выставок отечественных художников, и в России, и за рубежом. В 2002–2003 годах преподавал историю русского искусства в университетах США.

Опубликовал в своем переводе две книги художественной прозы Джона Леннона: «Пишу как пишется» (СПб.: Борей, 1991) и «Испалец в колесе» (СПб.: Агрогород, 1992); переизданы под одной обложкой: «Испалец в колесе» (М.: Эксмо, 2003). Переводил философские и искусствоведческие тексты К. Гринберга, Фр. Джеймисона, Р. Краусс, Ж.-Ф. Лиотара, Г. Рида, Л. Эйтнера.

В ряде публикаций 2002–2008 годов подчеркивал несводимость адекватного понимания памятников искусства прошлого к визуальному опыту современного зрителя; предложил использовать понятия: «техники визуальности», «режимы визуальности», «визуальные коды» – и, как итог, «археология визуальности» (по модели предложенной М. Фуко «археологии знания»). Человеческое видение – это культурно-исторический конструкт или артефакт, неразрывно связанный со своим временем, общественной средой, изобразительными (академическими) конвенциями. Воззрения прошлых эпох, запечатленные в произведениях музейного искусства, суть всегда некие шифры, семиотические загадки – сколь бы ни походило изображенное на то, что доступно наблюдению зрителя в окружающей реальности XXI столетия. Ничто, конечно, не мешает нашему современнику вписывать то или иное произведение в свой повседневный жизненный и эмоциональный горизонт; но при этом практически неизбежна модернизация памятника, вплоть до полного его искажения. Вот почему необходима археология визуальности, вскрывающая определенные конфигурации зрительных и семантических напряжений «под» гладкой поверхностью старинной живописи, смещающая акцент с оптического впечатления на интеллектуальное усилие, требуемое для реконструкции, возможно, утраченного авторского, оригинального смысла.

Представителем биосемиотики является Сергей Викторович Чебанов, называющий себя герменевтом. Родился 20 марта 1953 г. в Санкт-Петербурге. Окончил среднюю физико-математическую школу № 239 (1970, С.-Петербург), биолого-почвенный факультет Санкт-Петербургского государственного университета по специальности «биолог-микробиолог» (1976).

Работал в лаборатории иммуногематологии Института Акушерства и гинекологии АМН СССР (1976–1978, С.-Петербург), занимался палеонтологией докембрия во Всесоюзном научно-исследовательском нефтяном институте ВНИГРИ (1978–79, С.-Петербург) и в Институте геологии и геохронологии докембрия АН СССР (1979–80, С.-Петербург). С 1980 по 1984 и с 1987 по 1989 сотрудник лаб. кристаллогенезиса НИИ Земной коры СПбГУ.

С 1984 по 1987 гг. – аспирант кафедры математической и структурной лингвистики филологического факультета СПбГУ. В 1987 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук (специальность 10.02.21 – математическая и прикладная лингвистика), в 2001 – на соискание ученой степени доктора филологических наук (специальности 10.02.21 – математическая и прикладная лингвистика; 09.00.01 онтология и теория познания).

С 1989 по 2000 – ст. н. с., с 2000 – консультант Института Эволюционной физиологии и биохимии им. С. М. Сеченова РАН (ИЭФиБ, С.-Петербург), с 1997 г. член Института национальной модели экономики (Москва). С 2000 по 2002 г. – ст. н. с. Центра исследовательских и образовательных программ Санкт-Петербургского Союза ученых, февраль – июнь 2002 – научный сотрудник Библиотеки РАН, с августа 2002 по сентябрь 2003 – проректор по науке Высшей религиозно-философской школы (ВРФС), с сентября 2003 – профессор кафедры национальной безопасности факультета безопасности Санкт-Петербургского технического университета (Политехнического института).

Основные интересы – герменевтика специализированных форм деятельности (когнитологическая герменевтика, герменевтика non-fiction), теоретическая биологии, теория классификации.

Один из основателей и руководителей Семинара по Теоретической биологии (1972) (ныне – Семинар по биогерменевтике Санкт-Петербургского союза ученых и Петербургского лингвистического общества), Городского семинара по семиотике (с 2002).

Являлся членом Областного Совета Молодых Ученых (1978–84); Всесоюзного Совета групп теоретической биологии (1978–79); секции теоретической биологии Научно-технического совета Министерства Высшего и среднего специального образования СССР (1979–80).

Организатор и участник школ по теоретической биологии (1975–96, 2000), школ и семинаров по теории и методологии классификации (с 1979 до середины 80-х годов), междууниверситетской группы «Текст как предмет междисциплинарных исследований» и ее мероприятий, Московско-Петербургского семинара по общей морфологии (1992–94), Философского семинара Гуманитарного фонда им. А. С. Пушкина (1992–94), программы «Иерусалим-3000» школы-клуба «Бейт» (СПб, 1995–96), участник Русской сессии Международной Академии Наук Сан-Марино «Язык – Культура – Экология» (Москва, 1992), «К. фон Бэр и современная биология» (Тарту, 1992), «Русско-немецкого Коллоквиума по лингвистической синергетике» (Москва, 1992), международных конференций «Еврейская цивилизация и мировая культура» (СПб, 1993–95), «Проблемы еврейского образования» (СПб, 1993–95), 2-го Международного методологического конгресса (Москва, 1995), международного семинара «Парадигмы философствования» (СПб, 1995) и других международных семинаров философско-культурологического центра «Эйдос», семинаров центра «Стратегия» Леонтьевского центра (СПб, 1994–95), приема философской делегации Программы Народной дипломатии (СПб, сентябрь, 1995), международной конференции «Развивающиеся системы, конкуренция и кооперация в социобиологии и экономике» (Хильдесхайм, Германия, 1996), семинара Польского общества естествоиспытателей им. Н. Коперника (Вроцлав, Польша, 1996), конференции по квантитативной лингвистике КВАЛИКО-97 (Хельсинки, 1997), Международного семинара TSD (Текст. Речь. Диалог.) (Брно, Чехия, 1998), Международного семинара по биосемиотике «Икскуль и жизненный мир» (Тарту, Эстония, 1999), 9-ом Международном Конгрессе Немецкого общества семиотиков «Машины и история» (Дрезден, Германия, 1999), 7-ом Международном Конгрессе Международной Ассоциации Семиотических исследований «Знаковые процессы в сложных системах» (Дрезден, Германия, 1999), Зальцбургского Семинара (сессия «Социальные, этические и юридические аспекты биотехнологии» (Зальцбург, Австрия, 2001), 2-ой Встрече по биосемиотике (Тарту, Эстония,

2002), конференции «Новый этап становления общей семиотики: вклад техно– и биосемиотики» (СПб, апрель 2003).

Член Санкт-Петербургского союза ученых (с 1992), Международного общества Я. фон Иксюлля (Тарту, с 1993), Международной Ассоциации семиотических исследований (с 1999), Петербургского лингвистического общества (с 2001), научно-методического совета ассоциации «Покров» (2002–2003).

Один из разработчиков многофункциональной автоматической системы обработки текста LINDA, нового метода выращивания бездефектных кристаллов.

Лекция 3. Зарубежная история семиотики

Наука семиотика зародилась и стала интенсивно развиваться одновременно в разных странах. Однако родоначальником этой науки считается Чарлз Пирс. Именно поэтому историю семиотики за пределами России мы начнем с американской семиотики, представителем которой был Чарлз Пирс.

1. История американской семиотики

ПИРС (Peirse) Чарлз Сандерс (1839, Кембридж, –1914, Милфорд) – американский философ, логик, математик, естествоиспытатель. Родоначальник основных идей прагматизма, математической логики (алгебры логики) и семиотики. Учился в Гарвардском университете, в 1869–1872 читал лекции по логике, истории и философии науки в Гарварде, Балтиморе и Бостоне. Член Американской академии наук и искусств (1877) и Национальной академии наук.

На формирование взглядов Пирса большое влияние оказали Кант и Иоанн Дунс Скот. Статьи Пирса – «Как сделать наши идеи ясными» (How to make our ideas clea, 1876) и «Определение веры» (The fxation of belief,1877) – послужили первоисточником американского прагматизма. Философия Пирса сочетает две противоположные тенденции: эмпирическую

(позитивистскую) и объективно-идеалистическую (идушую от Платона и Шеллинга). Он отрицает врожденные идеи и интуитивное познание. Исходный пункт познания, по Пирсу, – явления, видимость («фанерон»). Пирс определяет понятие истины как ясное, отчетливое, неопровержимое на данной стадии познания (в отличие от последующего прагматизма, определяющего истину как полезное, выгодное). Истинность – условие практической пригодности. Полезность определяет значение истины, ее надежность. Практический интерес – причина нашей заинтересованности в поисках истины. Т. обр., наша воля предшествует разуму, стимулирует его. Истина относительна: практика требует ее непрерывного обновления, преобразования. Конечный результат познания – не абстрактная метафизика, а конкретная космология.

Ч. С. Пирс

Признавая бытие Бога, Пирс считал, что вера в Бога в значительной мере обуславливает человеческое поведение. Однако Бог непознаваем и недоступен ни дедуктивному, ни индуктивному доказательству. Вера в него инстинктивна и основана на чувстве, а не на разуме, она коренится «не в голове, а в сердце». В трактовке некоторых проблем (напр., проблемы классификации знаков) в воззрении Пирса обнаруживается материалистическая тенденция.

Он сформулировал принципиальные положения семиотики, которую он определял как науку, изучающую любые системы знаков, применяемых в человеческом коллективе (включая и такую, в которой знаком является человек), дал определения основных ее терминов и наметил классификацию знаков, которая обосновывается, во-первых, на понимании знаков как средств коммуникации, а во-вторых, на учете взаимоотношений знаков с объектами (денотатами).

По отношению к денотату Пирс делит знаки на три типа: знаки иконические (изобразительные) – *icon*; знаки-признаки – *index*; и знаки-символы – *symbol*. Иконические знаки воспроизводят в своей структуре структуру денотата, знаки-признаки – знаки индексы – воспроизводят часть или причину или следствие того предмета, о котором они информируют. Что же касается символов, то их связь с денотатом довольно сложна: она может быть конвенциональной, т. е. возникшей по договоренности, либо существующей по определенным отношениям к тому, о чем информирует. Сам Пирс выделял символ среди других знаков, отмечая его «информационную широту». Вот почему автор данной работы в своей классификации отчленяет символ от условного знака.

ПРАГМАТИЗМ – (от греч. – дело, действие) – философское учение, рассматривающее значение понятий, суждений и пр. в терминах практических последствий основанного на них действия, успешность которого составляет единственный критерий истинности и отождествляется с ней. Основные идеи прагматизма были высказаны Пирсом в 70-х г. XIX в., но лишь с конца 90-х гг. благодаря работам Джемса он получил популярность и быстро вошел в моду. Тогда же к прагматизму примкнул Дж. Дьюи, который, начав с прагматистской интерпретации логики и теории познания, дал в последующие десятилетия всестороннюю разработку прагматизма, в его инструменталистском варианте. Одно из новшеств, предложенных прагматизмом, – это теория значения. Пирс был, возможно, первым мыслителем, который попытался ввести понятие значения в философию, придав ему строгий логический смысл. Суть прагматистского понимания значения выражена в т. н. принципе Пирса: «Рассмотрите, каковы те практические последствия, которые, как мы полагаем, могут быть произведены объектом нашего понятия. Понятие о всех этих последствиях и есть полное понятие объекта».

Из прагматистской теории мышления (принцип сомнения – веры) и теории значения вытекает концепция истины. Хотя Пирс пытался удержать прагматизм в пределах метода установления значений, в дальнейшем его поспешили применить к морали, религии, социологии, эстетике, педагогике и т. п. Идеи прагматизма получили в США широкое распространение. Однако в начале 40-х гг. XIX в. влияние прагматизма в академических кругах США ослабевает в связи с распространением неопозитивизма и др. философских течений.

ГИПОТЕЗА СЕПИРА—УОРФА – гипотеза о зависимости типа мышления и поведения членов языкового коллектива от типа языка. Исследуя языки и культуры различных индейских племен, крупнейший американский лингвист и этнограф Э. Сепир в 20-х гг. XX столетия обнаружил известное типологическое сродство между ними, которое может быть противопоставлено такому же типологическому сродству европейских языков и культур. Его последователь американский инженер Бенджамин Ли Уорф, специалист по противопожарным установкам, уже в 40-х гг. в ходе расследования крупного пожара столкнулся с тем фактом, что одной из его причин было неточное употребление слов в технической документации. Уорф заинтересовался этим, начав изучение лингвистических и этнографических материалов, связанных с проблемой языка как одной из движущих сил человеческого поведения. Он пришел к выводу, что сама структура индоевропейских языков, английского в частности, предрасполагает нас к субъектно-объектному видению мира – что не всегда согласуется с методами современной науки. Хотя Уорф был самоучкой в языкознании и этнографии, он написал ряд статей, вызвавших интерес американской научной общественности. Вспомнили, что Э. Сепир развивал аналогичные идеи, но тогда они остались незамеченными. Комплекс воззрений, связанных с именами Э. Сепира и Б. Уорфа получил название «гипотезы Сепира-Уорфа». Ее основные идеи таковы: 1) типология общественной жизни и общественного производства как типология поведения, определяется всеми институтами культуры, в т. ч. языком; 2) язык среди др. институтов культуры занимает место посредника между мышлением и общественной жизнью и общественным производством, а потому тип языка определяет тип мышления и тип поведения языкового коллектива. Исходя из этих выводов, Уорф сформулировал следующую гипотезу: современная мировая культура развилась, опираясь на европейский языковой тип, который определил тип нормативного (с европейской точки зрения) поведения и мышления. Например, в мировой культуре возобладала европейская концепция времени и европейская логика, предопределенные формами европейского языкового типа. Если допустить, что современная мировая культура развилась бы на иной лингвистической основе, то, по-видимому, создались бы иные правила мышления и т. п. Хотя рассуждение здесь приведено не вполне корректно и потому подверглось справедливой критике за имевшиеся преувеличения (напр., не учтено, что европейские языки,

в отличие от индейских, располагают не только звуковыми, но и письменными знаковыми системами, а также книгопечатанием; это, конечно, само по себе меняет тип развития культуры и подрывает базу под сравнением Уорфа), тем не менее гипотеза Сепира-Уорфа сохраняет ценность в семиотике как одно из средств объяснения механизмов и источников развития культуры.

ОБЩАЯ СЕМАНТИКА – школа (или течение) в американской философии и социологии, изучающая влияние языка на мышление, а через него на поведение человека. Общая семантика была основана в 30-х гг. XX в. А. Кошибским («SCIENCE AND SANITY», 1933), основавшем в 1938 году Институт общей семантики. Последователи Общей семантики группируются вокруг журнала «ЕТС» (осн. в 1943), а также Международного общества Общей семантики (Чикаго). Общая семантика соединяет идеи философии, психологии, социологии и лингвистики. Сторонники Общей семантики видят в структуре языка причину соматических и психических расстройств, социальных бедствий (в частности, из-за разного понимания людьми значений слов). А. Кошибски (1879–1950) построил методологическую систему, сердцевинной которой были семиотические соображения. «Наука и душевное здоровье» (1933): «Достижения человечества основаны на употреблении символов. Поэтому мы должны рассматривать себя как символический, семантический вид жизни. Те, кто владеет символами, владеет миром... Отказавшись от этого, мы опустимся к уровню животных». Заслуга Кошибского в том, что он показал – употребление символов связано с глубинными слоями нервной системы. Он часто употреблял термин «невролингвистика» и «невролингвистический механизм», тем самым предсказав появление этой дисциплины и этого понятия, которое произошло десятилетия спустя. В своей книге «Язык и поведение» (1971) Ч. Моррис с полным основанием сказал, что «Наука и душевное здоровье» была «психо-биологической в своей ориентации... и ставила своей целью защитить личность от эксплуатации другими и самим собой».

Кошибски, происходивший из польской помещичьей среды, был по образованию инженером и приехал в Америку в 1915 году, изучил английский язык, и в творческом порыве написал «Зрелость человечества» (1921) и «Науку и душевное здоровье». Первая из этих книг развила положение о «связывании времени» – способности идти вперед, опираясь на накопленные достижения человечества. Во второй книге он изложил законченную систему, которую он описал как «неаристотелевскую», поскольку в нее вводились постулаты, лежавшие за пределами Аристотеля. Кошибски отрицал «первое правило мысли», согласно которому «А является А», ибо изменение, гераклитовский поток, всегда присутствует в мире. Это вело к принципу «нетождественности» – тезису, согласно которому не существует полной тождественности. Он подчеркнул целостный, холистический облик мироздания, что согласовалось с эйнштейновским взглядом на мир. Он взял у релятивистской теории пространство-время, душа-тело, интеллект-эмоция и другие понятия.

В 1948 г., за два года до кончины, Кошибски выразил свою уверенность в том, что «широко задуманные и всеобъемлющие методы и способы научного анализа общей семантики могут быть использованы в изучении всех существующих языков – что будет иметь глубокое влияние на сознание и поведение их носителей».

Кошибски основал в 1938 г. Институт Общей семантики в Чикаго. В первое послевоенное десятилетие и отчасти позже Общая семантика разрослась в широкое движение. Его сторонники пытались включить в свою систему все науки и искусства, начиная с лингвистики и логики и кончая лечением зубов. На ученых съездах семантиков в Чикаго раздавались широковещательные фразы вроде того, что «аристотелевская цивилизация, владевшая умами европейского человечества двадцать пять веков, ныне лежит в руинах». Однако действительные научные достижения Общей семантики были более чем скромные. Одним из лучших популяризаторов «идей Кошибского» был Хайакава. Его книга «Язык в действии»

едва ли не лучшее, что вышло из-под пера последователей польского мыслителя. Последняя значительная книга Хайакавы вышла уже в годы, когда движение пошло на убыль. Вскоре о нем стали помнить лишь как об эпизоде интеллектуальной истории США.

Рапопорт (Rapoport) Анатолий (1911–2007) – американский философ, психолог, специалист в области математической биологии. Окончил Чикагский университет (1941). С 1955 – профессор математической биологии Института психиатрии Мичиганского университета. Президент Международного общества общей семантики (1953–55), один из ведущих редакторов журналов «ETC», «Behavioral Science» и ежегодника «General Systems». Главный предмет философских исследований Рапопорта – анализ взаимоотношений между мышлением и действием. Специально-научные интересы Рапопорта лежат в области науки о поведении: именно с этой точки зрения он рассматривает общую семантику. В своих экспериментально-психологических работах Рапопорт анализирует формы поведения человека в конфликтных ситуациях; он один из первых применил теорию игр для психологического анализа. Большое внимание Рапопорт уделял разработке и пропаганде идей общей теории систем. В области социологии Рапопорт, солидаризуясь с Ч. Р. Миллсом, выступал за необходимость построения «макроскопических» (общих) социальных теорий построения науки о человеке.

ДЕСКРИПЦИЯ (от лат. *descriptio* – описание) – описательное определение (характеристика) единичных объектов посредством общих понятий (имен, свойств и отношений), выполняющих ту же функцию, что и название собственного имени. Логическая дескрипция отличается от описательных форм выражений естественного языка определенностью экстенсимального контекста. Объект логической дескрипции обязательно существует и всегда единственен. Именно это и составляет, как правило, достаточное условие для введения дескрипции в язык той или иной формальной системы или исчисления, что обогащает их выразительные возможности. Возникающее при этом расширение систем (классических или интуиционистских) несущественно в силу того, что всегда возможно устранение дескрипции (дескриптивных выражений), введенных при этом условии.

ДЕСКРИПТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА (от позднелат. *descriptivus* – описательный) – одно из направлений американского языкознания, возникшее и активно развивавшееся в 30–50-х гг. XX в. в общем русле структурной лингвистики. Дескриптивная лингвистика сложилась под непосредственным влиянием идей Л. Блумфилда. Сформулировав теоретические посылы синхронного описания языка (язык понимается как разновидность поведения человека), Блумфилд предложил дескриптивный метод, исключая, с его точки зрения, ненаучный критерий значения языковых форм («Язык», 1933). Дескриптивная лингвистика провозглашает требование формального описания языка по заданной программе.

БИХЕВИОРИЗМ (от англ. *behaviour, behavior* – поведение) в языкознании – система взглядов на сущность и функции языка, в основе которого лежит понимание поведения человека как совокупности двигательных и сводимых к ним вербальных и эмоциональных реакций организма на стимулы внешней среды (непосредственных или опосредованных) и отрицание сознания как предмета психологического исследования. Начальный этап развития бихевиоризма в психологии (кон. XIX – 20-е гг. XX в.) связан с работами Дж. Б. Уотсона и Э. Л. Торндайка. Позже идеи бихевиоризма, сочетаясь с различными когнитивистскими подходами, породили ряд необихевиористских направлений (Э. Ч. Толмен, К. Л. Халл, Ч. Э. Осгуд и др.). Особую позицию, во многом восходящую к начальному этапу и легшую в основу так называемого программированного обучения, занимает Б. Ф. Скиннер. Методологические основы бихевиоризма и необихевиоризма связаны с позитивизмом, прагматизмом и операционализмом. В языкознании наиболее прямое воздействие бихевиоризма испытал Л. Блумфилд, создавший бихевиористскую теорию языка как формы реактивного поведения (т. е. одного из видов реакции человека на воздействие внешней среды), благодаря кото-

рой индивидуум приспосабливается к социальной среде. Через посредство Блумфилда идеи бихевиоризма распространились в постблумфилдианской дескриптивной лингвистике.

Идеи бихевиоризма составляли философско – методологическую основу ряда наук о человеке и стали для специалистов по «бихевиоральным наукам» естественной отправной точкой любого научного рассуждения, в т. ч. оказали влияние и на американское языкознание. Бихевиоризм лег в основу неопозитивистской семиотической теории Ч. У. Морриса (наряду с прагматизмом Ч. С. Пирса) и через нее влиял на все дальнейшее. Дж. Миллер воспроизводит всю философско-методологическую платформу и многие собственно психологические положения бихевиоризма. Это касается не только позитивистской, прагматистской, операционалистской ориентации их концепции в целом, но и более частных вопросов – соотношения биологического и социального в поведении человека, идеи «проб и ошибок» и «подкрепления» как механизма поведения, тезиса о вербальном поведении прежде всего как о системе реакций, хотя и весьма сложно организованной, и т. п. Идеи бихевиоризма проникли в собственно лингвистику также через психолингвистику, которая в 50–70-е гг. XX в. в Западной Европе и США опиралась либо на необихевиористскую концепцию Осгуда, либо на конфронтировавшие с ней взгляды Хомского и Миллера (т. н. генеративная, или трансформационная психолингвистика).

В 80-е гг. XX в. бихевиоризм в психологии переживает упадок и не оказывает прямого воздействия на языкознание.

ГЕНЕРАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА (от ср. – лат. *generativus* – рождающий, порождающий) – одна из ветвей формального направления в лингвистике, возникшая под влиянием идей Н. Хомского в 50–60-х гг. XX в. и основывающаяся на описании языка в виде формальных моделей определенного типа. В рамках самой генеративной лингвистики возникли оппозиционные течения, например, порождающая семантика.

ПАРАЛИНГВИСТИКА (от греч. *пара* – около) – направление в науке, возникшее на рубеже лингвистики, психологии, этнографии, медицины и культурной антропологии в начале 50-х гг. XX в. в США. Его представители – Дж. Трегер, Г. Смит, И. Хокет, Т. Себеок и др. Паралингвистика изучает явления, сопровождающие языковое общение людей и несущие при этом информацию, истолковываемую определенным образом (тембр голоса, интонации, кашель, жесты, манера говорить и т. д.). Из различных аспектов знаковой теории паралингвистика ближе всего стоит к прагматике, изучающей реакцию воспринимающего на знаковое высказывание.

Предмет паралингвистики в настоящее время только формируется, поэтому его трудно четко и строго соотносить с предметами других смежных наук. Существуют различные понимания области, исследуемой паралингвистикой: в узком смысле слова она включает звуковые явления, сопровождающие звуковое высказывание; в более широком – всякие (не обязательно звуковые) сопровождения устного человеческого общения; наконец, при самом широком подходе (когда язык не связывается с определенной субстанцией), паралингвистика охватывает вообще всякие явления, сопровождающие языковую деятельность – звуковые, графические, кинетические и т. д. В последнем случае в паралингвистику включается и паракинесика – явления, сопровождающие жестовую коммуникацию. К паралингвистике относятся также особенности письма, свидетельствующие о графических навыках пишущего, о его физическом и душевном состоянии.

Паралингвистические явления представляют собой побочный продукт коммуникации и, в отличие от собственно языковых высказываний, обычно не строятся говорящим сознательно, однако они воспринимаются и интерпретируются участниками общения. Различаются обязательные и факультативные паралингвистические явления: к первым относится окраска голоса, темп речи, манера письма и т. д., ко вторым – звуки типа кашля, рыданий, причмокиваний, а также жестовые сопровождения речи. Будучи бессознательными, эти

явления могут сознательно имитироваться (с целью выразить то или иное душевное состояние или – в случае письменной коммуникации – имитировать чужой почерк). Актерская имитация паралингвистических феноменов может быть реалистической или стилизованной (условной). В этом плане ярким примером выступают различные школы и основанные им учения выразительности жестов и мимики в танцах и театрах народов Востока.

При изучении паралингвистических явлений существенно выяснить, насколько они условны или, напротив, естественны; насколько они ориентированы на воспринимающего или являются полностью произвольным самовыражением говорящего; насколько они самостоятельны от собственно языковых высказываний, которые ими сопровождаются, – т. е. насколько они организованы в систему и насколько эта система поддается существующим методам исследования или требует новых методов. Предполагается, что паралингвистические явления не образуют самостоятельной системы и их системное рассмотрение возможно лишь в более широком контексте, когда они выступают как элементы языкового сопровождения. Что касается методов исследования паралингвистики, то здесь ощутимы серьезные трудности, поскольку аппарат лингвистики недостаточен для этих целей, а специальный аппарат до сих пор в удовлетворительном виде построить не удалось.

Важность развития паралингвистики осознана в связи с потребностями практики и ряда наук, смежных с языкознанием. Например, при преподавании иностранных языков выявилось, что изучение собственно языка недостаточно для полного понимания носителей изучаемого языка из-за наличия таких паралингвистических явлений, которые обусловлены национальной или культурной спецификой (манера выражать эмоции, жестикулировать, вступать в человеческие контакты). В сфере международного общения пренебрежение паралингвистическими элементами может привести к недоразумениям (один и тот же жест – напр., кивок головой – у разных народов может быть истолкован как отказ или согласие). В области искусства непонимание паралингвистических функций языкового сопровождения может привести к неправильному изображению поведения людей других эпох или стран. Адекватная интерпретация паралингвистических явлений существенна для медицины, где соответствующие специфические признаки (дрожание голоса, нервные движения рук во время речи, замедленный или учащенный темп речи и т. д.) могут служить симптомами определенных заболеваний. Паралингвистические элементы важны и для криминалистики (определение личности преступника по характерному написанию букв, по специфике голоса, жестового сопровождения и т. п.).

В человеческом общении интерпретация паралингвистических элементов воспринимающим состоит в перекодировании информации, полученной от говорящего, в знаки другого кода, известного воспринимающему (напр., врач перекодирует, «прочитывает» паралингвистические явления, сопровождающие речь больного, в виде симптомов заболевания). Т. обр., умение воспринимать и интерпретировать паралингвистические явления требует специального знания – тем более специального, чем сложнее данные паралингвистические явления.

II. Европейское развитие семиотики

В Европе сложилось несколько лингвистических направлений семиотики. Представительной были английская и немецкая школа, но столь же значимыми оказались для развития семиотики Женевская, Копенгагенская, Пражская школы. В конце XX века значимым представителем семиотики стал Умберто Эко. Данным направлениям и исследователям в европейском развитии семиотики и будет посвящен этот раздел.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ – лингвистического анализа философия, философия обыденного языка, течение аналитической философии. Возникла в 1930-х гг. и полу-

чила развитие в Великобритании (Г. Райл, Дж. Уислом, П. Стросон, Дж. Остин и др.). Известное влияние имеет также в США (М. Блэк, Н. Иалком и др.), в Австралии и в скандинавских странах. Идейнными источниками Лингвистической философии являются философия «здравого смысла» Мура и взгляды позднего Витгенштейна.

Будучи одной из школ неопозитивизма, лингвистическая философия отрицает мировоззренческий характер философии и считает традиционные философские проблемы псевдопроблемами, возникающими в силу дезориентирующего влияния языка на мышление. В отличие от сторонников другой разновидности аналитической философии – логического анализа философии, представители лингвистической философии усматривают задачу «философа-аналитика» не в том, чтобы реформировать язык в соответствии с некоторой логической нормой, а в детальном анализе фактического употребления естественного разговорного языка. Это необходимо для того, чтобы устранять недоразумения, возникающие вследствие его неправильного употребления. В частности, согласно лингвистической философии, такой анализ приводит к выявлению причин постановки философских проблем, которые будто бы возникают в результате неправомерного расширения обыденного словоупотребления. Возражая против любых проявлений техницизма в философии, связанного с использованием специального понятийного аппарата, и отстаивая «чистоту» употребления естественного языка, лингвистическая философия выступает в качестве решительного противника сциентизма в философии, в частности сциентизма логических позитивистов. Впервые идеи лингвистической философии получили свое выражение в 1930-х гг. в т. н. кембриджской школе последователей Витгенштейна, усматривавших задачу философии в терапевтическом «анализе» языка с целью извлечения постоянно возникающих при употреблении «недугов», которые будто бы и являются подлинным источником «метафизических (т. е. философских) проблем. С конца 1940-х гг. большое влияние приобретают представители т. н. оксфордской школы (Райл, Остин, Стросон и др.). Соглашаясь с Витгенштейном и кембриджскими аналитиками в том, что анализ призван выполнять негативную функцию элиминации метафизики, оксфордские аналитики в то же время полагают, что анализ может дать и позитивные результаты, связанные с выяснением деталей и оттенков употребления выражений языка. Они подчеркивают разнообразие языковых явлений, выступая против всяких тенденций к унификации языка. Несмотря на несостоятельность лингвистической философии как философского течения в целом, исследования представителей лингвистической философии содержат некоторые позитивные результаты по анализу логической структуры обыденного языка и изучению его семантических возможностей.

ВИТГЕНШТЕЙН (Wittgenstein) Людвиг (26.4.1889, Вена, – 29.4.1951, Кембридж), австрийский философ, логик и математик. Представитель аналитической философии. С 1929 жил в Великобритании. В «Логико-философском трактате» (1921, русский перевод 1958) Витгенштейн под влиянием Рассела выдвинул концепцию логического анализа языка, основанную на идее т. н. логически совершенного, или идеального, языка. Начиная с 30-х гг. Витгенштейн отказался от односторонней ориентации на логику и идеи логически совершенного языка, рассматривая его лишь как одну из возможных «языковых игр». Абсолютизация логического моделирования языка сменяется у Витгенштейна культом многообразия форм обыденного языка и их эмпирического описания. Витгенштейн резко выступал против всяких унификаций и генерализаций в подходе к языку, выдвигая концепцию «значения» как употребления, противопоставляя теории обобщения идею «семейных сходств». Эти взгляды Витгенштейна, нашедшие выражение в его посмертном труде «Философские исследования» (*Philosophische Untersuchungen*, 1953), оказали большое влияние на развитие лингвистической философии.

Л. Витгенштейн

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА – понятие, которое ввел Витгенштейн в своей работе 1935 г. «Философские исследования». Понятие «языковая игра» оказало значительное влияние на последующее развитие философии и затем семиотики культуры. В 30-е годы Витгенштейн 6 лет работал в деревне, где столкнулся со стихией народного языка. Это послужило толчком к новому осмыслению закономерностей языка, отличающихся от тех, которые были изложены в его более ранней работе «Логико-философском трактате» (1921). Интересно сравнение Витгенштейном языка с городом, которое приводит В. П. Руднев в «Словаре культуры XX века», впервые выделяя термин языковая игра в словаре: «Наш язык можно рассматривать как старинный город: лабиринт маленьких улочек и площадей, старых и новых домов, домов с пристройками разных эпох; и все это окружено множеством новых районов с прямыми улицами регулярной планировки и стандартными домами... Представить себе какой-нибудь язык – значит представить некоторую форму жизни».

Слово игра может ввести в заблуждение, вызывая в сознании представление о том, что термин «языковая игра» связан с представлением о развлечении. И, действительно, язык включает в себя возможности различного рода развлечений. Не случайно Фердинанд де Соссюр сравнивал язык с игрой в шахматы. Витгенштейн понимает введенный им термин «языковая игра» как формы самой жизни. Не только язык, а сама реальность, которую мы воспринимаем только через призму языка, является совокупностью «языковой игры». Не можем не привести полностью окончание статьи «Языковая игра» из «Словаря...» В. П. Руднева, настолько оно глубоко, живо и интересно дает представление о Языковой игре: «Вся человеческая жизнь – совокупность Языковой игры, как прекрасно описал это Саша Соколов в «Школе для дураков»: “девочка станет взрослой и станет жить взрослой жизнью; выйдет замуж, будет читать серьезные книги, спешить и опаздывать на работу, покупать мебель, часами говорить по телефону, стирать чулки, готовить есть себе и другим, ходить в гости и пьянеть от вина, завидовать соседям и птицам, следить за метеосводками, вытирать пыль, считать копейки, ждать ребенка, ходить к зубному, отдавать туфли в ремонт, нравиться мужчинам, смотреть в окно на проезжающие автомобили, посещать концерты и музеи, сме-

яться, когда не смешно, краснеть, когда стыдно... платить пени, расписываться в получении переводов, листать журналы, встречать на улице старых знакомых, выступать на собрании, хоронить родственников, греметь на кухне посудой... любить Шопена, мечтать о поездке за границу, думать о самоубийстве, ругать неисправные лифты, копить на черный день, петь романсы, хранить давние фотографии, визжать от ужаса, осуждающе качать головой, сетовать на бесконечные дожди, сожалеть об утраченном...»).

КОЛЛИНГВУД Робин Джордж (1889–1943) – профессор Оксфордского университета, историк, философ, археолог, изучавший Британию римских времен. Коллингвуд разработал теорию истории, которая требовала развития новой логики, логики вопроса и ответа, которая удовлетворяла бы требованиям исторического исследования, и, как объяснял Коллингвуд, была бы в своей методологии семиотической. Поскольку Коллингвуд рассматривал вопрошание как умственный процесс, который превращает данные опыта в свидетельства и смысловую информацию, историография становится знаковой функцией и то, что он говорит о ней как таковой, приобретает прямой интерес для занимающихся семиотикой.

В этой логике вопрошания значение утверждения можно понять только в его функции ответа на вопрос исторически ангажированного исследователя. Знание не есть простая регистрация фактов уже имеющих собственное значение, независимое от суждений ума, но включает в себя вопросы, ответами на которые являются утверждения о фактах. Эта вопрошающая активность и есть та активность, которая свойственна познающему уму. Именно она ответственна за тот смысл, который будут иметь утверждения. Поэтому значение или смысл утверждения заключается как раз в их функции ответов на вопросы. В русле этого семиотического процесса постановки и вопросов, и ответа на них, согласно Коллингвуду, человеческий ум структурно оформляется на данной стадии исторического развития. Во-первых, накоплением своего прошлого опыта (т. е. накоплением фактов, полученных в ответ на процессы вопрошания в прошлом, которое Коллингвуд называет «относительными предпосылками»). Во-вторых, и более основательно, «абсолютными предпосылками», которые суть не ответы на вопросы, заданные в прошлом, которые не «взяты из действительности», но являются каталитическими агентами, которые ум должен произвести из своих собственных ресурсов в целях манипуляции тем, что мы называем «действительностью» и превращения ее в науку и цивилизацию. Составляющие любого человеческого ума на данной стадии его развития нужно понимать как совокупность поддерживающих друг друга предпосылок, как абсолютных, так и относительных (такой смысл имеют выражения: «западный ум», «греческий ум» и т. д.). Именно эта совокупность предпосылок делает его обладателя семиотически более или менее компетентным мастером научно упорядоченного вопрошания. Когда мы встречаемся с данными опыта, еще не включенными в осмысленный синтез с другими фактами (например, невыясненный случай убийства или только что обнаруженный артефакт неизвестного происхождения), возникают вопросы, подсказанные семиотической конфигурацией поддерживающих друг друга предпосылок.

То, что Коллингвуд называет «мышлением высшей категории», в противоположность позитивистской регистрации фактов, как если бы они были бы «уже там», Коллингвуд называет это «мышлением низкой категории», является полностью семиотическим феноменом. В таком ходе мысли ум принимает то, что уже было установлено как факт посредством продуманного исследования в прошлом, не так, как если бы то был просто осадок в растворе прошлых проблем, но динамично – как значимость, которая сообщает вопрошанию его стремящуюся вперед силу. Ум на вершине активности краток, он в своих поисках выходит за пределы того, что уже было установлено как факт. «Это устремление ума в поисках добычи и называется вопрошанием... Задавать вопросы, зная, что вы их задаете, есть мышление высшей категории... Второй этап – это не только гнаться за добычей, но гнаться за ней искусно – что значит задавать вопросы умело, иначе говоря, научно». Это означает извлечение и

построение вопросов, а извлечение может быть охарактеризовано как работа по обнаружению предпосылок. Вопросы «возникают» как результат предпосылок. Метафизика, которая для Коллингвуда есть историческая наука, строящаяся согласно вопрошающему методу истории, это «попытка установить, какие предпосылки были сделаны той или иной особой, или группой людей, в процессе того или иного размышления». Т. обр. спекулятивный труд Коллингвуда должен быть оценен как прямой предшественник полного развития семиотической методологии в наши дни.

ЖЕНЕВСКАЯ ШКОЛА – одна из школ социологического направления в языкознании, непосредственно опирающаяся на идеи «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и развивающая научные традиции Женевского университета (самоназвание существует с 1908). Первое поколение ученых Женевской школы представляют ученики Соссюра – Ш. Балли и А. Сеше, С. О. Карцевский, второе – А. Фрей, Р. Гедель и др. В центре интересов Женевской школы – проблемы общего языкознания, решаемые на материале разных языков, соотношение индивидуального и социального в явлениях языка и речи, связь языка и мышления, проблемы семиологии, семантики и синтаксиса. В 1916 был издан «Курс общей лингвистики», составленный по записям студентов, трижды слушавших курс. В нем сформулированы взгляды на язык, оказавшие огромное влияние на развитие структурной лингвистики, т. к. впервые в языкознании рассмотрение языка как системы (структуры) было положено в основу теории. Лингвистику Соссюр определил как часть новой науки, изучающей жизнь знаков внутри общества, которую он назвал семиологией, но включил в социальную психологию. Лингвистический знак – двусторонняя сущность, единство означаемого и означающего. Лингвистическая сторона концепции Соссюра смыкается с идеями И. А. Бодуэна де Куртенэ, Н. В. Крушевского, У. Д. Уитни. С 70-х гг. XX в. Соссюра трактуют как представителя философии языка, т. к. он ввел проблемы онтологии языка как семиотических систем. Начало послессоссюровского периода связано с деятельностью Балли и Сеше, развивавших новые области языкознания на основе идей Соссюра. Балли разрабатывал функциональный подход к языку, рассматривал принципы классификации языковых знаков как виртуальных единиц, хранимых в памяти, теорию языкового знака. Сеше обратился к исследованию взаимодействия индивидуального и социального в языке, вместе с Балли и А. Фреем отстаивал идею произвольности языкового знака. Карцевский разрабатывал семантико-структурный подход к явлениям грамматики. Функциональный подход к явлениям языка характерен для Фрея, исследовавшего проблемы языкового знака. Гедель занимался рядом проблем общей теории языка. К младшему поколению Женевской школы относится Энглер (ученик Геделя), который разрабатывает проблемы семиологии и семантики. Попытка построения семиологического синтаксиса принадлежит Р. Амакеру. Л. Прието разрабатывает проблемы общей лингвистики и семиологии. С 1941 году в Женеве, Женевским лингвистическим обществом издается ежегодник *Cahiers F. de Saussure* («Тетради Ф. де Соссюра»), в котором публикуются статьи по общему языкознанию, био- и библиографические материалы.

КОПЕНГАГЕНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КРУЖОК (*Lingvist-kredsen i Kobenhavn, Cercle Linguistique de Copenhague*) основан в 1931 г. У истоков Копенгагенского лингвистического кружка находился Л. Ельмслев, до самой смерти в 1965 г. бывший председателем ежегодно избираемого руководящего органа – бюро. Кружок был организован для помощи исследователям в области общей и системной лингвистики. Несомненное влияние на Копенгагенский лингвистический кружок оказали Э. Сепир и известные лингвистические школы – Московская фортунаговская, Женевская и Пражская. На ранних этапах исследователи этого кружка в основном разрабатывали проблемы глоссематики, с 70-х гг. начали проявлять интерес к генеративной лингвистике.

ГЛОССЕМАТИКА (от греч. *glossema*, род. п. *glossematos* – слово) – лингвистическая теория, ставшая наиболее последовательным проявлением структурализма в западно-

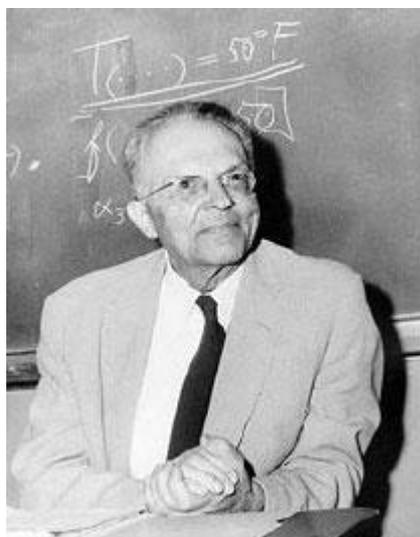
европейской науке. Разработана в 30–50-е гг. Л. Ельмслевом и Х. Й. Ульдаллем, а также (частично) другими членами Копенгагенского лингвистического кружка.

Для глоссематики характерна методология неопозитивизма, одного из основных направлений философии XX в. По представлениям глоссематики, теория признается независимой от опыта в том смысле, что экспериментальные данные не могут усилить или ослабить ее. Такой характер теории обусловлен стремлением максимально сблизить глоссематику с системами исчисления, которым не свойственно отражение конкретных особенностей исчисляемых объектов. Однако глоссематика, по мнению Ельмслева, должна обеспечить понимание не любых объектов, как при других системах исчисления, а только «объектов определенной природы», т. е. языковых текстов. Главным методологическим источником глоссематики в понимании природы языка является лингвистическое учение Ф. де Соссюра. Из учения Соссюра о языке глоссематика восприняла с некоторыми видоизменениями понимание языка как системы знаков и понимание знака как единства означающего и означаемого и т. д.

Глоссематика различает в языке план выражения и план содержания. Этим достигается обобщение понятия знака. И в плане выражения, и в плане содержания выделяются противопоставляемые друг другу форма как ведущее начало в языке и субстанция, которая ставится в абсолютную зависимость от формы.

Понимание формы как основной сущности языка получает в глоссематике и более конкретное выражение – в унаследованном от Соссюра сведении языка к системе чистых отношений, именуемых здесь функциями.

Довольно представительной является немецкая ветвь в развитии лингвистики и семиотики. Одним из ее представителей можно назвать исследователя Р. Карнапа.

Р. В. Карнап

КАРНАП (Carnap) Рудольф (18.5.1891, Вупперталь – 16.9.1970, Санта-Мария, Калифорния) – немецко-американский философ и логик, ведущий представитель логического позитивизма и философии науки. Опираясь на Витгенштейна и Рассела, Карнап считал предметом философии науки анализ структуры естественнонаучного знания с целью уточнения основных понятий науки с помощью аппарата математической логики. В творческой эволюции Карнапа выделяются три этапа. В первый период (до начала 30-х гг.) Карнап активно участвует в Венском кружке и в разработке идей логического эмпиризма. Он выдвигает ряд радикальных неопозитивистских концепций (физикализм и др.) и отрицает мировоззрен-

ческий характер философии. Во второй период Карнап выдвигает тезис о том, что логика науки есть анализ чисто синтаксических связей между предложениями, понятиями и теориями, отрицая возможность научного обсуждения вопросов, касающихся природы реальных объектов и их отношения к предложениям языка науки. Карнап развивает теорию логического синтаксиса, строит язык расширенного исчисления предикатов с равенством и с правилом бесконечной индукции как аппарат для логического анализа языка науки. В третий период (после 1936 г.) Карнап, занимаясь построением «унифицированного языка науки», приходит к выводу о недостаточности чисто синтаксического подхода и о необходимости учитывать и семантику, т. е. отношение между языком и описываемой им областью предметов. На основе своей семантической теории Карнап строит индуктивную логику как вероятностную логику, развивает формализованную теорию индуктивных выводов, разрабатывает теорию семантической информации. Автор работ по семантической интерпретации и квантификации модальной логики. Ряд результатов, полученных Карнапом, был использован в исследованиях по кибернетике. В последние годы жизни Карнап отказался от многих взглядов, характерных для первого этапа, и более решительно высказывал положение о существовании «ненаблюдаемых материальных объектов» как основы для построения логических систем, близкое к естественнонаучной материалистической тенденции.

Э. Кассирер

КАССИРЕР (Cassirer) Эрнст (28.7.1874, Бреславль, ныне Вроцлав – 13.4.1945, Принстон, Нью-Джерси) – немецкий философ-идеалист, представитель марбургской школы неокантианства. Профессор (1919–33) и ректор (1930–33) Гамбургского университета. С 1933 в эмиграции: в Оксфорде (Великобритания), в 1935–41 в Гетеборге (Швеция), с 1941 в США. В начале своей деятельности занимался философскими проблемами естествознания, разработал теорию понятий, или «функций»; после 1920 г. создает оригинальную философию культуры. Вслед за Когеном и Наторпом Кассирер устраняет из кантовской системы понятие «вещи в себе» как одного из двух (наряду с субъектом познания) факторов, созидающих мир опыта; материал для построения опыта («многообразие») создается у Кассирера самой мыслью. Соответственно пространство и время перестают быть созерцаниями (как у Канта) и превращаются в понятия. Вместо кантовских двух сфер – теоретического и практического разума, по Кассиреру, существует единый «мир культуры», идеи практического разума из регулятивных становятся, как и категории, конститутивными, т. е. созидающими мир

принципами. Кассирер называет их «символическими функциями», поскольку они представляют высшие ценности, связанные для Канта с «божественным» в человеке. Разнообразные сферы культуры, называемые Кассирером «символическими формами» (язык, миф, религия, искусство, наука, история), рассматриваются им как самостоятельные, несводимые друг к другу образования. Философия культуры Кассирера определяет и понимание им человека как «животного, созидającego символы». Автор историко-философских работ о Лейбнице, Канте, Декарте, философии Возрождения, Просвещения и др. Кассирер был близок А. Варбургу – одному из зачинателей иконологии и Э. Панофскому. Свою концепцию философии культуры Кассирер разрабатывал в течение шести лет в 20-х годах, когда как раз находился в наиболее тесном общении с Э. Панофским. Сам Кассирер определял свою исследовательскую задачу как изучение разнообразных символических форм и их интерпретации в пространстве человеческой культуры. Он считал, что нет иной реальности в понимании человека, чем та, что существует в «символических формах» пространства, времени, числа, причины и т. д. Результаты этих исследований были опубликованы им в трех томах «Философии символических форм» (1923–1929). Каждый том посвящен одной из «символических форм культуры» – языку, мифу и феноменологии познания. Язык, по мнению Э. Кассирера, представляет собой особую «символическую форму», которая в виде «магического зеркала» отражает и преобразует (искривляет) формы реальности по своим собственным законам. Миф же представляет собой такую символическую форму, по мнению Кассирера, которая не отражает, а творчески видоизменяет реальность. Человек живет не только в физической реальности, но и в символической вселенной, где язык, миф, искусство и религия – часть универсума, окружающего человека. Эта философия символических форм, как видим, чрезвычайно близка иконологии, но есть и отличия. Согласно Кассиреру, морфология человеческого духа должна привести к общей культурологии. Но человеческая культура состоит из множества проявлений, существующих в разных пространствах культуры. Привести их к общему знаменателю невозможно. Искусство в системе «символических форм», считает Кассирер, представляет собой лишь символическое постижение реальности. Вот почему собственно искусству в философии культуры, Кассирером не уделяется специального внимания. Оно рассматривается как иллюстрация одной из многих «символических форм». Э. Панофский же стал применять именно по отношению к искусству концепцию «символических форм» Кассирера. В конце жизни Кассирер живо откликнулся на появление структуралистских и неогумбольдтианских концепций.

ГУМБОЛЬДТИАНСТВО – совокупность взглядов на язык и способы его изучения, сформировавшиеся в русле философско-лингвистической программы В. фон Гумбольдта, основателя общего языкознания и философии языка. Теоретико-методологическую базу этой программы составляет антропологический подход к языку, в соответствии с которым адекватное изучение языка должно производиться в тесной связи с сознанием и мышлением человека, его культурой и духовной жизнью.

Лингвистическая концепция Гумбольдта возникла как реакция на антиисторическую и механистическую концепцию языка XVII–XVIII вв. Гумбольдтианство развивалось в Германии в работах Х. Штейнтала, В. Вундта, Э. Гуссерля, Л. Вайсгербера. В России осмыслению наследия и распространению идей Гумбольдта способствовал А. А. Потебня («Мысль и язык», 1862), а затем Г. Г. Шпет («Внутренняя форма слова», 1927 – реакция на психологизм А. А. Потебни с позиций феноменологии и логики Гуссерля).

НЕОГУМБОЛЬДТИАНСТВО – направление зарубежного языкознания, характеризующееся преимущественным вниманием к семантической стороне языка, стремлением изучать язык в тесной связи с культурой данного народа, но преувеличивающее активную роль языка в процессах мышления и познания. Неогумбольдтианство существует в двух разновидностях – европейской и американской. В 20-х гг. XX в. в лингвистике (главным образом

в Германии) возникли, как реакция на односторонность младограмматической теории с ее преимущественным интересом к «формальной» грамматике, течения, которые впоследствии получили название неогумбольдтианство. Оно ставило своей целью возрождение «подлинного» сравнительного языкознания в духе идей В. фон Гумбольдта. Основные положения европейского неогумбольдтианства были сформулированы Л. Вайсгербером и разрабатывались также Й. Триром, Х. Глинцем, Х. Хольцем, Г. Ипсенем, П. Хартманом, Х. Гиппером и др. философами. Основа европейского неогумбольдтианства – неокантианское учение Э. Кассирера, согласно которому понятия не являются отражением объективной действительности, а представляют собой продукты символического познания, т. е. познания, обусловленного языковыми знаками, или символами.

Представители неогумбольдтианства разделяют субъективно-идеалистическую теорию познания в духе И. Канта, И. Г. Фихте, неокантианской философии, старого и современного позитивизма. Неогумбольдтианство, подобно Канту, признает существование объективного мира, не зависящего от сознания человека и воздействующего на его чувственную сферу. Однако результатом этого воздействия признается хаотический набор опытных данных; эти эмпирические факты, по мнению представителей неогумбольдтианства, благодаря творческой активности языка упорядочиваются, распределяются по классам, вступают друг с другом в пространственные, временные и причинно-следственные отношения; так конструируется мир как связанное целое. Целостная же картина мира, по этой теории, творится человеческим сознанием при помощи языка, не будучи более или менее точным отражением объективного мира, а будучи обусловлена определенным языком, что ведет к «лингвистическому агностицизму» – к признанию ограничения познавательных возможностей человека свойствами того языка, с помощью которого он творит картину мира. Основные положения философии языка неогумбольдтианства:

1) язык определяет мышление человека и процесс познания в целом, а через него – культуру и общественное поведение людей, мировоззрение и целостную картину мира, возникающую в сознании;

2) люди, говорящие на разных языках, создают различные картины мира, а потому являются носителями различной культуры и различного общественного поведения;

3) язык не только обуславливает, но и ограничивает познавательные возможности человека;

4) от различия языков зависит не только разница в содержании мышления, но и различие в логике мышления, характер, тип мышления.

Преувеличение положительной активной роли языка в процессах мышления и познания объединяет концепцию неогумбольдтианства с философией языка Гумбольдта. Однако лингвистический агностицизм неогумбольдтианства противоречит взглядам Гумбольдта, утверждавшего, что круг понятий того или иного народа не следует выводить из его словаря, т. к. большое число понятий, особенно абстрактных, может быть выражено метафорами и описательным путем.

Неогумбольдтианство в целом стоит ближе к гумбольдтианской ориентации теории языка, противопоставляя ее сосюррианской, но методы собственно лингвистического анализа неогумбольдтианства свидетельствуют и о влиянии идей Ф. де Соссюра (его понимание языкового знака, системы языка, противопоставление языка и речи). В 70–80-е гг. XX в. европейское неогумбольдтианство ищет пути сближения с генеративной лингвистикой и особенно с прагматикой.

Американское неогумбольдтианство (называемое также этнолингвистикой) сложилось независимо от гумбольдтианских традиций. Это ответвление неогумбольдтианства акцентирует проблему «язык и культура», обращается в исследовательской практике к контрастивному сопоставлению языков американских индейцев с языками «ср. – европейского

стандарта». Гипотеза лингвистической относительности Сепира – Уорфа утверждает, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину Вселенной только при сходстве или по крайней мере при соотносительности языковых систем.

ПАНОФСКИЙ Эрвин (Panofsky Erwin, 1892–1968) – американский искусствовед. В 1910-х годах изучал право во Фрайбургском университете. В 1915 в Берлине защитил диссертацию о художественной теории Дюрера (*Durer Kunsttheorie, vornehmlich in ihrem Verhältnis zur Kunsttheorie der Italiener*). После защиты был приглашен в недавно открытый Гамбургский университет, где проработал до 1933 года. Начиная работу как приват-доцент, затем стал профессором (1926). С приходом нацистов к власти Панофский эмигрировал в Америку.

Научные взгляды Эрвина Панофского сформировались под воздействием классической немецкой философии, Я. Буркхарда и В. Дильтея. Под влиянием идей А. Ригля, пытавшегося найти некую движущую силу истории искусства, Панофский пишет работу «Немецкая пластика с одиннадцатого до тринадцатого века» (*Die deutsche Plastik des elften bis dreizehnten Jahrhunderts. V.1–2. – München, 1924*). Панофский испытал также влияние М. Дворжака. Ему была близка его идея рассматривать историю искусства как часть общего развития человечества.

Для рубежа веков было характерно увлечение лингвистикой, когда зародилась наука семиотика, применявшаяся к разным областям знания. Не обошло это увлечение и искусствоведение. Историки искусства стремились найти такой язык науки, который мог бы адекватно выразить способы «репрезентации» художественных образов. Так возникла наука иконология, основателем которой можно считать А. Варбурга. Продолжая исследование А. Варбурга над гравюрой «Меланхолия», которую Варбург не смог довести до конца из-за болезни, Панофский создал одну из лучших иконологических штудий Дюрера – «“Меланхолия I” Дюрера» (*Durer «Melencolia I»: Eine quellen- und typengeschichtliche Untersuchung. Studien der Bibliothek Warburg 2. – Leipzig/Berlin, 1923*). К иконологическим штудиям можно отнести и следующие его две работы – о трансформации образа Геркулеса от античности до Ренессанса, рассмотренные им через многочисленные смысловые метаморфозы в эпоху Средневековья (*Hercules am Scheidewege und andere antike Bildstoffe in der neueren Kunst. / Studien der Bibliothek Warburg 18. – Leipzig/ Berlin, 1930*) и написанное совместно с Фрицем Заклем и изданное уже в Америке исследование об изменении и переосмыслении античных мифов в средневековом искусстве (*Classical Mythology in Medieval Art. – Metropolitan Museum Studies, № 1933*).

Но самое значительное влияние на воззрения Эрвина Панофского оказала философия Э. Кассирера, с которым Панофского связывали узы дружбы, – Панофский ходил на его лекции, и Э. Кассирер был его покровителем. Под влиянием «Философии символических форм» Э. Кассирера, Панофский написал такое известное на Западе и лишь в отрывках переведенное на русский язык исследование «Перспектива как символическая форма» (*Die perspektive als «symbolische Form». Vorträge der Bibliothek Warburg 1924–25. – Leipzig/ Berlin, 1927*).

Главная работа Эрвина Панофского, в которой семиотический аспект анализа превалирует, является книга «Этюды по иконологии: гуманистическая тема в искусстве Возрождения», написанная уже в Америке и изданная там в 1933 году.

В 1998 году в серии «История эстетики в памятниках и документах» у нас в стране издана книга Эрвина Панофского «Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада» в переводе Александра Георгиевича Габричевского, профессора Московского университета, знатока культуры и искусства итальянского Возрождения. Замысел этого издания и перевод книги были сделаны Александром Георгиевичем еще в 60-е годы. Однако издание вышло посмертно, более чем через 30 лет после его создания при активном участии профессора Московского университета В. Н. Гращенкова и редакторов издательства – И. Я. Цагарелли и

Р. В. Тимофеевой. Между тем, книга эта на Западе пользовалась огромным успехом и была издана еще в 1960 г. Институтом истории искусства университета в Упсале. Здесь, в Швеции, в рамках Готtemanовских чтений при Упсальском университете в 1952 году Эрвин Панофский прочел 10 лекций. Первые четыре стали основой этой книги, вызвавшей широкий резонанс в научном мире. Остальные шесть лекций лишь частично нашли отражение в некоторых более поздних работах 1967 года.

Для Э. Панофского характерны широкая эрудиция, глубокая философская база, что позволило ему создать грандиозное здание истории западноевропейского искусства – от поздней античности через Средние века к Возрождению.

Методология Панофского оказала сильное влияние не только на историю и искусствоведение, но и на семиотику.

ИКОНОЛОГИЯ – возникла из иконографии. В начале XX века развитие археологии, потребность в точной атрибуции, систематизации коллекций, написание научных каталогов, интенсивное развитие медиевистики – нуждалось в точных научных методах анализа искусства, точном описании содержания художественных произведений, определения тем и образов, их классификации. В это время иконография стала выделяться в самостоятельную, хотя и вспомогательную научную дисциплину в рамках истории искусства. Более глубокий анализ, связанный с интерпретацией полученных данных, заставил исследователей строить более аргументированные суждения, связанные с аналогиями из разных форм искусства, религии, философии, истории, литературы и частной жизни. Так возник иконологический метод, наиболее полно представленный в работах Э. Панофского и непосредственно связанный с семиотикой. Предшественниками иконологического метода можно считать Ипполита Тэна, известного искусствоведа, привлекавшего в анализ произведений искусства историческую и культурную ситуацию эпохи, и Макса Дворжака, маститого ученого, который, опираясь на формальный анализ, стремился поставить анализируемое произведение в определенный исторический контекст, связывая его с философскими и религиозными тенденциями времени. Метод этот получил свое непосредственное название в лекции Аби Варбурга (друга и соавтора Э. Панофского), прочитанной в Риме в октябре 1912 года перед аудиторией X Международного конгресса истории искусств и посвященной анализу цикла фресок в Палаццо Скифаноной в Ферраре. Именно тогда Аби Варбург назвал используемый им метод изучения космологического содержания зодиакальных изображений анализируемого цикла «иконологическим анализом». Часто этот метод справедливо называют не методом искусствоведения (*Kunstwissenschaft*), а методом культурологии (*Kulturwissenschaft*). Этот метод стал методологической основой научной деятельности Э. Панофского. Но содержанием его метода и конечными целями исследований Э. Панофского стала философия «символических форм» Эрнста Кассирера.

БЕНЬЯМИН Вальтер (Walter Benjamin, 1892–1940) – немецкий писатель и эссеист, выдающийся литературный критик Германии первой половины XX в., изучал философию настолько глубоко, что вошел в историю философии культуры как один из ее ярких представителей. Учился в университетах Фрейбурга и Берлина, защитил диссертацию «Понятие художественной критики в немецком романтизме» (Берн, 1919). Однако академическая карьера оборвалась, когда Франкфуртский университет отклонил его блестящую, но провокативную докторскую диссертацию «Происхождение немецкой трагической драмы». В 20-е гг. Беньямин увлекается марксизмом и в 1925–26 посещает Москву, следствием чего явилось то, что в первом издании БСЭ, статья о Гете написана Беньямином в соавторстве с В. П. Зубовым, В. К. Иковым и др. Вместе с тем увлекался сионизмом. Эмигрировал из Германии в 1933 г., спасаясь от фашистов. Затем, в Испании, не выдержав мучительных препятствий, за день до возможности перейти границу, покончил жизнь самоубийством. Тонкий эстет, глубоко чувствовавший особенности современной ему художественной куль-

туры, глубоко раскрыл ее особенности. Наиболее известная работа, переведенная на русский язык, «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (впервые изд. на фр. яз. в 1936), где дана характеристика современной массовой культуры. Центральной незавершенной работой В. Беньямина были «Парижские пассажи». Незадолго до гибели были написаны афористические тезисы «О понятии истории» и примыкающий к ним «Геолого-политический фрагмент». Основные произведения были опубликованы (ряд работ по инициативе Т. Адорно) и переведены на многие языки мира во второй половине XX в. Современные семиотические исследования во многом обращаются к трудам Беньямина. Работы его, помимо журналов, опубликованы в: «Историко-философском ежегоднике» 1990. – М., 1991; Логос. – М., 1993.

ПРАЖСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА – одно из основных направлений структурной лингвистики. Центром Пражской лингвистической школы был Пражский лингвистический кружок (создан в 1926, организационно распался в начале 50-х гг.). Творческий расцвет относится к 30-м гг. Кроме чехословацких филологов, таких как В. Матезиус (организатор и глава кружка), Б. Трика, Б. Гавранек, Й. Вахек, Я. Мукаржовский, в кружок входили питомцы Московского университета Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон. Творчески связанными с Пражской лингвистической школой были П. Г. Богатырев, Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов. Идейным предшественником является Ф. де Соссюр, с именем которого связано представление о языке как частном случае семиотических систем. Пражская лингвистическая школа испытала также влияние Московской фортунатовской школы, Л. В. Щербы и особенно И. А. Бодуэна де Куртене. С наибольшей полнотой и последовательностью структурно-функциональная концепция Пражской лингвистической школы воплощена в исследованиях звуковой стороны языка; пражцы обосновали новый раздел науки о языке – фонологию. Пражская лингвистическая школа выдвинула как одну из основных проблем изучения вопросы, связанные с отношением между языком и действительностью, а также между языком и окружающими его структурами.

МУКАРЖОВСКИЙ Ян – (11.9.1891, Писек – 1975, Прага) – один из основоположников структурализма и семиотики. В 1911 г. поступил в Пражский университет, где специализировался в области сравнительного языкознания и чешской филологии. С 1929 г. преподавал эстетику в Карловом университете и Праге, совмещая затем эту работу с должностью профессора эстетики в Братиславском университете. В послевоенной социалистической Чехословакии Мукаржовский – ректор Карлова университета в Праге, с 1952 г. – академик вновь организованной Чехословацкой Академии Наук, в 1951–1962 гг. – директор Института чешской литературы. Научная концепция Мукаржовского сформировалась под воздействием немецкой классической философии, в особенности Гегеля, Женевской лингвистической школы, Московского лингвистического кружка и ОПОЯЗа. Видный представитель Пражского лингвистического кружка. Исследовал проблемы художественного текста, языков искусства, функций искусства, семиотических систем художественных структур, нормы в эстетической деятельности, монолога и диалога в художественной культуре. Теория функций в том виде, как она была разработана Мукаржовским в первой половине 1930-х гг., звучит весьма актуально, отправляясь от которой современная семиотика превращается в науку о культуре.

Ян Мукаржовский

Широта охвата материала, энциклопедизм искусствоведческих знаний (теоретические работы в области эстетики сочетаются у Мукаржовского с конкретными исследованиями, посвященными разным видам искусства – литературе, живописи, театру и кинематографии) с семиотической методологией делают наследие Мукаржовского уникальным и чрезвычайно важным в современной семиотике.

ЭКО УМБЕРТО (Eco Umberto, род.1932) – итальянский ученый, профессор, читает курсы лекций по семиотике и эстетике в Болонском университете, директор Института зрелищных искусств, почетный доктор университетов США, Дании и др., писатель. В газете «Эспрессо» ведет колонку «Почта Минервы», где он каждую неделю обращается к широкой публике, остроумно трактуя общекультурные темы в виде изящных эссе. Основная сфера интересов – семиотика и эстетика средневековья. В его редакции в Италии вышел в 70-х гг. сборник советских семиотических работ. Совместные работы с российскими семиотиками характерны и для 80-х гг.

Умберто Эко

Умберто Эко плодовит, его перу принадлежит больше 10 книг, посвященных таким, казалось бы, разнообразным темам, как поэтика Джойса, эстетические проблемы у Фомы Аквинского, роль читателя в повествовании. Умберто Эко хорошо знает средние века. С медиевистики он начинал свою научную деятельность и его преподавательская работа до сих пор делится между семиотикой (в истории которой он постоянно помнит о средневековом опыте изучения знаков) и историей средневековой литературы. Автор книг «Эстетическая проблематика у Фомы Аквинского» (Le problema estetico in Tommaso d'Aquino, 1956), «Открытое произведение» (Opera aperta, 1962), «Поэтика Джойса» (Le poeticehe di Joyse, 1966), «Трактат по общей семиотике» (Trattato di semiotica generale, 1975), Lector in fabula, 1979, The Role of the Reader, 1979, «Путешествие в гиперреальность» (Travels in Hyperreality, 1986). В 1990 г. выступал на очередных Тэннеровских чтениях в США. Выступление, ответы, вопросы и споры по лекции были изданы под заглавием темы доклада: «Интерпретация и чрезмерная интерпретация» (Interpretation and Overinterpretation. Umberto Eco and Richard Rorty, Jonathan Culler, Christine Brocke-Rose; Cambridge, 1992).

Проблемы интерпретации в центре внимания ученого. Много внимания уделяет он также теме постмодернизма в современной художественной культуре. Проблеме постмодернистского кича и замены подлинного посвящен сборник эссе «Вера в подделки».

Книга «Семиотика и философия языка» (1984) вышла одновременно на итальянском, в английском и немецком переводах. «Поиск идеального языка в европейской культуре» (*La ricerca della lingua perfetta nella cultura europea*, 1994) стала бестселлером. Издана одновременно в Италии, Великобритании, Испании, Германии, Франции. Исследует историю формирования языков и их лингвистического анализа. Особое внимание уделяет этапу создания искусственных языков. Признает языковое многоголосие культурного диалога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.